

Читайте книгу –
смотрите
фильм!

Ф Р Э Н К   Г Е Р Б Е Р Т

Д Ю Н А

Фрэнк Герберт
Дюна
Серия «Вселенная Дюны»
Серия «Хроники Дюны», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339991
Дюна: Издательство АСТ; М.; 2020
ISBN 978-5-17-118933-4

Аннотация

Роман «Дюна», первая книга прославленной саги, знакомит читателя с Арракисом – миром суровых пустынь, исполинских песчаных червей, отважных фрименов и таинственной специи. Безграничная фантазия автора создала яркую, почти осязаемую вселенную, в которой есть враждующие Великие Дома, могущественная Космическая Гильдия, загадочный Орден Бинэ Гессерит и неуловимые ассасины.

Перевод Соколова Ю.Р. лег в основу дубляжа фильма.
В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Книга 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

234

Фрэнк Герберт

Дюна

Людам, чьи труды из области идей переходят в область реального, – экологам пустынь, где бы они ни жили, в какое бы время ни работали, – посвящается эта попытка предвидения – с благодарностью и восхищением.

Frank Herbert
DUNE

© Herbert Properties LLC, 1965

© Перевод. Ю. Соколов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Книга 1

Дюна

Начиная любое дело, следует строго определить известные факты. Это знает любая из Дочерей Гессера. Чтобы понять Муад'Диб, нужно сперва точно установить время его жизни – он родился на 57-м году правления Падишах-Императора Шаддама IV, – а потом, с особой осторожностью, его место – планету Арракис. Не следует обманывать себя тем, что он родился на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни прожил на этой планете. Лишь Арракис, известный еще и под именем Дюна, навеки останется местом Муад'Диб в истории.

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Диб»

До отлета на Арракис оставалась только неделя, и, когда предотъездная суэта стала совсем уж непереносимой, к матери Пола прибыла какая-то старая карга.

Ночь была жаркой, и в древней каменной твердыне замка Каладан, служившем семейству Атрейдесов домом уже двадцать шесть поколений, становилось душно, как всегда пе-

ред сменой погоды.

Старуху впустили через боковую дверь, ведущую в сводчатый коридор, и позволили заглянуть в комнату юного Атрейдеса, лежащего в кровати.

В исходящем почти от пола тусклом свете притененного плавающего светового шара пробудившийся мальчик увидел у двери дородную женскую фигуру, позади которой стояла мать. Старуха была похожа на призрак ведьмы: спутанная паутина волос, в глубокой тени, под капюшоном, поблескивают опалы глаз.

– Не слишком ли он мал для своего возраста, Джессика? – спросила старуха дребезжащим, словно расстроенный бализет, голосом.

Мать Пола ответила мягким контральто:

– Известно, что Атрейдесы поздно начинают расти, Преподобная.

– Знаю я, знаю, – продребезжала старуха, – но все-таки ему уже пятнадцать.

– Да, Преподобная.

– Он проснулся и подслушивает, – сказала старуха, хихикнув, – лукавый негодник. Но в крови властелина должно быть лукавство. А если он и впрямь Квизац Хадерач... Ну...

Пол чуть приоткрыл глаза в сумраке спальни. Овальные, яркие, словно птичьи, глаза старухи как будто светились и росли перед его взором.

– Что ж, сегодня спи спокойно, лукавый негодник, – про-

изнесла старуха. – Завтра тебе потребуются все твои силы, чтобы достойно встретить мой гом джаббар.

А потом повернулась, подтолкнула мать мальчика к выходу и, выходя, звучно хлопнула дверью.

Закрывая глаза, Пол подумал: «А что такое гом джаббар?» Во всей сумятице переезда не было ничего страннее этой старухи.

Преподобная.

И она звала его мать просто Джессикой, как простую служанку... ее – госпожу из Дочерей Гессера, наложницу герцога и мать наследника титула.

«Не с Арракисом ли связан гом джаббар, раз я должен познакомиться с ним еще до отъезда?» – подумал он.

Он мысленно произнес странные слова: «Гом джаббар... Квизац Хадерач».

Нужно еще так много узнать! Арракис настолько отличался от Каладана, что знания о нем вихрем кружились в голове Пола.

Арракис – Дюна – Планета пустынь.

Начальник ассасинов его отца, Сафир Хават, все объяснил ему. Их смертельные враги Харконнены восемьдесят лет владели Арракисом, где добывали гериатрическое вещество по квазифайфу, контракту компании КАНИКТ, а теперь Харконнены покидали планету и сменить их в полном файфе должен был Дом Атрейдесов. Герцог Лето одержал явную победу. Но в очевидности этой победы, сказал Хават,

крылась и смертельнейшая угроза, – ведь герцог Лето популярен среди Великих Домов Ландсраада.

– Популярность всегда вызывает зависть могущественных, – пояснил Хават.

Арракис – Дюна – Планета пустынь.

Пол заснул, и ему привиделась пещера где-то на Арракисе, молчаливые люди, безмолвно снующие вокруг него в тусклом свете светошаров. Пещера была величественна, как храм, а он сидел и все прислушивался к тихому звуку... кап-кап-кап. И еще во сне Пол уже знал, что запомнит это видение. Он всегда запоминал сны, которые были пророчествами.

Сон поблек.

Еще не совсем проснувшись, Пол задумался в теплой постели. Быть может, мирок замка на Каладане, где не было игр и ровесников, не заслуживал печали при расставании. Его учитель, доктор Юэ, уже намекал, что система каст ффрелах не так уж строго соблюдается на Арракисе. На этой планете люди жили по краям пустынь, без баши и сеидов, а кроме них – фримены, бродячий народ, называвший себя Вольным и не имевший места в жесткой иерархии Империи.

Арракис – Дюна – Планета пустынь.

Осознав, что волнуется, Пол взялся за одно из тех упражнений для ума и тела, которым его обучала мать. Три быстрых вдоха сделали свое дело: волной накатила ясность... сознание сконцентрировалось... аорта наполнилась кровью...

отхлынуло все бессознательное... он мыслит рассудком, только собственной волей... обогащенная кровь затопляет области перегрузки... пищи-свободы-безопасности не достигнуть, пользуясь только инстинктом... сознание животного не выходит за грани сиюминутного, ему недоступна мысль, что его жертвы могут вымереть... животное разрушает и не создает... удовольствия зверя всегда на уровне ощущений, они далеки от восприятия... человек нуждается в фоне, координатах восприятия Вселенной... сам фокусирует сознание – вот и система координат... телесная целостность, словно река, наполняется через нервы и сосуды, – глубочайшая потребность всех клеток... целостность тела... все: вещи-клетки-существа – все изменяется и борется за постоянство течений в себе.

Вновь, вновь и вновь омывала сознание Пола эта навсегда заученная ясность.

Едва день позолотил окна в комнате, мальчик уже почувствовал лучи сквозь закрытые веки, а когда открыл глаза, то услышал, что суэта и спешка овладели замком, и тогда он принялся рассматривать знакомые пятна света на потолке спальни.

Дверь открылась, в комнату заглянула мать, отливающие бронзой волосы перетягивала на лбу черная лента. Лицо было бесстрастно, а в зеленых глазах мелькало что-то торжественное.

– Ты проснулся, – сказала она. – Хорошо спал?

– Да.

Он окинул взглядом высокую стройную фигуру матери, и, когда она, подойдя поближе к шкафу, задумалась, выбирая ему одежду на сегодня, по наклону плеч угадал ее волнение. Другой бы и не заметил, но она сама учила его этому искусству Дочерей Гессера – мгновенной оценке. Она повернулась, в руках ее был полуофициальный пиджак. Над нагрудным карманом его краснел герб-нашивки – красный ястреб Атрейдесов.

– Одевайся быстрее, – сказала она. – Тебя ждет Преподобная Мать.

– Она мне снилась, – сказал Пол. – Кто она?

– Моя учительница из школы Бинэ Гессерит, а теперь ясновидящая Императора. Пол... – Она заколебалась. – Ты должен рассказать ей о своих снах.

– Это из-за нее мы получили Арракис?

– Арракис мы не получили. – Джессика стряхнула пылинку с брюк и повесила их на вешалку у кровати. – Не заставляй ждать Преподобную Мать.

Пол сел на кровати, обняв колени.

– А что такое гом джаббар?

И вновь вышколенные ею же самой чувства позволили ему заметить мгновенную нерешительность, реакцию нервной системы, которую он истолковал как страх.

Джессика отошла к окну, раздвинула шторы и поглядела через речные сады на гору Сиуби.

– Ты узнаешь о... гом джаббаре достаточно скоро, – ответила она.

Он услышал в ее голосе страх и удивился.

Не поворачивая головы, Джессика сказала:

– Преподобная Мать ждет в моей утренней комнате. Пожалуйста, поторопись.

Гайя Елена Мохайем сидела в крытом узорчатой тканью кресле и смотрела на приближающихся мать и сына. Окна по обе стороны кресла выходили на юг, на излучину реки, к зеленым землям наследственных ферм Атрейдесов, но Преподобная Мать не интересовалась красотами природы. Сегодня утром собственный возраст она ощущала куда в большей степени, чем обычно. И относила свою раздражительность на счет космического путешествия в корабле мерзкой Космической Гильдии, отвратительной во всех своих тайных повадках. Однако приведшее ее сюда дело требовало участия сестры из Бинэ Гессерит, наделенной даром прорицания. А потому даже она, ясновидящая Императора, не могла отказаться, раз того требовал долг.

«Проклятая Джессика! – подумала Преподобная Мать. – Если бы только она родила герцогу девочку, как ей было приказано!»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и сделала небольшой реверанс, слегка тронув левой ладонью юбку. Пол отвесил короткий поклон: кланяться подобным образом тем, в чьем положении ты не уверен, его научил танцмей-

стер.

Эти тонкости не ускользнули от глаз Преподобной Матери. Она сказала:

– А он у тебя осторожен, Джессика.

Рука матери легла на плечо Пола, стиснув его на мгновение. На долю сердцебиения ладонь сотряс страх. Мать немедленно взяла себя в руки:

– Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» – мысленно удивился Пол.

Старуха окинула его мгновенным пронзающим взором: овал лица как у Джессики, крепкий костяк, волосы угольные, как у герцога, а брови как у деда по матери, которого нельзя называть... тонкий высокомерный нос, прямой взгляд зеленых глаз – как у старого герцога, покойного деда по отцу.

«Да, этот знал толк в браваде, не боялся и самой смерти», – подумала Преподобная Мать.

– Учение – это одно, – сказала она, – а глубинная сущность – другое. Посмотрим. – Старые глаза жестко глянули на Джессику. – Оставь нас, советую тебе заняться медитацией... успокойся.

Джессика сняла руку с плеча Пола:

– Преподобная, я...

– Джессика, ты ведь знаешь сама: это необходимо.

Пол озадаченно глянул на мать. Джессика выпрямилась:

– Да... конечно.

Пол поглядел на Преподобную Мать. Вежливость матери

и ее явный трепет перед этой старухой заставляли соблюдать осторожность. Но неожиданный испуг леди Джессики рассердил его.

– Пол... – Джессика глубоко вздохнула. – Эта проверка, которую ты должен сейчас пройти... очень важна для меня.

– Проверка? – Он удивленно поглядел на нее.

– Помни, что ты – сын герцога, – сказала Джессика, вихрем обернулась и, шурша юбкой, широкими шагами вылетела из комнаты, надежно затворив за собой дверь.

Обернувшись к старухе, Пол сдержал гнев:

– С леди Джессикой не следует обращаться словно со служанкой.

Улыбка коснулась уголков морщинистого рта.

– Мальчик, леди Джессика и была в школе моей служанкой целых четырнадцать лет. – Она кивнула. – И неплохой служанкой к тому же. А теперь, ты, иди сюда!

Пол обнаружил, что повинуется хлесткой команде прежде, чем осознал ее. «Воспользовалась Голосом», – подумал он и остановился, подчиняясь жесту, возле ее колен.

– Видишь это? – спросила она. Из складок одеяния она извлекла металлический куб размером сантиметров в пятнадцать. Она повертела его. Пол заметил, что одной стенки не было, и зиявшая черная пустота странно пугала, словно туда, в эту тьму, не мог проникнуть ни один луч.

– Вложи сюда правую руку, – приказала она.

Страх охватил его. Пол было попятился, но старуха ска-

зала:

– Так вот как ты исполняешь волю матери?

Он посмотрел в яркие птичьи глаза. Медленно, борясь с неуверенностью, Пол вложил руку в ящик. Сперва, когда темнота поглотила руку, он почувствовал холодок, потом ощутил пальцами гладкий металл, а потом рука словно начала неметь.

Хищная судорога передернула лицо старухи, отняв правую руку от шкатулки, она поднесла ее сбоку к шее Пола. Краем глаза он заметил блеск металла и начал уже поворачивать голову.

– Нельзя! – резко сказала она.

«И снова она использует Голос!» – Он не отводил глаз от ее лица.

– Мой гом джаббар у твоей шеи. Строгий враг... гом джаббар... иголка с каплей яда на острие. Ах-ах! Не вздумай даже дернуться, иначе его яд попадет в твою кровь.

Пол попытался сглотнуть – непослушная гортань внезапно словно пересохла. Он и не смел отвести взгляд от этого изборожденного морщинами лица, бледно-розовых десен, хищно поблескивающих серебряными зубами при разговоре.

– Сын герцога должен разбираться в ядах, – сказала она. – Таковы времена, не так ли? Муски – яды, которые добавляют в питье; аумас – те, что кладут в пищу. Быстрые, медленные и средние яды. Гом джаббар тебе пока неизвестен – он убивает

только животных.

Гордость одолела страх.

– Вы смеете думать, что сын герцога может быть животным?

– Скажем иначе, я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, – ответила она. – Не дергайся. Предупреждаю. Пусть я стара, но эту иглу я успею вогнать тебе в шею... не увернешься.

– Кто вы? – прошептал он. – Как удалось вам обмануть мою мать, чтобы она оставила меня с вами? Вас подослали Харконнены?

– Харконнены? Помилуй, Господь, – нет! А теперь помолчи! – Сухим пальцем она провела по его шее, и он подавил произвольное желание отдернуть голову.

– Хорошо, – сказала она. – Первое испытание ты прошел. Продолжим. Знай: если ты вынешь руку из коробки, умрешь. Вот единственное условие. Рука останется в коробке – будешь жить. Вытащишь – умрешь.

Пол глубоко вздохнул, чтобы подавить дрожь:

– Если я крикну, через секунду здесь будут слуги и умрете вы.

– Слуги не минуют твоей матери, которая сейчас охраняет дверь снаружи. Имей это в виду. Твоя мать когда-то сама прошла это испытание. Теперь твой черед. Тебе оказали честь. Мы редко подвергаем такому испытанию маленьких мужчин.

Любопытство поубавило страх, и Пол успокоился. В словах старухи он слышал правду, этого нельзя было отрицать. Если за дверью была мать... если это действительно было испытание... Но как бы то ни было, он попался, рука у шеи сковывала его... Гом джаббар. Он вспомнил литанию от страха из ритуала Бинэ Гессерит, которой его научила мать.

«Я не должен бояться. Страх убивает разум. Страх это малая смерть, грозящая полной гибелью. Я встречу свой страх лицом к лицу. А когда он пройдет, внутренним оком я разгляжу его след. Я дам ему дорогу – надо мной и во мне. Где прошел страх, ничего не будет. Останусь только я».

Ощувив вернувшееся спокойствие, он приказал:

– Начинай, старуха.

– Старуха! – фыркнула она. – В храбрости тебе не откажешь. Ну, посмотрим. – Она качнулась к нему и почти зашептала: – Та рука, что в коробке, почувствует боль. Боль. Но! Попробуй только шевельнуть этой рукой – и мой гом джаббар вопьется в твою шею. Смерть будет быстрее, чем от топора. Понял? Вытащишь руку – и гом джаббар заберет тебя.

– А что в коробке?

– Боль.

Почувствовав покалывание в ладони, Пол плотно сжал губы. «Почему это может быть испытанием?» – удивился он. Покалывание перешло в зуд.

Старуха сказала:

– Ты слышал, что животные иногда отгрызают себе ноги, чтобы вырваться из капкана? Так поступают животные. А человек останется в ловушке, выдержит боль... прикинется мертвым, чтобы убить охотника и навсегда отвести эту опасность от своего рода.

Зуд перешел в слабое жжение.

– Зачем вы это делаете? – потребовал он ответа.

– Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Жжение в правой руке усиливалось, и Пол стиснул левую в кулак. Боль росла медленно: пекло все сильнее и сильнее. Ногти его свободной руки уже впивались в ладонь, чтобы как-то ослабить боль. Он попытался шевельнуть пальцами горячей кисти, но не смог.

– Жжет, – прошептал он.

– Молчи!

Боль пульсировала в руке. На лбу его выступил пот. Каждый нерв требовал, чтобы он вытащил руку из этой жгучей мглы... но... гом джаббар... Не поворачивая головы, он попытался скосить глаза на ужасную иглу возле шеи. Он чувствовал уже, что задыхается от боли, попытался успокоить дыхание, но не смог этого сделать.

Боль!

Все исчезло. Во всем мире осталась только эта рука, погруженная в адскую муку, да древнее лицо, обращенное к нему.

Он еле разлепил спекшиеся губы.

Жжет! Как жжет!

Ему уже казалось, что кожа на руке вздувается, чернеет, лопается, обнажая обуглившиеся кости.

Боль исчезла!

Словно нажали кнопку... боль исчезла.

Правая рука Пола дрожала, на теле выступил пот.

– Довольно, – пробормотала старуха. – Кулл вахад. Ни одно дитя-женщина не выдерживало такого. Должно быть, я хотела, чтобы ты не прошел испытание. – Она откинулась назад и убрала гом джаббар от его шеи. – Вынь свою руку из шкатулки, юный человек, и посмотри на нее.

Подавляя подступившую дрожь, он глядел на темную пустоту, в которой теперь, казалось, уже собственной волей пребывала его рука. Воспоминание о боли не давало пошевелить ею. Разум подсказывал, что из тьмы он извлечет лишь обугленный обрубок.

– Вынь руку! – приказала она.

Он резко выдернул руку и в изумлении уставился на нее. Ничего! Ни малейшей отметины, никаких признаков терзавшей плоть смертной боли.

– Боль возникает прямо в нервах, – сказала она. – Но не может вырваться наружу к другим людям. Впрочем, некоторые дорого бы заплатили за тайну этой шкатулки. – И она спрятала ее где-то между складок своего одеяния.

– Но боль... – сказал он.

– Боль, – фыркнула она. – Человек сильнее любого нерва

своего тела.

Пол почувствовал вдруг боль в левой руке, разжал кулак и увидел четыре кровавых отметины там, где ногти впивались в ладонь. Уронив руку вдоль тела, он поглядел на старуху.

– И с моей матерью вы тоже проделали такое?

– Тебе случалось просеивать песок через сито? – спросила она.

Неожиданный резкий вопрос сразу обострил его восприятие: песок через сито. Он кивнул.

– Мы, Дочери Гессера, просеиваем людей, чтобы найти *человеков*.

Он поднял правую руку, вызвав в памяти свежее воспоминание: «Неужели с помощью одной только боли?»

– Я следила за тобой, отрок, смотрела, каков ты в боли. Боль только ось испытания. Мать учила тебя наблюдать. Я вижу в тебе результаты ее обучения. Суть испытания – кризис и наблюдение.

Слова эти были правдой, и он сказал:

– Да, это так.

Старуха поглядела на него: «Он чувствует правду. Неужели это он? Возможно ли?» Напомнив себе, что надежда искажает результаты наблюдения, она справилась с внезапным волнением.

– Ты понимаешь, когда люди крепче верят в свои слова? – спросила она.

– Я вижу это.

Обертоны знания и уверенности звучали в его голосе. Она услышала их и сказала:

– Быть может, ты и есть Квизац Хадерач. Садись, маленький брат, у моих ног.

– Лучше я буду стоять.

– Твоя мать когда-то сидела у моих ног.

– Я не моя мать.

– Успел возненавидеть, а? – Она глянула в сторону двери и громко позвала: – Джессика!

Дверь распахнулась, показавшаяся на пороге Джессика жестким взглядом обвела комнату. Когда она увидела Пола, ожесточение исчезло с ее лица. Она выдавила легкую улыбку.

– Джессика, ты теперь перестала меня ненавидеть? – спросила старуха.

– Я и люблю и ненавижу вас, – ответила Джессика. – Ненависть – это память о боли, что не исчезнет, а любовь – это...

– Только главное, – оборвала ее старуха, впрочем, ласковым тоном. – Можешь войти, но помолчи. Закрой дверь и позаботься, чтобы нас не прервали.

Джессика вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. «Мой сын жив, – думала она. – Мой сын жив, и он... человек. Я знала это... но... он жив. Теперь и я могу жить». За спиной была жесткая дверь, и все в комнате было реально и осязаемо.

Мой сын жив!

Пол поглядел на мать. Старуха говорила правду. Он хотел бы остаться один и все обдумать, но понимал, что его пока не отпустят. Старуха приобрела над ним власть. Они обе говорили правду. Его мать выдержала это испытание. За всем чувствовалась ужасная цель его бытия... Боль и страх. Что такое ужасная цель, он понимал. Такие цели превыше прочего. В них властвует неизбежность. Пол давно чувствовал, что несет в себе страшное предназначение, какую-то ужасную неизбежность. Но он еще не знал, какова будет странная цель его существования.

– Когда-нибудь, отрок, – сказала старуха, – и ты встанешь за подобной дверью. Это непросто.

Пол поглядел на руку, познавшую боль, потом на Преподобную Мать. В голосе ее слышалось нечто, не похожее на любой другой голос. Слова ее были огранены, как бриллианты. Они резали, словно ножи. Он почувствовал, что ответом на любой вопрос, который он сумеет задать, она может вырвать его из мира плоти в какую-то высь.

– Почему вы испытываете людей? – спросил он.

– Чтобы освободить.

– Освободить?

– Когда-то люди решили, что думать за них будут машины, понадеявшись, что станут от этого свободнее. Но вместо этого они просто позволили хозяевам машин поработить их.

– «Да не сотворишь машины, наделенной людским умом», – процитировал Пол.

– Так было сказано со времен Батлерианского джихада, и так говорится в Оранжевой Католической Библии, – сказала она, – но в О. К. Библии должно было быть: «Да не сотворишь машины, наделенной *человеческим* умом». Ты изучал ментата вашего Дома?

– Сафир Хават занимался со мной.

– Великое Восстание выбило у людей костыль, – продолжила она. – Человеческий разум был вынужден развиваться. Открылись особые школы, чтобы развивать в нас таланты.

– Школы Бинэ Гессерит?

Она кивнула:

– Сохранилось два остатка этих древних школ: Бинэ Гессерит и Космическая Гильдия. В Гильдии, как мы думаем, упор делается на чистую математику. У Дочерей Гессера иная задача.

– Политика! – сказал он.

– Кулл вахад! – воскликнула старуха, строго глянув на Джессику.

– Я не говорила ему об этом, Преподобная, – пожала та плечами.

Преподобная Мать вновь обратила свое внимание на Пола и ответила:

– Ты понял это по удивительно малому числу признаков. И в самом деле политика. Вначале школу Бинэ Гессерит направляли те, кто видел нужду в нити, связующей человеческие дела. И они поняли, что такой нити не будет, если не

отделить людей от зверей... и еще – если не вывести породу.

Внезапно слова старухи словно расплылись, потеряли для Пола свою резкость. Он почувствовал, как они оскорбили его инстинкт правды, так называла это его мать. Не то чтобы Преподобная Мать лгала ему. Она явно верила в собственные слова. Здесь крылось нечто глубокое, родственное его ужасному предназначению.

Он сказал:

– Моя мать говорит, что в школах Дочерей Гессера ученицы не всегда знают своих предков.

– Все генетические линии зафиксированы в наших анналах, – ответила старуха. – И твоя мать знает, что она или родом из Дочерей Гессера, или же ее происхождение приемлемо для нас.

– Но почему же она не должна знать, кто ее родители?

– Некоторые знают... Многие – нет. Возможно, ее хотели скрестить с близким родственником, чтобы зафиксировать какую-нибудь генетическую доминанту. У нас может быть много причин.

И вновь Пол не почувствовал правды в ее голосе.

– Вы много берете на себя, – сказал он. Преподобная Мать с удивлением глянула на него:

«Не слышалось ли мне осуждение в его голосе?»

– На наших плечах тяжкий груз, – отвечала она. Пол все более и более приходил в себя после испытания. Обратив к старухе испытующий взор, он спросил:

– Вы сказали, что я, быть может... Квизац Хадерач. Что это? Гом джаббар в человеческом обличье?

– Пол, – сказала Джессика, – нельзя разговаривать таким тоном с...

– Я сама управлюсь, Джессика, – вмешалась старуха. – А теперь, отрок, что ты знаешь о зелье ясновидения?

– Вы принимаете его, чтобы усилить способность распознавать ложь, так рассказывала мне мать.

– Ты когда-нибудь видел ясновидящую в трансе?

Он качнул головой:

– Нет.

– Зелье это опасно, – сказала она, – но позволяет многое постигать. Когда ясновидящая вкусит его, она может заглянуть во многие уголки собственной памяти... в память своего тела, и мы далеко заглядываем в прошлое... но только путем женщины. – В голосе ее послышалась печаль. – Но есть и такое место, куда не смеет заглянуть ни одна ясновидящая. Оно отталкивает нас, ужасает. Сказано, что однажды придет мужчина и обретет с помощью зелья внутреннее зрение. Он заглянет, куда мы не смеем: и в мужское, и в женское прошлое.

– Это и будет ваш Квизац Хадерач?

– Да, тот, кто может быть одновременно во многих местах, Квизац Хадерач. Многие мужчины пытались... многие, но безуспешно.

– И всех, кто рискнул попробовать, ждала неудача?

– Нет, что ты, – она покачала головой, – всех, кто рискнул, – ждала смерть.

Пытаться постичь Муад'Диб, не зная его смертных врагов, Харконненов, все равно, что пытаться понять правду, не зная кривды. Все равно, что пытаться узнать свет, не зная тьмы. Это немыслимо.

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Диб»

Унизанные кольцами пальцы жирной руки раскручивали рельефный глобус, стоявший возле стены на затейливой подставке. Все стены лишенной окон комнаты были увешаны полками с лентами, свитками и книгофильмами. Освещали комнату плавающие светов шары.

В середине комнаты поблескивал овальной крышкой розовой яшмы стол из окаменевшей древесины элаккового дерева. Он был окружен приспособляющимися к форме тела креслами на гравипоплавках, два из них были заняты. В одном расположился мрачный темноволосый круглолицый молодой человек лет шестнадцати. В другом – низкорослый худощавый мужчина с несколько женственным лицом.

Оба, и юноша, и мужчина, глядели на глобус и на распо-

ложившегося за ним в тени человека.

Рядом с глобусом раздался смешок, и густой бас произнес:
– Ну вот, Питер, настроен самый большой капкан во всей истории. И герцог направляется прямо в его челюсти. Разве это не великолепное воплощение замыслов барона Владимира Харконнена?

– Безусловно, барон, – согласился мужчина певучим музыкальным тенором.

Жирная рука опустилась на глобус, остановив его вращение. Теперь двое сидевших перед ним могли разглядеть завершенную поверхность – такие глобусы делались лишь для богатых коллекционеров либо для избранных Империей правителей планет. Работа была отмечена печатью имперской роскоши: сетка долгот и широт была выложена тонкой платиновой проволокой, полярные шапки набраны из великолепных молочно-белых бриллиантов.

Жирная рука провела по глобусу.

– Прошу вас взглянуть, – прогромыхал бас, – внимательно, Питер, и ты, Фейд-Раута, мой дорогой. Поглядите на эти волны – от шестидесятой параллели к северу до семидесятой на юге. Этот цвет... он не напоминает вам карамель? И ни клочка синевы – ни озер, ни рек, ни морей. А эти очаровательные полярные шапки – они так малы. Разве можно спутать эту планету с другой? Арракис! Уникальнейший мир. И великолепная почва для бесподобнейшей из побед.

Улыбка тронула губы Питера.

– Подумать только, барон, Падишах-Император полагает, что сам отдал герцогу вашу планету вместе со специей. Сколь пикантно!

– Какая чушь! – прогремел барон. – Ты хочешь запутать юного Фейд-Рауту, не морочь голову моему племяннику.

Мрачный юнец шевельнулся в кресле, разгладил морщинку на туго натянутых черных лосинах. В дверь за его спиной вдруг постучали, и он резко выпрямился.

Питер поднялся из кресла, наискосок прошел к двери и чуть приотворил ее, чтобы принять цилиндр с сообщением. Он закрыл дверь, развернул цилиндр, внимательно проглядел и хихикнул... раз... другой.

– Ну, – требовательным тоном сказал барон.

– Этот дурак ответил нам, барон!

– Ну когда же и кто из Атрейдесов упускал возможность принять красивую позу? – спросил барон. – И что же он пишет?

– Такой невежа, барон... Обращается к вам просто «Харконнен», ни титула, ни даже «Сир и любезный кузен...».

– Имя неплохое, – буркнул барон, тон его выдавал нетерпение. – Что же пишет наш добрый Лето?

– Он пишет: «Ваше предложение о встрече я отвергаю. Слишком часто приходилось мне наткаться на ваши ловушки, об этом знают все».

– И что дальше? – спросил барон.

– А еще он пишет: «Искусство канли еще находит по-

клонников в Империи». Подписано: «Герцог Лето Арракийский». – Питер расхохотался. – Арракийский! Боже! Это уж слишком.

– Помолчи, Питер, – сказал барон, и смех словно выключили. – «Канли» он пишет? – переспросил барон. – Значит, кровная месть. Доброе словцо подобрал, богатое, такое, чтобы я не ошибся в его намерениях.

– Формально вы сделали шаг к примирению, – сказал Питер. – Обычай выполнен.

– Для ментата, Питер, ты слишком разговорчив, – сказал барон и подумал: «От него скоро придется избавиться. Он уже сделался практически бесполезным». Барон искоса поглядел на своего ментат-ассасина – глаза этого человека притянули бы к себе любой взгляд – туманная синева в синеве, глаза без белков.

Ухмылка судорогой искривила лицо Питера, превратив его в театральную маску с прорезанными щелями для глаз.

– Но, барон, кто слышал о мести, более прекрасной, чем ваша? Роскошен уже сам план этой ловушки: заставить Лето обменять Каладан на Дюну... и он не смеет отказаться – ведь это приказ Императора. Изысканнейшая мысль!

Холодным тоном барон выговорил:

– Питер, у тебя недержание речи.

– Но я так счастлив, мой барон! А вы... вы ревнуете.

– Питер!

– Ах-ах, барон! Разве не достойно сожаления, что эта

изысканная идея не принадлежит вам?

– Питер, я вот-вот прикажу тебя удавить.

– Не сомневаюсь, барон. Дождался. Ах, ни одно доброе дело не остается безнаказанным...

– Питер, ты сегодня наглотался вериты или семуты?

– Правда и смелость удивляют барона, – ответил Питер, лицо которого вновь застыло маской, на этот раз изображающей печаль. – Ах-ах! Но видите ли, барон, как ментат я буду заранее знать, когда вы пошлете ко мне палача. А вы не сделаете этого, пока я еще могу быть чем-то полезным. Торопиться-то с моей смертью будет накладно, ведь кое-какой прок от меня пока есть. Уж я-то знаю, чему вас научила эта очаровательная Дюна, – не транжирить. Верно, барон?

Барон не отводил взгляда от Питера.

Фейд-Раута шевельнулся в своем кресле. «Тщеславные глупцы, – подумал он, – зачем они препираются? Неужели оба считают, что у меня нет иного дела, кроме как слушать эти вздорные перебранки?»

– Фейд, – произнес барон, – я велел тебе слушать нас и учиться, для чего и пригласил сюда. Ты учишься?

– Да, дядя, – в голосе слышалась осторожная услужливость.

– Иногда я не понимаю Питера, – сказал барон. – Я причиняю боль по необходимости... он же... Клянусь, Питер просто наслаждается чужой болью. Мне лично жаль бедного герцога Лето. Скоро на сцену выступит доктор Юэ, и Атрейде-

сам придет конец. И, вне сомнения, Лето поймет, чья рука направляла сговорчивого доктора, и в этом будет весь ужас его положения.

– Почему же тогда вы не велели доктору тихо и спокойно вогнать герцогу кинжал между ребер? – спросил Питер. – Вы говорите о милосердии, но...

– Герцог должен знать, что его гибель – дело моих рук. Пусть задумаются и прочие Великие Дома. Это их остановит. Я получу передышку. Сейчас она необходима, и мне не нравится это.

– Передышку, – фыркнул Питер. – Император не отрывает от вас глаз. Вы действуете слишком смело, барон. Однажды Император пришлет сюда, на Гайеди Прим, легион-другой своих сардаукаров... Тут и настанет конец барону Владимиру Харконнену.

– А тебе, Питер, хотелось бы увидеть это, не правда ли? – спросил барон любезным тоном. – Поглядеть, как корпус сардаукаров будет грабить мои города, брать этот замок. Ты ведь и впрямь получишь удовольствие.

– Ну как можно говорить подобные вещи, барон? – пробормотал Питер.

– Тебе надо стать башой корпуса, – отвечал барон, – слишком уж ты любишь боль и кровь. Наверное, я поторопился с распределением будущих трофеев на Арракисе.

Пятью курьезно осторожными шажками Питер просеменил за кресло Фейд-Рауты. В комнате воцарилась напряжен-

ность, и юноша, озабоченно хмурясь, глянул на Питера.

– Не надо играть с Питером, барон, – сказал ментат. – Вы обещали мне леди Джессику. Вы обещали ее мне.

– Ну зачем она тебе, Питер? – спросил барон. – Помучить? Питер молча глядел на него.

Фейд-Раута отодвинулся в своем гравикресле:

– Дядя, я еще нужен? Вы сказали, что...

– Мой дорогой Фейд-Раута теряет терпение, – сказал барон. Он шевельнулся в тени рядом с глобусом. – Терпение, Фейд. – Он вновь обернулся к ментату: – А как насчет герцогского отпрыска, мальчишки Пола, мой дорогой Питер?

– И он тоже окажется в вашей ловушке, барон, – пробормотал Питер.

– Я спрашиваю не об этом, – сказал барон, – помнишь, ты предсказывал, что ведьма-гессеритка родит герцогу дочь. Ты ведь ошибся тогда... так, ментат?

– Я не часто ошибаюсь, барон, – ответил Питер, и впервые в его голосе прозвучал страх, – согласитесь: я ошибаюсь не часто. А вы сами знаете, что Бинэ Гессерит рожают чаще всего дочерей. Даже жена Императора... только дочерей.

– Дядя, – сказал Фейд-Раута, – вы обещали, что я услышу что-то важное для себя...

– Послушайте-ка моего милого племянника, – сказал барон. – Он дерзает наследовать мне, стремится принять из моих рук бразды правления, но пока не умеет править даже собой. – Барон вновь шевельнулся у глобуса, тень среди те-

ней. – Хорошо, Фейд-Раута Харконнен. Я призвал тебя сюда, чтобы ты усвоил хотя бы немного мудрости. Ты не следил за нашим добрым ментатом. А ведь должен был кое-что почерпнуть из нашего разговора.

– Но, дядя...

– Не правда ли, Фейд, Питер весьма ценный ментат?

– Да, но...

– Ах! Действительно – но! Посчитаем, какие же «но»: он потребляет слишком много специй, ест ее как конфеты. Погляди на его глаза. Он словно явился сюда с биржи труда в Арракине. Да, он эффективен, но – слишком эмоционален и склонен к разным выходкам. Эффективен, но – может и ошибиться.

Мрачным и тихим голосом Питер проговорил:

– Вы пригласили меня сюда, барон, чтобы дать нагоняй и потребовать большей отдачи?

– Потребовать большей отдачи? Ты же знаешь меня, Питер. Я хочу лишь, чтобы мой племянник понял ограниченность возможностей ментата.

– А вы уже тренируете моего преемника? – резко спросил Питер.

– Твоего преемника, Питер? Да где же я найду другого ментата, наделенного твоим ядом и хитростью?

– Там же, где когда-то и меня, барон.

– Стоящая мысль, – задумчиво произнес барон. – Что-то ты последнее время несколько неспокоен. А сколько специй

ешь?

– Разве мои развлечения так дорого стоят? Вы возражаете против них, барон?

– Мой дорогой Питер, удовольствия-то нас и связывают. Неужели я стану против них возражать? Просто я хочу, чтобы мой племянник подметил в тебе эту черту.

– Значит, я – предмет показа, – проговорил Питер. – Что же еще сделать? Сплясать? Или просто продемонстрировать функции ментата перед лицом их превосходительства Фейд-Ра...

– Именно, – ответил барон. – Я тебя демонстрирую. А теперь помолчи... – Он перевел взгляд на Фейд-Рауту, на его пухлые поджатые губы – фамильный признак Харконне-нов, – тронутые теперь удивлением. – Это ментат, Фейд. Его психику воспитывали и формировали для выполнения определенных функций. Не следует упускать из вида и то, что она заключена в человеческое тело. Это крупный недостаток. Иногда мне кажется, что древние не так уж ошибались со своими мыслящими машинами.

– По сравнению со мной, это были игрушки, – огрызнулся Питер. – И вы сами, барон, превзошли бы такую машину.

– Быть может, – ответил барон. – Ах, ну... – Он глубоко вздохнул, рыгнул. – А теперь, Питер, вкратце изложи моему племяннику самые яркие моменты плана кампании против Дома Атрейдесов. Будь добр, исполни перед нами обоими обязанности ментата.

– Барон, я бы не советовал доверять такую информацию столь молодому человеку. Мои наблюдения...

– Решаю здесь я, – рявкнул барон, – и я приказываю тебе, ментат, выполняй одну из своих многочисленных функций.

– Да будет так, – сказал Питер, он выпрямился со странным достоинством, словно надел новую маску, на этот раз на все тело. – Через несколько стандартных дней герцог Лето со всеми своими домочадцами погрузится на лайнер Космической Гильдии, следующий до Арракиса. Корабль Гильдии высадит их, скорее всего, в Арракине, а не в Карфаге: ментат герцога Сафир Хават примет правильное решение, Арракин оборонять гораздо проще.

– Слушай внимательно, Фейд, – сказал барон, – ты понял: планы внутри других планов, которые содержатся внутри третьих.

Фейд-Раута кивнул и подумал: «Теперь все, похоже, в порядке. Старый монстр наконец доверил мне что-то секретное. Должно быть, и впрямь решил считать меня своим наследником».

– Возможно несколько вариантов развития событий, – сказал Питер. – Я свидетельствую, что Дом Атрейдесов отправится на Арракис. Нельзя исключать, впрочем, и малую вероятность того, что герцог заключил контракт с Гильдией на доставку в безопасное место, за пределы Системы. В подобных ситуациях многие Дома переходили на положение изгоев, увозя фамильное атомное оружие и щиты за пределы

Империи.

– Герцог для этого слишком горд, – произнес барон.

– Вероятность этого есть, – ответил Питер, – но результат для нас один и тот же.

– Нет, не один! – пробурчал барон. – Я хочу, чтобы его убили и его линия пресеклась.

– Вероятность такого исхода велика, – ответил Питер. – Определенные признаки всегда указывают на то, что Дом собирается уйти в изгои. Но не Дом Атрейдесов. Герцог не допускает подобной мысли.

– Так, – вздохнул барон. – Продолжай, Питер.

– В Арракине, – сказал Питер, – герцог с семьей поселятся в резиденции, бывшем доме графа и леди Фенринг.

– Посла его величества к контрабандистам, – хихикнул барон.

– К кому? – переспросил Фейд-Раута.

– Ваш дядя шутит, – отвечал Питер, – он называет графа Фенринга послом к контрабандистам, учитывая интерес Императора к контрабандным операциям на Арракисе.

– Почему же? – Фейд-Раута обратил изумленный взгляд к дяде.

– Не будь тупицей, Фейд, – отрезал барон. – Как может быть иначе, если Гильдия не находится под императорским контролем? Как еще могут передвигаться шпионы и ассасины?

Фейд-Раута беззвучно охнул.

– В резиденции мы предусмотрели ряд диверсий, – сказал Питер. – Возможно покушение на жизнь наследника Атрей-десов... и оно может завершиться успехом.

– Питер, – загромыхал барон, – ты высказал...

– Я высказал предположение о возможности несчастного случая, – ответил Питер, – который может закончиться вполне однозначно.

– Ах, но у мальчишки такое дивное юное тело! – сказал барон. – Потенциально он, конечно, опаснее отца... ведь его учит мать-ведьма, проклятая баба! Ох, ну, продолжай, пожалуйста, Питер.

– Хават, вне сомнения, поймет, что в окружении герцога есть наш агент, – сказал Питер. – Наибольшие основания подозревать доктора Юэ, который и есть наш агент. Но Хават уже все проверил и убедился, что доктор – выпускник школы Сукк и подвергнут психологической имперской обработке... то есть безопасен настолько, чтобы лечить самого Императора. Считается, что предельную обработку нельзя удалить, не убив субъекта. Но еще в древности кто-то заметил, если есть подходящий рычаг, можно сдвинуть с места даже планету. И мы нашли рычаг, которым можно снять обработку с доктора.

– Как? – спросил Фейд-Раута. Тема была потрясающе интересной. Любой знал, что снять имперскую обработку невозможно.

– Об этом в другой раз, – ответил барон. – Продолжай,

Питер.

– А вместо Юэ, – заговорил Питер, – подозрения Хавата мы направили на очень интересную персону. Сама смелость такой мысли заставит Хавата считать свои подозрения обоснованными.

– На какую же персону? – спросил Фейд-Раута.

– На нее саму... на леди Джессику, – ответил барон.

– Тончайшая мысль, – заметил Питер. – Разум Хавата будет настолько поглощен подозрением, что в результате он окажется не в состоянии безошибочно выполнять обязанности ментата. Он может даже попытаться убить ее. – Питер нахмурился. – Впрочем, я не думаю, чтобы это оказалось ему под силу.

– Ты ведь не хочешь этого, не правда ли? – съехидничал барон.

– Не отвлекайте меня, – сказал Питер. – И пока Хават будет занят леди Джессикой, мы отвлечем его внимание на беспорядки в нескольких городских гарнизонах. Бунты будут подавлены, и герцог решит, что обеспечил свою безопасность. И тут, в нужный момент, мы даем сигнал Юэ и вводим главные силы... эх...

– Продолжай, говори ему все, – сказал барон.

– Введем главные силы и подкрепления: два легиона сардаукаров в харконненских мундирах.

– Сардаукары! – выдохнул Фейд-Раута. Мысли его обратились к страшным императорским войскам, убивавшим без

милосердия, к солдатам-фанатикам Падишах-Императора.

– Ты видишь, Фейд, как я тебе доверяю, – сказал барон. – Даже крохотный намек на это не должен дойти до ушей других Великих Домов, иначе Ландсраад может объединиться против императорского Дома и настанет хаос.

– Существенно здесь то, что с тех пор как Дом Харконненов взялся за выполнение грязной работы в Империи, у нас появились свои преимущества. Конечно, занятие это небезопасно, но, если не терять осторожности, Дом Харконненов может разбогатеть, как никто в Империи.

– Ты даже не представляешь, Фейд, сколько всякого добра вовлечено в оборот, – сказал барон, – и не сможешь представить даже в кошмарном сне. Начнем с того, что нам неоспоримо принадлежит директорат компании КАНИКТ.

Фейд-Раута кивнул. Целью было богатство, а ключ к этому богатству – КАНИКТ... каждый благородный Дом черпает из сундуков компании в той мере, которую допускает его участие в директорате. А посты директоров КАНИКТ... были реальным отражением расстановки политических сил в Империи, зависящих от распределения голосов внутри Ландсраада и соотношения сил его и Императора с окружением.

– Герцог Лето, – сказал Питер, – может решиться бежать к бродячим шайкам фрименов на окраине пустыни. Или же может попытаться послать туда свое семейство якобы в безопасное место. Но этот путь перекрыт одним из агентов его

величества... экологом планеты. Быть может, вы помните его... Кайнс.

– Фейд помнит его, – ответил барон, – продолжай.

– Вы слишком уж торопите, барон, – сказал Питер.

– Приказываю продолжать! – рявкнул барон. Питер пожал плечами:

– Если все будет идти по плану, Дом Харконненов получит субфайф на Арракис по истечении одного стандартного года. И распределением постов в этом файфе будет ведать ваш дядя. Арракисом будет править его личный агент.

– Тем выгоднее, – сказал Фейд-Раута.

– Действительно, – согласился барон и подумал: «Впрочем, это всего лишь справедливо. Ведь это мы укротили весь Арракис... кроме разве что нескольких шаяк этого сброда, зовущего себя Вольным народом, что прячутся в пустынях... и нескольких прирученных контрабандистов, прилипших к планете, словно завсегдатаи биржи труда».

– Все Великие Дома узнают, что барон погубил Атрейде-сов, – сказал Питер, – в этом невозможно усомниться.

– Невозможно, – выдохнул барон.

– Но прекраснее всего то, что об этом узнает и сам герцог. Он догадывается даже сейчас. Атрейдес наверняка чувствует ловушку.

– Бесспорно, герцог знает о ней, – промолвил барон, и в голосе его проскользнула печаль. – Он не может спастись и знает это... тем горше окажется его участь.

Барон поднялся из тени у глобуса Арракиса. На свету фигура оказалась громадной, чрезмерной для человека жирной тушей. Мягкие выпуклости под темным одеянием свидетельствовали, что тушу эту несут гравипоплавки. И хотя на самом деле он весил около двух сотен стандартных килограммов, ноги его едва ли носили больше пятидесяти.

– Я проголодался, – прогремел барон, потирая пухлые губы униженными кольцами пальцами, и глянул на Фейд-Рауту утонувшими в жире глазами. – Прикажи подавать еду, дорогой. Подкрепимся, а потом отдохнем.

Так говорила св. Алия-от-Ножка: «Неприступное величие богини-девственницы Преподобная Мать должна сочетать с ужимками развратной куртизанки, пока крепки в ней силы молодости. А когда молодость и красота оставят ее, она увидит, что место, где обитали эти силы, стало источником хитрости и изобретательности».

Принцесса Ирулан. «Семья Муад'Диб»

– А теперь, Джессика, что ты скажешь в свое оправдание? – спросила Преподобная Мать. Солнце клонилось к вечеру, заканчивался день испытания Пола. Женщины остались вдвоем в утренней гостиной Джессики, а Пол ожидал в

соседней – звуконепроницаемой медитационной палате.

Джессика стояла лицом к южным окнам. Она и видела, и не видела, как вечерние тени наползают на пойму и реку. Она и слышала, и не слышала этот вопрос Преподобной Матери.

Такое испытание уже совершалось... много лет назад. То- щая девчонка с шапкой отливающих бронзой волос, измученная томлением созревающей плоти, переступила порог кабинета Преподобной Матери Гайи Елены Мохайем, старшего проктора школы Бинэ Гессерит на Уаллахе IX. Джессика глянула на свою правую ладонь, шевельнула пальцами, припоминая боль, ужас и гнев.

– Бедный Пол, – шепнула она.

– Я задала тебе вопрос, Джессика, – придиричивым тоном повторила старуха.

– Что? Ох... – вздохнула Джессика, отрываясь от воспоминаний, и обернулась к Преподобной Матери, сидевшей спиной к каменной стене меж двух выходивших на запад окон. – Что вы хотите услышать от меня?

– Что я хочу услышать от тебя? Что я хочу услышать от тебя? – резко передразнила ее старуха.

– Да, я родила сына! – вспыхнула Джессика, прекрасно понимая, что старуха намеренно старается рассердить ее.

– Тебе было приказано рожать Атрейдесу лишь дочерей.

– Но сын так много значил для него, – с мольбой сказала Джессика.

– И ты в гордости своей решила, что можешь родить Кви-

зац Хадерача!

Джессика горделиво подняла голову:

– Я почувствовала такую возможность.

– Ты думала лишь о том, что твоему герцогу нужен сын, – отрезала старуха. – А его желания не имеют ничего общего с нашими потребностями. Дочь Атрейдеса можно было выдать за наследника Харконнена и окончить вражду. Ты безнадежно запутала ситуацию. Теперь мы можем потерять обе наследственные линии.

– Даже ваши схемы не безошибочны, – возразила Джессика и выдержала прямой взгляд старухиных глаз.

Наконец та пробормотала:

– Впрочем, сделанного не воротишь.

– Я поклялась никогда не сожалеть об этом решении, – сказала Джессика.

– Как это возвышенно с твоей стороны, – насмешливо отозвалась старуха. – Не сожалеть ни на каплю. Посмотрим, что ты запоешь, когда станешь гонимой, за голову твою будет назначена награда и рука каждого мужчины будет вправе безнаказанно взять и твою жизнь, и жизнь твоего сына.

– Разве нет иного выхода?

– Иного выхода? И меня спрашивает об этом сестра, Дочь Гессера?

– Я спрашиваю лишь о том, что видите в нашем будущем вы, при ваших высших способностях.

– В будущем я предвижу лишь то, что уже предвидела в

прошлом. Ты прекрасно знаешь положение дел, Джессика. Сознание расы чувствует собственную смертность и боится застоя наследственности. Она же в нашей крови... эта потребность смешивать гены... без всякого плана. Империя, компания КАНИКТ, все Великие Дома – все они лишь щепки, которые несет поток.

– КАНИКТ, – пробормотала Джессика. – Должно быть, там уже решили, каким образом лучше перераспределить доход, получаемый от Арракиса.

– Что такое КАНИКТ как не флюгер, следящий за направлением ветров нашего времени? – сказала старуха. – Император и его приближенные сейчас контролируют пятьдесят девять целых шестьдесят пять сотых процентов голосов директоров КАНИКТ. Естественно, все они чувствуют наживу, а раз ее чувствуют и прочие, похоже, число поданных за него голосов возрастет. Вот и вся история, девочка.

– Она-то и интересуется меня теперь, – сказала Джессика. – Исторический обзор.

– Не остроумничай! Ты не хуже меня знаешь, какие силы нас окружают. У нашей цивилизации три опоры: императорский Дом противостоит Федерации Великих Домов Ландсраада, а между ними лавирует Гильдия с ее чертовой монополией на межзвездные перевозки. Политический треугольник – наиболее нестабильная из всех структур. И все было бы куда хуже, если бы в Империи доминировала несложная феодальная торговая культура, обратившаяся спиной к нау-

ке...

Джессика горько произнесла:

– Щепки на поверхности потока... вот эта – герцог Лето, эта – его сын, а эта...

– Заткнись, девчонка. Ты ввязалась в эту историю, с самого начала представляя последствия.

– «Я из Бинэ Гессерит: я живу, чтобы служить людям», – процитировала Джессика.

– Именно, – произнесла старуха, – и теперь нам остается лишь надеяться сохранить в грядущем всеобщем пожаре ключевые генетические линии.

Джессика закрыла глаза, чувствуя, как подступают к ним слезы. Она подавила внутреннюю дрожь, потом внешнюю, выровняла дыхание, пульс, высушила внезапно вспотевшие ладони. Наконец она произнесла:

– Я сама заплачу за свою ошибку.

– И твой сын заплатит вместе с тобой.

– Я буду защищать его всеми силами.

– Защищать, – фыркнула старуха. – Ты прекрасно понимаешь, что может тогда получиться. Защищай его понадежней, Джессика, и он вырастет слишком слабым для любой судьбы.

Джессика отвернулась к окну, за которым сгущалась ночь.

– А она и впрямь так ужасна, эта планета Арракис?

– Достаточно скверное местечко, но все-таки Миссионерия Протектива побывала там и несколько смягчила обста-

новку. – Преподобная Мать тяжело поднялась на ноги и разгладила складку на одеянии. – Позови сюда мальчика, мне пора уезжать.

– А это необходимо?

Голос старухи подобрел:

– Джессика, девочка, я хотела бы оказаться на твоём месте и разделить твои страдания, но у каждого своя судьба.

– Я знаю.

– Ты дорога мне, как собственная дочь, но я никогда не позволяла материнским чувствам брать верх над обязанностями.

– Понимаю... необходимость...

– Что ты натворила, Джессика, и почему... обе мы понимаем. Но по благосклонности своей я вынуждена тебе сказать: шансы на то, что твой мальчик окажется Всеобщностью Бинэ Гессерит, невелики. Так что не следует слишком уж обольщаться.

Джессика сердито смахнула слезы из уголков глаз.

– Вы снова заставляете меня вспоминать мой первый урок. – Она звучно произнесла: – «Человек не должен подчиняться животным побуждениям, никогда». – Сухое рыдание сотрясло её тело. Она прошептала: – Мне было так одиноко!

– Это, кстати, один из критериев, – веско проговорила старуха. – Настоящий человек почти всегда одинок. А теперь позови мальчика. У него был сегодня долгий и страшный

день. А потом – было время обдумать и припомнить... Теперь я должна еще расспросить его об этих странных снах.

Джессика кивнула, подошла к дверям комнаты для медитации и открыла дверь.

– Пол, войди, пожалуйста.

Пол появился в дверях подчеркнуто неторопливо. На мать он глядел словно на незнакомку. Взгляд его тревожно затуманился, когда он перевел глаза на Преподобную Мать и поприветствовал ее коротким кивком, как равную. Он услышал, как мать затворила за ним дверь.

– Молодой человек, – обратилась к нему старуха, – давайте-ка поговорим о ваших снах.

– Что вы хотите узнать? – спросил он.

– Сны тебе снятся каждую ночь?

– Не всегда такие, что стоит запоминать. Я мог бы припомнить каждый свой сон. Большую часть их можно забыть, но другие нет.

– А как ты их различаешь?

– Я просто знаю.

Старуха глянула на Джессику, потом снова на Пола:

– Что тебе снилось вчера? Этот сон стоило запомнить?

– Да. – Пол закрыл глаза. – Мне снилась пещера, очень большая... и вода... и худенькая большеглазая девушка. В глазах ее сплошь синева, белков нет, и я говорю с ней о вас, о том, что встречал Преподобную Мать на Каладане.

Пол открыл глаза.

– А то, что ты рассказывал девушке, исполнилось сегодня?

Пол подумал и проговорил:

– Да, в какой-то мере. Я сказал во сне девушке, что вы явились и отметили меня особой печатью.

– Особой печатью, – выдохнула старуха и вновь бросила взгляд на Джессику, а потом перевела глаза на Пола. – Скажи мне правду, Пол, часто ли тебе случается видеть такие сны, что сбываются после?

– Да. И девушка эта мне уже снилась.

– О? Так ты ее знаешь?

– Нет, но когда-нибудь я узнаю ее.

– Расскажи мне о ней.

Пол снова закрыл глаза.

– Мы с ней в маленьком укрытии в скалах. Уже почти ночь, но еще жарко, через расщелину в скале вдали виднеется песчаная равнина. Мы... ждем чего-то... мне предстоит встреча с какими-то людьми, я должен уходить. Она испугана, но скрывает свой страх от меня, а я волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о водах своего мира – Усул». – Пол открыл глаза. – Ну, разве не странно? Имя моего мира – Калладан. Я никогда не слышал о планете, которая называлась бы Усул.

– Ну, и это все? – поторопила его Джессика.

– Нет. Но может быть, она звала меня этим именем, я только что подумал об этом. – И Пол снова закрыл глаза. – Она

просит меня рассказать ей о водах. Я беру ее за руку. И говорю, что прочту ей стихи. И я читаю ей... только приходится пояснять некоторые слова... пляж, и прибой, и водоросли, и чайки.

– А какие стихи? – спросила Преподобная Мать. Пол открыл глаза.

– Одну из грустных тонических поэм Гарни Холлика. За спиной Пола Джессика начала:

Помню соленный дым костра на берегу,
Тени густые под соснами...
Чистая, ясная твердь...
Чайки сгрудились на траве,
Белеют на зелени...
А ветер ерошит сосны,
Колышет тени,
Чайки взмахивают крыльями,
Взлетают.
И вдруг небосклон переполнен криками,
А ветер метет по пляжу,
Вздывает и рушит прибой.
И я вижу – костер наш
Испепелил водоросли.

– Да-да, именно это, – подтвердил Пол.

Старуха долго глядела на Пола, а потом сказала:

– Молодой человек, как проктор Бинэ Гессерит я ищу среди людей Квизац Хадерача – мужчину, который истинно по-

добен каждой из нас. Твоя мать считает, что ты можешь стать им, но она смотрит на тебя глазами матери. Такую возможность не исключаю и я – только возможность, не более.

Она замолчала, и Пол понял, что она ждет его слов. Но промолчал.

Наконец она произнесла:

– Ну как хочешь. Ты глубок. Я уверена в этом.

– Я могу идти? – осведомился он.

– Разве ты не хочешь, чтобы Преподобная Мать рассказала тебе кое-что о Квизац Хадераче? – спросила Джессика.

– Она уже объяснила мне, что все, кто пытался им стать, погибли.

– Но я могу намекнуть на причины неудачи, – сказала Преподобная Мать.

«Она говорит – намекнуть, – подумал Пол. – Значит, она на самом деле не знает». И сказал:

– Наめкайте.

– И будьте прокляты, – сухо усмехнулась старуха всей сеткой морщин на лице. – Правильно то, что изменяет правила.

Он удивился. Она говорила о таких элементарных вещах, как напряженность значения. Неужели она думала, что мать ничему не учила его?

– И это намек? – переспросил он.

– Мы здесь не для того, чтобы играть в слова и болтать об их смысле, – отрезала старуха. – Ива покоряется ветру и процветает, и однажды на пути ветра оказывается много ив.

В этом предназначение ивы.

Пол глядел на нее. Она сказала «предназначение», и он ощутил, как это слово врезалось в него, вливая в кровь ужасное предчувствие. Он вдруг рассердился: старая ведьма и сама бестолкова, и речи ее банальны.

– Значит, вы считаете, что я могу оказаться этим Квизац Хадерачем, – сказал он. – Но это все обо мне, и пока я не слышал ни единого слова о том, как помочь отцу. Я слышал, как вы говорили с матерью... словно отец уже умер. Он жив!

– Если бы для него можно было хоть что-нибудь сделать, мы бы сделали это, – проворчала старуха. – Хорошо, если нам удастся спасти вас двоих. Едва ли, правда, но это возможно. Что касается твоего отца... сделать нельзя ничего. И когда ты сумеешь отнестись к этому просто как к факту, тогда ты поистине усвоишь урок Бинэ Гессерит.

Пол заметил, как эти слова потрясли мать. Он обжег старуху взглядом. Как посмела она такое сказать об отце? Откуда такая уверенность? Ум его негодовал.

Преподобная Мать глянула на Джессику.

– Ты учила его Пути – я вижу признаки, и сама я поступила бы точно так же на твоём месте, и к чертям все правила.

Джессика кивнула.

– Но я предупреждаю, – сказала старуха, – нельзя нарушать регулярность его тренировок. Голос нужен ему для собственной же безопасности. Начал он неплохо, но мы обе знаем, сколько ему еще предстоит усвоить... это жестокая необ-

ходимость. – Она шагнула к Полу и посмотрела на него. – До свидания, юный человек. Я надеюсь, ты справишься. Но если нет... Впрочем, я думаю, мы преуспеем.

Она снова глянула на Джессику, и обеих женщин соединило мгновенное взаимопонимание. А потом, шурша одеянием, старуха заторопилась к выходу, ни разу не обернувшись. Словно вдруг позабыв о тех, кто оставался в комнате.

Но прежде чем Преподобная Мать отвернулась, Джессика успела заметить в ее взгляде слезы... капли влаги на морщинистых щеках. И слезы эти были ужаснее всего, что услышала она и увидела за весь день.

Все вы читали, что у Муад'Дибя не было приятелей-ровесников на Каладане. Это стало бы слишком большой опасностью. Зато у Муад'Дибя были великолепнейшие друзья-учителя. Скажем, Гарни Холлик, трубадур и воин. Эта книга напомнит вам несколько песен Гарни. Был и старый Сафир Хават, ментат и командир ассасинов, вселявших страх даже в сердце самого Падишах-Императора. Был и Дункан Айдахо, мастер фехтования из Дома Гинац. И еще – доктор Веллингтон Юэ, замаранный черным предательством, но светлый знанием. Леди Джессика,

направившая сына путем Дочерей Гессера. И, конечно же, герцог Лето, отцовское влияние которого так долго недооценивалось.

Принцесса Ирулан. «История Муад'Дибя для детей»

Сафир Хават скользнул в тренировочный зал Каладанского замка, мягко прикрыв за собою дверь. И на мгновение замер, почувствовав себя старым, усталым и измочаленным. Левая нога прибалывала, ныл рубец, полученный на службе еще у старого герцога.

«Третье поколение...» – подумал он.

Громадная комната была ярко освещена льющим из потолочных окон дневным светом. Мальчик сидел спиной к нему, углубившись в разложенные на Г-образном столе бумаги и карты.

Сколько же раз надо говорить юнцу, что нельзя усаживаться спиной к двери! Хават легонько кашлянул.

Пол не отрывался от дел.

Облачная тень прошла над потолочными окнами. Хават снова прочистил горло.

Пол выпрямился и, не поворачивая головы, проговорил: – Знаю, я сижу спиной к двери.

Спрятав улыбку, Хават шагнул вперед.

Пол глянул вверх, седовласый старик остановился рядом с углом стола. Глаза Хавата, два прозрачных озера на загорелом морщинистом лице, поблескивали энергией и готовностью.

– Я слышал, как ты шел вниз через зал, – сказал Пол. – И как ты открывал дверь.

– Эти звуки можно симитировать.

– Нет, я замечу разницу.

«Он способен и на это, – подумал Хават. – Эта ведьма, его мать, воистину учит своего сына. Интересно, что думает обо всем этом ее драгоценная школа. Может быть, они и заслали сюда старуху проктора, чтобы поставить нашу милую леди Джессику на место».

Пододвинув кресло, Хават уселся наискосок от Пола, лицом к двери, откинулся на спинку и принялся изучать комнату. Он делал это с подчеркнутым вниманием. Внезапно она показалась ему странной, теперь, когда бо́льшая часть обстановки уже отправлена на Арракис. Оставался стол для занятий и фехтовальное зеркало... кристальные призмы его были темны, истрепанный фехтовальный манекен застыл рядом, словно старик-пехотинец, изрубленный и израненный в битвах.

«Как я», – подумал Хават.

– Сафир, о чем ты думаешь? – позвал его Пол. Хават посмотрел на мальчика:

– Я думал о том, что скоро уже мы оставим это место и наверняка впредь его не увидим.

– Это печалит тебя?

– Печалит? Чепуха! Печально расставаться с друзьями, а дом – всего лишь только дом. – Он глянул на разложенные

на столе карты. – На Арракисе будет новый дом.

– Тебя послал сюда отец посмотреть, чем я занимаюсь.

Хават нахмурился – мальчишка видел его насквозь – и кивнул:

– Ты хотел бы, конечно, видеть его самого, сам понимаешь, герцог так занят сейчас. Он сказал, что зайдет попозже.

– А я изучал бури на Арракисе.

– Бури. Вижу.

– Довольно скверная штука.

– Скверная штука – слишком мягко сказано. На равнине эти бури проходят шесть-семь тысяч километров. Их порождает все, что несет энергию: кориолисова сила, другие бури, то, в чем есть хоть унция энергии. За час они могут продвинуться на семь сотен километров и уносят с собой все, что попадется на пути... песок, пыль, все... Такая буря не только сдирает с костей плоть, даже кости истачивает в щепки.

– Почему же они не управляют погодой?

– У Арракиса свои проблемы, там все дорого... а еще обслуживание и ремонт. Гильдия требует ужасную сумму за метеорологический спутник, а Дом твоего отца не из самых больших и богатых. Ты это знаешь, парень.

– А ты видел кого-нибудь из фрименов?

«Ум парнишки сегодня так и мечется», – подумал Хават.

– Мог бы и не видеть, – ответил он. – О людях низин и грабенов особо сказать нечего. Ходят они все в этих болтающихся одеяниях. И воняет от них в любом помещении про-

сто невообразимо. Это от костюмов, что они носят. Там их называют конденскостюмами – они сохраняют испаряемую телом воду.

Пол сглотнул, вдруг почувствовав влагу в собственном рту, – в том сне ему очень хотелось пить. «Люди на этой планете настолько нуждаются в воде, что им приходится сохранять воду своего тела...» – От этой мысли на него повеяло отчаянием.

– Да, вода там – драгоценность, – произнес он. Кивнув, Хават подумал: «Быть может, я сам навожу его на эти мысли... на то, что об этой планете нужно думать как о враге. Только безумец сунулся бы туда, забыв об этом».

Пол глянул на потолок, почувствовав, что начался дождь. Серое метастекло затягивала влага.

– Вода, – произнес он.

– Ты узнаешь скоро, что значит нуждаться в воде, – сказал Хават. – Как сын герцога, конечно, ты не будешь страдать от жажды. Но вокруг тебя...

Пол облизнул губы и вновь подумал о встрече с Преподобной Матерью неделю назад. И она тоже говорила что-то о жажде.

– Ты узнаешь о Погребальной Равнине, о великих пустынях, где нет ничего: только специя и песчаные черви, – говорила она. – Ты будешь чернить веки, чтобы не слепило солнце. А убежищем станет низина, где нет ветра, и ездить будешь на своих двоих – не на топтере или мобиле, и не вер-

хом.

Пол ощутил, что его завораживали не ее слова... Голос, певучий, вздымающийся волной и опадающий словно прибой.

– Для тех, кто живет на Арракисе, – говорила она. – Пуста – кхала! – земля, луны – друзья, а солнце – враг.

Пол почувствовал, что мать подошла поближе, покинув свой пост у двери. Она поглядела на Преподобную и спросила:

– Значит, нет никакой надежды, Преподобная?

– По крайней мере, для отца. – И старуха махнула рукой, чтобы Джессика умолкла, и глянула на Пола. – Заруби себе на носу, юноша, мир держится на четырех ногах... – Она подняла вверх четыре костлявых пальца с крупными суставами. – На знаниях мудрых, справедливости великих, молитвах праведных, доблести храбрых. Но все это ничто, – она сжала руку в кулак, – ...без правителя, который знает искусство правления. Запомни же эту науку.

Неделя прошла с того дня, проведенного вместе с Преподобной Матерью. И смысл ее слов только сейчас начинал доходить до него в полной мере. Теперь, сидя в учебной комнате перед Сафиром Хаватом, Пол вдруг почувствовал острый приступ страха и глянул на озадаченного нахмурившегося ментата.

– Где же ты болтался все это время? – спросил Хават.

– А ты встречался с Преподобной Матерью?

– С ясновидящей ведьмой Императора? – В глазах Хавата блеснул интерес. – Я встречался с ней.

– Она... – Пол заколебался и понял, что не смеет заговорить об испытании. Запрет глубоко въелся в разум.

– Да? Что ты хочешь сказать? – Пол дважды глубоко вздохнул.

– Она кое-что сказала мне. – Он закрыл глаза, припоминая слова, а заговорив, бессознательно симитировал интонации старухи: – «Ты, Пол Атрейдес, потомок королей и сын герцога, должен научиться править. Кое-кто из твоих предков так и не научился этому».

Открыв глаза, Пол продолжал:

– Это рассердило меня, я сказал, что мой отец правит целой планетой. А она ответила: «Он теряет ее». Я возразил: «Но он же получает более богатую планету». Она ответила: «Он потеряет и ее». Я хотел бежать и предупредить скорее отца, но она сказала, что его уже предупреждали многие, – ты, мать, другие...

– Достаточно верно, – пробормотал Хават.

– Тогда зачем же мы отправляемся туда? – требовательно спросил Пол.

– Потому что так приказал Император, и потому что кое-какая надежда у нас есть, что бы ни говорила ведьма-шпионка. Ну, что же еще излилось из древнего фонтана премудрости?

Пол глянул вниз, на сжатую в кулак под столом правую

руку. Медленно, усилием воли, он заставил мускулы расслабиться. «Она каким-то образом овладела мной, – подумал он. – Но как?»

– Она попросила меня объяснить, что значит править, – сказал Пол, – и я ответил: это когда один командует. Тогда она сказала, что мне уже придется переучиваться.

«Прямо в цель», – подумал Хават и кивнул, чтобы Пол продолжал.

– Она сказала, что правитель должен уметь убеждать, а не заставлять. Еще она сказала, что наилучший кофейный прибор правитель должен предложить достойнейшим из своих людей, чтобы удержать их при себе.

– Как же она узнала, каким именно способом твой отец привлек таких людей, как Гарни и Дункан? – спросил Хават.

Пол пожал плечами.

– Еще она сказала, что хороший правитель должен выучить язык, на котором говорит его мир, а языки различны на всех планетах. Я решил, что она подразумевает язык обитателей Арракиса, но она возразила, что имеет в виду язык камней и трав, язык, который нельзя постичь только ушами. Я сказал тогда: «Это то, что доктор Юэ зовет тайной жизни».

Хават усмехнулся:

– И как она это проглотила?

– Я подумал, что она рехнулась. Она сказала тогда, что тайна жизни – это не загадка, которую надо решить, а реальность, которую надо прожить. Тогда я процитировал первый

закон ментата: «Процесс нельзя понять, остановив его. Постижение процесса развивается, следуя за ним, догоняя его, сливаясь с ним». Это ее удовлетворило.

«Он осилит и это, – подумал Хават, – но старая ведьма его напугала... зачем?»

– Сафир, – спросил Пол, – а на Арракисе и в самом деле так скверно, как она говорит?

– Ну совсем плохо быть не может, – сказал Хават, выдавив улыбку. – Взять, например, Вольный народ, этих бродяг пустыни. По результатам аппроксимационного анализа могу тебе сказать, что их много... Много больше, чем числит Империя. Люди живут на этой планете, парень, очень много людей и... – Хават тронул глаз узловатым пальцем, – ...они ненавидят Харконненов лютой ненавистью. Ты не должен никому даже заикаться об этом. Я рассказываю тебе лишь как помощнику собственного отца.

– Он рассказывал мне о Салузе Секундус, – отозвался Пол. – Знаешь, Сафир, она весьма похожа на Арракис... Может быть, там не столь плохо, но не многим лучше.

– Ну о теперешней Салузе Секундус мы ничего не знаем, – сказал Хават. – Только о том, какой она была... Действительно, там почти как на Арракисе.

– А фримены помогут нам?

– Возможно. – Хават встал. – Сегодня я отправляюсь на Арракис. А ты тем временем позаботься о себе ради старика, который в тебе души не чает, а? Будь хорошим мальчиком,

иди сюда и сядь лицом к двери. Я вовсе не думаю, что в замке тебе угрожает опасность, – это просто привычка, которую я хочу в тебе воспитать.

Пол встал, обошел вокруг стола.

– Ты уезжаешь сегодня?

– Сегодня, а ты последуешь завтра. Следующий раз мы встретимся с тобой уже на земле нового мира. – Он ухватил Пола за бицепс на правой руке. – Ну-ну, и не напрягай руку с ножом, а щит включай на полную мощность. – Он отпустил руку Пола, хлопнул его по плечу, резко повернулся и быстро зашагал к двери.

– Сафир! – позвал его Пол.

Хават обернулся в дверном проеме.

– Ты тоже не садись там спиной к дверям, – сказал Пол.

Ухмылка поползла по изборожденному морщинами лицу.

– Чего-чего – этого-то я делать не буду. Поверь мне, парень.

Он вышел, аккуратно затворив за собой дверь.

Пересев на место, где только что сидел Хават, Пол расправил бумаги. «Еще один день, – подумал он и огляделся. – Мы уезжаем». И отъезд стал для него вдруг куда более реальным, чем когда-либо... Он вспомнил, как старуха сказала тогда, что мир складывается из многого: людей, грязи, растений, лун, приливных течений, солнц – величина эта неизвестна и называется природой, она не знает, что такое «сегодня». И он подумал: «Что есть природа?»

Дверь, лицом к которой сидел Пол, с шумом распахнулась, и в комнату ввалился уродливый нескладный человек с охапкой оружия в руках.

– Итак, Гарни Холлик, – обратился к нему Пол, – тебя назначили главным оружейником?

Холлик пяткой захлопнул дверь.

– Знаю, ты предпочел бы, чтобы я сыграл тебе.

Оглядев комнату, он заметил, что люди Хавата уже прошли по ней, обеспечивая безопасность наследника герцога. Во многих местах об этом свидетельствовали кодовые знаки.

Уродец заторопился с грудой оружия к столу. Девятиструнный бализет болтался за его спиной, у головки грифа в струны был продет медиатор.

Холлик вывалил оружие на стол для занятий и принялся раскладывать рапиры, кинжалы, станнеры, стреляющие медленными пулями, пояса щитов. Кривой шрам на его лице растянула улыбка.

– Итак, чертенок, ты не хочешь мне пожелать доброго утра. Какой колючкой ты подколот старого Хавата? Он пронесся мимо меня в зале так, словно опаздывал на похороны врага.

Пол ухмыльнулся. Из всех людей своего отца больше всего он любил Гарни Холлика, знал его настроения, прихоти и привычки и считал его скорее другом, чем наемником.

Холлик скинул с плеча бализет, принялся настраивать его

и буркнул:

– Хочешь молчать – молчи.

Поднявшись на ноги, Пол направился через комнату к Холлику со словами:

– Ну, Гарни, какая же сейчас может быть музыка, раз ныне – время битвы.

– Так сегодня говорят все начальники, – согласился Холлик. Он тронул струну на инструменте, кивнул.

– А где Дункан Айдахо? – спросил Пол. – Разве не он обучает меня владению оружием?

– Дункан командует второй волной нашего десанта на Арракис, – ответил Холлик, – и тебе оставили только бедного Гарни, забросившего битвы и налеты ради музыки. – Он тронул другую струну, прислушался к ней, улыбнулся. – И на совете решили поучить тебя музыке, раз уж ты совсем никудышный боец, чтобы жизнь твоя не прошла понапрасну.

– Может быть, ты споешь мне балладу, – сказал Пол. – Я бы хотел послушать, как не следует этого делать.

– Ах-ха-ха, – расхохотался Холлик и затянул «Галасианских девиц», рука его мелькала над струнами:

Ох-х, галасианская девка, ей-ей,

Сделает это за пару прозрачных камней.

В Арракине – просто за полстакана,

Но любовь, что пылает, как пламя в ночи,

Чей жарок огонь, чьи лучи как мечи,

Ищи лишь у дочери Каладана.

– Не так уж плохо для такой корявой руки, – объявил Пол, – но, если моя мать услышит, что ты допускаешь подобные вольности, она велит украсить твоими ушами стену замка.

Гарни тронул левое ухо:

– Хорошего украшения из него не получится: натер о замочную скважину, подслушивая, как один известный мне молодой человек наигрывал довольно сомнительные частушки на своем бализете.

– Значит, ты уже забыл, как себя чувствуешь, обнаружив в своей постели песок. – Пол потянул пояс щита со стола, застегнул его на груди. – Тогда придется биться!

Глаза Холлика раскрылись от притворного удивления.

– Так! Значит, злодейство это было содеяно твоей рукой! Защищайся, молодой хозяин, защищайся! – Он подхватил рапиру и взмахнул ею в воздухе. – Душа моя жаждет мести.

Пол взял парную рапиру, согнул в руках, встал на изготовку и выставил ногу вперед, передразнивая торжественную манеру доктора Юэ.

– Что за дурня прислал мне сегодня отец для занятий с оружием! Этот неумеха Холлик забыл первое правило, известное каждому, кто не впервые берет в руки щит и оружие, – объявил Пол, нажал на груди кнопку и включил щит, ощутив знакомое пощипывание и покалывание на лбу и вдоль спины. Звуки в комнате стали глуше, проходя через

силовое поле щита. – В поединке со щитами защищаются быстро, атакуют медленно, – сказал Пол. – Атака. Цель атаки – заставить соперника ошибиться, открыться для решительного удара. Щит отражает быстрый удар, но уступит медленному кинжалу. – Пол поднял рапиру, увернулся и, отразив воображаемый удар, сделал медленный выпад, чтобы преодолеть бездумное сопротивление щита.

Холлик недвижно наблюдал и уклонился лишь в последнюю секунду, когда затупленное острие готово было соприкоснуться с его грудью.

– Скорость великолепна, – сказал он. – Только ты был все время открыт для удара снизу.

Раздосадованный Пол отступил.

– Я тебя выпорю за такое безрассудство, – сказал Холлик. Он поднял обнаженный кинжал со стола. – В руке врага он может выпустить твою кровь, а с нею и жизнь! Ты способный ученик, не более, но я тебя уже предупреждал, что даже в игре нельзя доверяться человеку со смертью в руке.

– Похоже, у меня сегодня нет настроения для фехтования, – ответил Пол.

– Настроения? – Гнев в голосе Холлика глухо доносился через поле щита. – Кого интересуют твои настроения? Человек принимает бой, когда вынужден, а не когда у него появляется настроение пофехтовать. Настроения бывают у животных... У человека они для любви или для музыки. Но к законам поединка настроения не имеют никакого отноше-

ния.

– Извини, Гарни, мне очень жаль!

– Еще мало жаль!

Холлик включил собственный щит и согнулся, выставив снизу кинжал в левой руке, высоко подняв вверх правую с рапирой.

– А теперь, говорю тебе, защищайся по-настоящему. – Высоким прыжком отскочив в сторону, он ринулся в яростную атаку.

Пол отступил, парируя. Поле потрескивало, когда щиты соприкасались, отражая друг друга. Ток мурашками покалывал кожу. «Что это с Гарни? – спросил он себя. – Так не прикидываются!» Шевельнув левой рукой, Пол вытряхнул нателный нож из ножен на запястье.

– Значит, оказалось, что одного клинка мало? – осклабился Холлик.

«Неужели предательство? – мелькнуло в голове Пола. – Нет, только не Гарни!»

Схватка перемещалась по комнате, удар – защита, выпад – контрудар. Воздух в силовых пузырях становился спертым – силовые барьеры щитов плохо пропускали его. Щиты с треском ударялись вновь и вновь, и запах озона становился все сильнее.

Пол медленно отступал, но теперь уже двигался к тренировочному столу. «Если я смогу заставить его повернуться у стола, тогда... Я кое-что покажу тебе, Гарни, – подумал

Пол. – Ну, еще шажок».

Холлик шагнул.

Пол отбил удар книзу, рапира Холлика вонзилась в край стола. Пол уклонился вправо, высоко взметнул рапиру и ударил наручным ножом. Удар он остановил в дюйме от сонной артерии Холлика.

– Ты этого добивался? – прошептал Пол.

– Глянь-ка вниз, парень, – запыхавшись, вымолвил Гарни.

Пол повиновался и увидел, что над крышкой стола выступает острое кинжала, – почти у его собственной ноги.

– Ничья, мы оба покойники, – объявил Холлик. – Следует признать, что ты бился гораздо лучше, когда тебя вынудила необходимость. Похоже, к тебе пришло настроение. – И он по-волчьи оскалил зубы в улыбке, кривой шрам стягивал кожу на челюсти.

– Ты так на меня навалился, – ответил Пол. – Ты бы и в самом деле взял мою кровь?

Холлик убрал кинжал, выпрямился.

– Если бы ты бился хоть на йоту хуже, чем можешь, пришлось бы малость потерпеть, новый шрам ты бы запомнил. Я не могу допустить, чтобы мой любимый ученик пал жертвой первого же попавшегося на пути бродяги Харконнена.

Пол выключил щит и согнулся к столу перевести дух.

– Я заслужил трепку, Гарни. Но отец наверняка бы разгневался, если бы ты ранил меня. И я не могу допустить, чтобы тебя наказали за мою ошибку.

– В твоей ошибке есть и моя собственная. И не следует обращать внимания на какую-нибудь парочку шрамов на занятиях. Тебе везет, их у тебя еще мало, а что касается твоего отца, герцог накажет меня лишь в том случае, если я не сделаю из тебя первоклассного бойца. Я был бы не прав, если бы немедленно не доказал тебе вздорность всех этих настроений, которые у тебя вдруг завелись.

Пол выпрямился, вложил наручный нож в ножны на кисти.

– Это не игра, – произнес Холлик.

Пол кивнул. Необычная серьезность Холлика, напряженное выражение его лица внушали изумление. Он глянул повнимательнее на кривой свекольного цвета шрам на щеке барда и припомнил историю о том, как Гарни получил эту рану от Твари Раббана, будучи невольником, в бою гладиаторов на Гайдеди Прим. И вдруг Пол почувствовал стыд – за то, что хоть на мгновение усомнился в Холлике. Вдруг до Пола дошло, что шрам этот от чернильной лозы, и оставленная ею рана болела тогда и болит теперь... и что, быть может, боль, перенесенная воином, была ничуть не меньше, чем та, что крылась в шкатулке Преподобной Матери. Эту мысль он постарался отбросить, слишком уж она была неудобной.

– А неплохо бы поиграть, – сказал Пол. – Слишком уж серьезными стали все вокруг.

Холлик отвернулся, чтобы спрятать лицо. Глаза его горели, словно в них догорало то, что время безжалостно отсека-

ло когда-то.

«Как рано мальчику приходится становиться мужчиной, – подумал Холлик. – Скоро придется ему заполнять эту печальную строку: покойные родственники».

Не оборачиваясь, Холлик произнес:

– Я почувствовал, что ты хочешь поиграть, а я так люблю участвовать в твоих играх. Только игры окончились. Завтра мы отправляемся на Арракис. Это – реальность. И Харконнены тоже.

Пол прикоснулся ко лбу поднятой вертикально рапирой.

Холлик обернулся, заметил салют и ответил на него кивком. Он показал на тренировочный манекен.

– А теперь поработаем на время. Покажи мне, как ты умеешь наносить этой штуке смертельный удар. Я буду управлять отсюда, здесь хорошо видно. Предупреждаю, сегодня будешь иметь дело с новыми контрударами. Настоящий враг тебя предупреждать не станет.

Чтобы расслабиться, Пол потянулся, привстав на носках. Внезапно ему пришло в голову, что жизнь – только цепь перемен, почему-то эта мысль наполнила его душу непонятной торжественностью. Он подошел к манекену, тронул выключатель на его груди концом рапиры и ощутил, как силовое поле отбросило его клинок.

– Защищайся! – крикнул Холлик, и манекен перешел в атаку.

Холлик манипулировал переключателями и наблюдал. Ум

его словно разделился на две части: одна следила за тренировочным боем, другая же порхала вокруг и жужжала как муха.

«Я – хорошо тренированное фруктовое дерево, – думал он. – Увешанное плодами: тонкими ощущениями и развитыми способностями, ну просто обсыпанное ими, приходи и собирай».

Почему-то ему вспомнилась младшая сестра – личико юного эльфа возникло перед внутренним взором. Но она уже давно умерла... в веселом доме для солдат Харконненов. Она любила анютины глазки или же маргаритки? Забыл... Он забыл это и потому расстроился.

Пол отразил медленный удар манекена, поднял левую руку.

«Умен, чертенок! – подумал Холлик, не отрывая глаз от выходящей руки Пола. – Он занимается сам, и старательно. Это не в стиле Дункана. И я ничему подобному его не учил».

Но эта мысль лишь усилила печаль Холлика. «Он заразил меня настроением. – И подумал: – Приходилось ли уже мальчику со страхом вслушиваться в ночное молчание?»

– Если бы желания были рыбками, все бы забрасывали сети, – пробормотал он.

Так говорила его мать, и сам он частенько припоминал эти слова перед очередной черной невзгодой. А потом подумал, насколько странными покажутся эти слова на планете, не знавшей ни рыб, ни морей.

Юэ (Йу э), Веллингтон (станд. 10082–10191); доктор медицины школы Сукк, выпуск станд. 10112; жена – Уанна Маркус, БГ (станд. 10092–10186?), известен в основном предательством герцога Лето Атрейдеса (см.: Библиография, приложение VII, имперская обработка и предательство).

Принцесса Ирулан. «Словарь Муад'Диб»

Пол слышал, как доктор Юэ вошел в учебную комнату уверенным четким шагом, но не поднялся со стола, на котором оставил его массажист. Он восхитительно расслабился после изнурительного поединка с Гарни.

– Уютная картинка, – сказал Юэ спокойным, высоким голосом.

Приподняв голову, Пол увидел перед собой стройную мужскую фигуру, облаченную в черное одеяние с многочисленными складками. На крупном квадратном лбу доктора, высоко над пурпурными губами и вислыми усами, синел вытатуированный бриллиант – знак имперской психологической обработки. Длинные черные волосы были перехвачены серебряным кольцом школы Сукк на левом плече.

– Ты обрадуешься: у нас нет сегодня времени на все обычные занятия, – сказал Юэ. – Вот-вот придет твой отец.

Пол сел.

– Но я приготовил для тебя проектор и кинофильм с несколькими уроками на дорогу до Арракиса.

– Ох!

Пол принялся натягивать одежду. Он обрадовался: ведь скоро придет отец. После приказа Императора занять фэйф на Арракисе они виделись слишком редко.

Юэ подошел к Г-образному столу. «Как возмужал мальчик за последние несколько месяцев! Какая это будет потеря! Какая печальная потеря! – И напомнил себе: – Не поддавайся слабости. Ты пошел на это, чтобы убедиться, что твою Уанну больше не мучают в застенках барона».

Пол подошел к столу, застегивая куртку.

– Так что же я буду изучать на пути через пространство?

– Ах да, формы земной жизни, прижившиеся на Арракисе. Планета словно распростерла объятия некоторым земным видам. Но как это произошло, непонятно. Когда мы прибудем, я отыщу эколога планеты Кайнса и предложу ему свою помощь в исследованиях.

Юэ подумал: «Что я говорю? Зачем это ханжество перед самим собой?»

– А о Вольном народе там что-нибудь будет?

– О фрименах? – Юэ забарабанил пальцами по столу, заметил, что Пол увидел его волнение, и убрал руку.

– Может быть, у тебя найдется что-нибудь о населении Арракиса вообще? – спросил Пол.

– Да, конечно, – сказал Юэ. – Есть две крупных группы. Первая – фримены, а вторая – люди грабенов, впадин и котловин. Мне говорили, что они заключают и смешанные браки. Женщины народа впадин и котловин предпочитают выходить за фрименов, а мужчины – брать в жены фрименских девиц. У них есть поговорка: «Блеск приходит из города, а мудрость – из пустыни».

– У тебя есть снимки этих людей?

– Надо поискать. Самое интересное – глаза у них совершенно синие, без белков.

– Мутация?

– Нет, это из-за перенасыщения крови меланжем.

– Фримены, должно быть, смелый народ... жить на краю пустыни...

– Безусловно, – отвечал Юэ. – Они посвящают своим ножам песни. Их женщины свирепы не менее, чем мужчины. Даже дети Вольного народа склонны к насилию и опасны. Осмелюсь предположить, что тебе не удастся лично познакомиться с ними.

Пол слушал Юэ как замороженный, слова его о фрименах поглотили все внимание мальчика. Какой народ, какие союзники... если бы только привлечь их на свою сторону!

– А черви? – спросил Пол.

– Что?

– Я бы хотел еще почитать о песчаных червях.

– Ах-х-х, да. У меня есть книгофильм о небольшом черве.

Всего сто десять метров длиной и двадцать два в диаметре. Его снимали в северных широтах. Надежные свидетели говорят о червях длиной более четырехсот метров, есть причины считать, что существуют и более крупные.

Пол глянул на расстеленную на столе карту северных широт Арракиса в конической проекции.

– Районы пояса пустынь и вблизи северного полюса считаются необитаемыми. Из-за червей?

– И бурь.

– Но ведь жить можно повсюду.

– Если это экономически целесообразно, – ответил Юэ. – На Арракисе много опасностей, и борьба с ними требует расходов. – Он погладил вислые усы. – Скоро здесь будет твой отец, а до его прихода я хочу сделать тебе подарок: наткнулся на него, пакуя вещи. – Он положил на стол небольшой предмет – черный, продолговатый, величиною с фалангу большого пальца Пола.

Пол поглядел на предмет. Юэ отметил, что мальчик и не попытался притронуться к вещи, и подумал: «Насколько же он осторожен!»

– Это очень старая Оранжевая Католическая Библия, изготовленная для космических путешественников. Это не книгофильм, она напечатана на бумаге из волокон. В нее встроены усилитель и электростатическая система. – Он взял ее в руки и показал. – Электростатический заряд держит книгу закрытой, обложка же подпружинена. Нажимаешь на

край... вот так... Страницы отталкивают друг друга, и книга открывается.

– Она так мала.

– Но в ней восемнадцать сотен страниц. Нажимаешь опять на край, теперь так... и заряд сдвигает страницы по одной, пока ты их читаешь. Но не трогай страницы пальцем... волоконные страницы тонки. – Он закрыл книгу, вручил ее Полу. – Попробуй!

Юэ следил, как Пол учится управляться со страницами, и думал: «Я умиротворяю свою нечистую совесть. Знакомлю мальчика с основами веры, а потом предам, и буду иметь возможность сказать себе: он отправился туда, куда мне путь закрыт».

– Эту вещь сделали еще до книгофильмов?

– Она достаточно древняя. Пусть книга останется нашим секретом, а? Твои родители могут посчитать, что это слишком ценный подарок для столь молодого человека, – сказал Юэ и подумал: «Его мать, вне сомнения, заинтересуется причинами моего поступка».

– Ну... – Пол закрыл книгу, взвесил ее на ладони, – раз это столь большая ценность...

– Считай, что это просто прихоть старика. Мне подарили ее в молодости, – сказал Юэ и подумал, что следует заинтересовать и его разум, не только желания. – Открой ее на четыреста шестьдесят седьмой Кальме... там, где она гласит: «Из воды происходит вся жизнь». Край обложки там слегка

поцарапан.

Пол ощупал книгу и обнаружил на ней две царапины, одна из них была поглубже. Он нажал на другую, книжка распахнулась на его ладони, увеличитель скользнул на место.

– Прочти вслух, – сказал Юэ.

Пол облизнул губы и прочитал:

– «Да подумают все о том, что глухой не может слышать! А потом о глухоте всеобщей, которой не избежать ни единому. Каких чувств не хватает нам, какого зрения, какого слуха недостает, чтобы ощутить иной мир вокруг нас? Что же окружает нас, чего...»

– Прекрати! – рявкнул Юэ. Пол удивленно глянул на него.

Юэ закрыл глаза, пытаясь вновь обрести спокойствие. «Что за адское совпадение заставило книгу открыться на любимом отрывке моей Уанны?» Он открыл глаза. Пол все еще глядел на него.

– Извини, – произнес Юэ, – это был... это был любимый отрывок моей покойной жены. Не тот, который я хотел сейчас услышать. Он пробуждает воспоминания... слишком нелегкие.

– Там две отметины, – заявил Пол. «Конечно, – подумал Юэ. – Уанна отметила свой отрывок, его пальцы чувствительнее моих и нашли царапину. Случайность, не более».

– Возможно, эта книга покажется тебе интересной, – сказал Юэ, – в ней много исторической правды и хорошей этической философии.

Пол глянул на крошечную книжицу на ладони – небольшая вещица. Но в ней заключена была тайна... В нем что-то произошло, пока он читал. Эти слова расшевелили его ужасное предназначение.

– Твой отец может оказаться здесь в любую минуту, – произнес Юэ. – Спрячь книжку и читай на досуге.

Пол прикоснулся к ее краю, как показывал Юэ. Книжка закрылась. Он опустил ее в карман. В тот момент, когда Юэ возвысил голос, Пол успел испугаться, что доктор потребует книгу обратно.

– Благодарю тебя за подарок, доктор Юэ, – принес формальную благодарность Пол. – Он останется нашим секретом. Если ты желаешь от меня ответного дара или милости, прошу, не медли, назови свое желание.

– Я... мне ничего не надо, – отвечал Юэ, думая при этом: «Зачем я мучаю самого себя? Зачем я мучаю бедного мальчика... хоть он и не понимает еще этого. О! Проклятие на головы тварей Харконненов! И почему они выбрали именно меня для своей мерзости?»

*Как подходить к изучению отца Муад'Дибба?
Безгранично добрым и удивительно холодным был*

герцог Лето Атрейдеc. Какие факты открывают пути к пониманию этого человека? Его неизменная любовь к своей даме из Бинэ Гессерит, мечты о будущем сына, самозабвенность служивших ему. Вот он перед нами: человек, попавший в ловушку судьбы... одинокая тень, утонувшая в лучах славы сына. Но всегда уместен вопрос: «Разве сын не есть продолжение отца?»
Принцесса Ирулан. «Семья Муад'Дибa»

Пол видел, что отец вошел в зал для занятий, охрана привычно занимала посты. Кто-то из свиты закрыл дверь. Пол ощутил некую телесность присутствия отца – он появлялся всегда как-то весомо и материально.

Герцог был смугл и высок ростом. Резкое худое лицо чуть согрели глубокие серые глаза. На нем был черный рабочий мундир с гербом – красным ястребом на груди. Посеребренный широкий пояс щита, потерявшийся от долгого использования, охватывал узкую грудь.

Герцог спросил:

– Очень занят, сын?

Подойдя к угловому столу, он заглянул в бумаги, оглядел комнату, а потом перевел взгляд на Пола. Он устал, предельно устал, в том числе от того, что усталость эта должна оставаться для всех незаметной. «Надо будет по возможности отдохнуть во время перелета на Арракис, – подумал он, – на Арракисе отдыха не будет».

– Не очень, – отвечал Пол, – все так... – Он передернул плечами.

– Да. Завтра нам уезжать. Как хорошо будет, когда все это, вся суета останется позади.

Пол кивнул, вдруг ему припомнились слова Преподобной Матери: «...для отца – ничего».

– Отец, – спросил Пол. – Неужели действительно на Арракисе будет настолько опасно, как говорят все?

С привычным усталым движением руки, герцог присел на край стола и улыбнулся. Обычные в таком случае фразы промелькнули в его голове... ему не привыкать ободрять людей перед битвой. Промелькнули, да так и не воплотились в слова.

Это мой сын.

– Да, будет опасно, – согласился он.

– Хават сказал, что у нас уже есть план действий относительно Вольного народа, – сказал Пол и удивился: «Почему я не могу рассказать ему то, что говорила эта старуха? Как сумела она запечатать мой язык?»

Заметив, что сын расстроен, герцог проговорил:

– Хават, как всегда, видит главное. Но есть и еще кое-что. Не забывай про Картель «Новейшие и качественнейшие товары», компанию КАНИКТ. Отдавая мне Арракис, его величество вынужден отдать и директорство в КАНИКТ... тонкое приобретение.

– КАНИКТ контролирует специю, – сказал Пол.

– Арракис и специя мостят нам дорогу в КАНИКТ, – сказал герцог. – Эта компания контролирует не только меланж.

– Преподобная Мать предупреждала тебя? – с усилием выдохнул Пол. Он сжимал мокрые от пота кулаки. Сколько же сил потребовал этот вопрос!

– Хават уже сказал мне, что она напугала тебя своими пророчествами о наших будущих несчастьях на Арракисе, – ответил герцог. – Не допускай, чтобы женские страхи влияли на твой ум. Женщины всегда берегут своих любимых от опасности. За этими предсказаниями рука твоей матери. В них – знак ее любви к нам обоим.

– А она знает о фрименах?

– Да, и не только о них.

– И что же?

И герцог подумал: «Правда может оказаться ужаснее его опасений, но знание о грядущих бедах бесценно, тогда к ним можно подготовиться. Мы не скрываем от него опасность, только ношу опасений следует облегчить: он еще молод».

– Не многое избегает руки КАНИКТ, – начал герцог. – Бревна, ослы, лошади, коровы, древесина, навоз, удобрения, акулы, китовый мех... все: и самое прозаическое, и самое романтическое... даже наш скромный рис-панди с Каладана. Все это перевозит Гильдия: произведения искусства с Икаца, машины с Ричес и Икс. Но рядом с меланжем бледнеет все. За горстку специй на Тупайле можно купить дом. Ее нельзя изготовить, она добывается на Арракисе. Специя уникальна и действительно обладает гериатрическим действием.

– А теперь мы ее контролируем?

– В какой-то степени. Важно учитывать все Дома, которые участвуют в прибылях КАНИКТ. Подумай, какая колоссальная доля этих доходов зависит от одного продукта – от специи. Представь, что может случиться, если производство специи почему-либо уменьшится.

– Выиграет всякий, кто запасся меланжем, – сказал Пол. – Остальные остались в дураках.

Глядя на сына, герцог с мрачным удовлетворением подумал: «Мысль недурна, сказываются результаты воспитания». Он кивнул:

– Харконнены запасаются уже лет двадцать.

– Они хотят, чтобы добыча специи упала, а винили в этом тебя.

– Они хотят, чтобы имя Атрейдесов потеряло популярность, – сказал герцог. – Подумай о тех Великих Домах Ландсраада, которые некоторым образом воспринимают меня как своего предводителя, неофициального представителя. Подумай, как они отреагируют, если на меня ляжет вина за уменьшение их доходов. В конце концов, личная выгода прежде всего. Проклятая Великая Конвенция: ты имеешь право помешать любой попытке разорить себя! – Суровая усмешка искривила рот герцога. – И они поступят именно так, как велют личные интересы, что бы ни случилось со мной.

– Даже если Харконнены применят атомное оружие?

– До такой наглости не дойдет. Никакого открытого нарушения Конвенции не будет. Однако возможны любые про-

чие гадости... даже запыление атмосферы и местное отравление почвы.

– Тогда зачем нам все это нужно?

– Пол! – Герцог нахмурился, глядя на сына. – Если знаешь, где ловушка, – это первый шаг, чтобы в нее не попасть. Все это как в поединке, только много крупнее: финт в финте и вновь финт в финте... и так без конца. И нужно только все правильно понять. Зная, что Харконнены запасаются меланжем, зададим себе вопрос: а кто еще это делает? И получим список врагов.

– Так кто же они?

– И некоторые враждебные нам Дома, и некоторые из тех, на чью дружбу мы рассчитывали. Но сейчас нет необходимости их опасаться. Обнаружилась куда более важная фигура: наш обожаемый Падишах-Император.

Пол попытался сглотнуть, горло вдруг пересохло.

– А если созвать Ландсраад и разоблачить...

– И враг поймет, что мы знаем, в какой руке нож? Ах, Пол, сейчас мы хотя бы видим его. А кто знает, в чьи руки, куда его могут тогда перебросить? Если поднять этот вопрос на Ландсрааде, мы вызовем лишь великое смятение. Император будет все отрицать. Кто посмеет противоречить ему? И тогда мы выиграем лишь крохотную передышку, рискуя низвергнуть все в хаос... и откуда потом придется ждать следующей атаки?

– Запасаться специей могут начать все Дома.

– У недругов хороший отрыв... слишком давно они начали.

– Император, – проговорил Пол. – Это значит сардаукары...

– Безусловно, переодетые в харконненские мундиры, – сказал герцог, – но и в них они останутся такими же фанатично преданными Императору солдатами.

– Чем могут помочь нам фримены против сардаукаров?

– Хават говорил с тобой о Салузе Секундус?

– Об императорской планете-тюрьме? Нет.

– Что, если она не только тюрьма, Пол? Есть один вопрос о сардаукарах, о котором ты не думал. Откуда они берутся?

– Думаешь, с этой планеты-тюрьмы?

– Но ведь откуда-то берутся...

– А новобранцы для вспомогательного войска, которых Император требует от...

– В это нас хотят заставить поверить. Дескать, сардаукары – просто наемники Императора, которых готовят еще с юных лет. Иногда появляется какой-то слухок об инструкторах армии Императора, но баланс сил в нашей цивилизации остается неизменным. С одной стороны, вооруженные силы Великих Домов Ландсраада, с другой – сардаукары и вспомогательные войска. Но сардаукары – это всегда сардаукары.

– Но все сообщения с Салузы Секундус говорят, что эта планета – сущий ад.

– Вне сомнения. Однако, если ты собираешься воспитать крепких, сильных, свирепых воинов, в какие условия их надо поместить?

– Но как потом добиться преданности от этих людей?

– Есть проверенные способы: играть или на их чувстве собственного превосходства, или на мистике тайного объединения, или на духе общности пережитого страдания. Этого вполне можно добиться. Подобные вещи делались издревле и не однажды – на многих мирах.

Пол кивнул, не отрывая глаз от отцовского лица. Он чувствовал, что приближается некое откровение.

– Возьми Арракис, – произнес герцог, – за пределами городов и гарнизонов это ужасный мир, как и Салуза Секундус.

Глаза Пола округлились:

– Вольный народ!

– Да. У нас будет возможность создать войско столь же грозное, как и сардаукары. Для этого потребуется терпение – подобное предприятие требует секретности – и деньги, чтобы полностью обмундировать и вооружить бойцов. Но фримены живут на Дюне, и специя добывается там же. Поэтому и направляемся мы на Арракис, зная, что там ловушка.

– А Харконнены не знают о Вольном народе?

– Харконнены презирали фрименов, охотились на них, как на зверей, даже не потрудились пересчитать их. Как же, обычное отношение Харконненов к населению собственных планет – тратить на людей лишь минимум, необходимый для

поддержания жизни!

Герцог изменил позу, и металлические нитки, которыми был вышит ястреб на его груди, блеснули перед глазами Пола.

– Ты понял?

– Значит, мы ведем сейчас переговоры с Вольным народом, – ответил Пол.

– Я послал к ним делегацию во главе с Дунканом Айдахо, – сказал герцог. – Дункан горд и жесток, но любит правду. Я думаю, фрименам он придется по нраву. Если нам повезет, быть может, они будут судить по нему о нас. Дункан – воплощение строгой морали.

– Дункан – воплощение морали, – продолжил Пол. – А Гарни – доблести.

– Именно, – подтвердил герцог.

Пол подумал: «Гарни – один из тех, о ком Преподобная Мать говорила: «Доблесть храбрых – основа миров».

– Гарни доложил мне, что ты сегодня неплохо управлялся с оружием.

– Мне он говорил совершенно другое.

Герцог громко расхохотался:

– Гарни сегодня был скуп на похвалу. Он сказал – его собственные слова, – что ты прекрасно ощущаешь различие между лезвием и острием.

– Гарни говорит, что убивать острием некрасиво. Мастер делает это лезвием.

– Гарни – романтик, – пробормотал герцог. Эти слова, произнесенные сыном, вдруг смутили его. – Хотелось бы, чтобы тебе никогда не пришлось убивать... но если случится нужда... все равно – лезвие ли, острое – делай как сумеешь. – Он глянул на потолочное окно, по которому барабанил дождь.

Проследив за отцовским взглядом, Пол подумал о влажных облаках над головой... На Арракисе их не увидеть... а за ними – пространство.

– Корабли Гильдии действительно колоссальны? – спросил он.

Герцог поглядел на него.

– Ты впервые покидаешь планету, – сказал он. – Да, они огромны. Путешествие дальнее, и мы едем на лайнере-экспрессе. А они воистину велики. Все наши фрегаты и транспортеры поместятся в одном уголке трюма... Мы же будем лишь крошечной частью груза.

– А покидать фрегаты мы не сможем?

– Такова часть платы за обеспечиваемую Гильдией безопасность. Корабли Харконненов могут оказаться в трюме рядом с нашими, но можно не опасаться – никто не станет рисковать своими транспортными привилегиями.

– Я буду смотреть на экраны, хочется увидеть кого-нибудь из Гильдии.

– Не увидишь. Даже собственные агенты Гильдии не видят навигаторов. Она столь же ревностно охраняет свое

уединение, как и свою монополию. Не вздумай рискнуть нашими транспортными привилегиями, Пол.

– А тебе не кажется, что они прячутся потому, что мутировали и полностью потеряли человеческий облик?

– Кто знает? – Герцог пожал плечами. – А поскольку решением этой загадки мы с тобой не собираемся заниматься, остаются куда более неотложные проблемы. И среди них – ты.

– Я?

– Твоя мать хотела, сын, чтобы именно я сказал тебе это. Видишь ли, у тебя могут оказаться способности ментата.

Пол от неожиданности замолчал, а потом выдавил:

– Ментат? Я? Но ведь...

– И Хават согласен с ее мнением, сын. Ошибки нет.

– Но я думал, что обучение ментата начинается с детства, и сам он не должен знать об этом, чтобы не помешать раннему... – Он умолк. Все его воспоминания внезапно сошлись в мгновенном расчете. – Теперь понимаю, – сказал он.

– Настанет день, – произнес герцог, – когда потенциальный ментат должен узнать о том, что с ним происходит. Он не может больше быть предметом обучения. Ментат сам должен сделать выбор: продолжать обучение или прекратить. Некоторые способны к дальнейшим занятиям, некоторые – нет. И только сам потенциальный ментат может решить это для себя.

Пол потер подбородок. Все его специальные занятия с Ха-

ватом и матерью – мнемоника, фокусирование восприятия, контроль над мускулами, развитие чувств, изучение языков и голосовых тонкостей – все это по-новому укладывалось в его голове.

– Когда-нибудь, сын, ты станешь герцогом, – произнес отец. – Герцог-ментат – очень внушительная перспектива. Ты можешь принять решение прямо сейчас... или тебе нужно дать время на размышления?

Колебаний не было.

– Я буду продолжать тренировки.

– Внушительная перспектива, – пробормотал герцог, и Пол подметил гордую улыбку на лице отца. Она вдруг потрясла Пола – словно из-под кожи узкого лица выглянул череп. Пол закрыл глаза, ощущение ужасного предназначения вновь пробудилось в нем. «Возможно, быть ментатом на самом деле ужасно», – подумал он.

Он сконцентрировался на этой мысли, но разум его возразил. Нечто, пробудившееся в нем, протестовало.

На примере леди Джессики и Арракиса особенно очевидны плоды, принесенные зернами легенд Бинэ Гессерит, что насаждались с помощью Миссионарии Протективы. Мудрость, с которой известная нам

Вселенная охвачена сетью пророчеств, необходимых для защиты Дочерей Гессера, признана уже давно, но никогда еще не было в истории столь экстремального положения, в котором обычная подготовка Миссионарии так сочеталась бы с индивидуальностью. Пророческие легенды укоренились на Арракисе и стали неотъемлемой частью местной культуры (включая и само звание Преподобной Матери, распевы и возгласы, большую часть Протект Профетикус Шари-а). Пора признать, что латентные способности леди Джессики ранее существенно недооценивались нами.

Принцесса Ирулан. «Анализ кризиса в Арракине» (БГ, секретно, номер документа: АК-81088587)

Вокруг леди Джессики вдоль стен Большого зала резиденции в Арракине штабелями высились коробки, ящики, чемоданы и сундуки с багажом. Часть их была уже распакована. Шум возвестил, что рабочие с челнока Гильдии внесли в зал новую порцию груза.

Джессика стояла в центре помещения. Она медленно повернулась, оглядывая выступающие из потолка темные балки и глубоко врезынные окна. Гигантский старинный зал напомнил ей палату сестер в школе Бинэ Гессерит. Но в школьном зале было тепло и уютно. Здесь же вокруг был блеклый камень.

«Какой архитектор позаимствовал голые стены и темные гобелены из далекого прошлого?» – подумала она. Громад-

ные балки свода в двух этажах над ее головою явно были доставлены на Арракис за чудовищную цену. Деревья, из которых можно было изготовить подобные брусья, на планетах этой системы не росли – разве что архитектор здесь ловко имитировал дерево.

Впрочем, едва ли.

При старой Империи в этом здании находилась правительственная резиденция. Цены тогда были ниже. Дом строили задолго до Харконненов – до того еще, как они возвели свой мегалополис Карфаг – безвкусную дешевку сотнях в двух километров к северу, за Ломаной Землей. Лето мудро выбрал место для своего пребывания. В имени города – Арракин – звенела древность... И еще: небольшой городок легче очистить от врагов и защитить от них.

У входа вновь раздался стук сгружаемых ящиков. Джессика вздохнула.

Справа от нее к коробке был приставлен портрет отца герцога. Кусок упаковочного шнура причудливым украшением свисал с него. Джессика все еще не выпускала его из левой руки. Около картины покоилась черная бычья голова на полированной доске. Темным островком выступала она из моря упаковочной бумаги. Деревянная панель лежала на полу, и блестящая морда быка задралась к потолку, словно зверь вот-вот взревет и вызовет противника на бой.

Джессика удивленно подумала, с чего вдруг достала она в первую очередь две эти вещи: бычью голову и картину. В

своем поступке она почувствовала нечто символичное. С того самого дня, когда покупщики герцога забрали ее из школы, не чувствовала она себя столь испуганной и неуверенной.

Голова и картина.

Смятение ее усилилось. Она поежилась, глянув на прорези окон высоко над головой. Было еще раннее утро, в этих широтах небо казалось холодным и черным – куда темнее привычной теплой синевы Каладана. Тоска по дому пронзила ее.

А Каладан так далеко отсюда!

– Ну вот и мы! – раздался голос герцога Лето. Она вихрем обернулась: герцог широкими шагами вышел из сводчатого прохода в зал. Его черный рабочий мундир с красным вышитым ястребом на груди был запылен и помят.

– Я вдруг подумал, что ты потерялась в этом отвратительном доме, – сказал он.

– Холодном доме... – произнесла она, глянув на его высокую фигуру: загорелая кожа напоминала ей об оливковых рощах и золотых отблесках на голубой воде. Серые глаза его казались словно подернутыми дымом костра, но лицо герцога было лицом хищника – худым, с резкими выступами и впадинами.

Внезапный страх стиснул ее сердце: таким яростным, свирепым он стал недавно, когда решил подчиниться приказанию Императора.

– Как холодно в этом городе, – снова произнесла она.

– Что с него взять – грязный и пыльный гарнизонный городишко, – согласился герцог, – но мы все здесь переменим. – Он оглядел зал. – Это зал для официальных приемов. Я только что осмотрел семейные апартаменты в южном крыле. Там много лучше.

Шагнув к Джессике, Лето прикоснулся к ее руке, не скрывая восхищения точеной фигурой своей любимой. И вновь подумал о ее неведомых предках... Кто они? Какой-нибудь из ренегатствующих Домов-изгоев? Незаконная ветвь королевской крови? Величия в ней было куда больше, чем в собственных дочерях Императора.

Джессика чуть отвернулась под внезапно отяжелевшим взглядом, став к Лето боком. И герцог вдруг понял, что красота этого лица не сводилась к единственной черте. Овальное лицо под шапкой волос цвета полированной бронзы. Широко расставленные глаза – зеленые и чистые, как утреннее небо Каладана. Небольшой нос, широкий благородный рот. Стройная и худая, чуть ли не тощая.

Лето припомнил, что сестры Ордена звали ее худышкой. Это сообщили ему покупщики. Но любое описание было бы слишком упрощенным: Джессика вновь влила в кровь Атрейдесов величие королей. Он всегда радовался, замечая, что Пол похож на нее.

– А где наш сын? – спросил герцог.

– Где-то в доме, занимается с Юэ.

– Должно быть, в южном крыле, – сказал он, – мне послышался там голос Юэ, просто не было времени заглянуть. – С высоты своего роста посмотрев на нее, Лето с легкой неуверенностью в голосе произнес: – Я зашел сюда лишь затем, чтобы повесить ключ Каладанского замка в столовой.

Она задержала дыхание, подавила желание прикоснуться к нему. Повесить ключ – это жест, преисполненный символизма. Не время терять бдительность.

– Когда мы входили, я заметила наше знамя над домом.

Он глянул на портрет отца:

– Где ты собираешься его повесить?

– Где-нибудь здесь.

– Нет. – Тон был окончательный и решительный. Теперь ей оставалось хитрить, ведь открытый спор стал невозможен. Но надо было попробовать хотя бы для того, чтобы напомнить себе: нельзя использовать против Лето приемы Бинэ Гессерит.

– Господин мой, – сказала она. – Если бы вы только...

– Ответ мой – нет. Я позорно много использую тебя во всевозможных делах, но не в этом. Я только что пришел из столовой, где...

– Господин мой! Ну пожалуйста!

– Выбирать приходится между твоим пищеварением и достоинством нашего рода, моя дорогая, – ответил он. – Реликвии будут висеть в столовой.

Она вздохнула:

– Да, господин мой.

– Ты можешь по-прежнему обедать при возможности у себя. Я ожидаю тебя лишь в официальных случаях.

– Благодарю, господин мой!

– И не будь такой холодной и формальной. Ты должна быть благодарна мне за то, что я так и не женился на тебе. Иначе ты была бы обязана присутствовать за столом рядом со мной за каждой трапезой.

Она кивнула, стараясь сохранить на лице бесстрастное выражение.

– Хават уже установил над обеденным столом ядоискатель, – сказал он, – в твою комнату поставили переносный.

– Ты предвидел... наше несогласие, – сказала она.

– Дорогая, я хочу, чтобы и тебе было хорошо. Я нанял слуг, они местные, но Хават разобрался – все они из Вольного народа. Пригодятся, пока мы не сумеем освободить от прочих обязанностей наших людей.

– А за пределами дома можно ли чувствовать себя в безопасности?

– Да, если ненавидишь Харконненов. Быть может, ты захочешь оставить домоправительницей Шадут Мейпс.

– Шадут, – сказала Джессика, – это какой-то титул у Вольных?

– Мне говорили, что он значит «Глубоко черпающая», – здесь это звучит по-другому. Быть может, она не покажется тебе услужливой, но Хават о ней прекрасного мнения, как

и Айдахо. Оба убеждены, что она хочет служить нам, но в особенности – тебе.

– Мне?

– Фримены узнали, что ты из Бинэ Гессерит, – сказал он, – здесь о вас сложены легенды.

«Миссионария Протектива, – подумала Джессика. – Нет такой планеты, которая избежала бы ее влияния».

– Значит ли это, что Дункан добился успеха? – спросила она. – Они заключили союз с нами?

– Пока не могу сказать ничего определенного, – ответил он. – По мнению Дункана, фримены хотят какое-то время понаблюдать за нами. Пока они пообещали соблюдать перемирие и не делать набегов на дальние деревни все время перехода. Этот факт важнее, чем может показаться. Хават утверждает, что фримены были глубокой занозой в боку Харконненов, и степень причиняемого ими ущерба держалась в глубокой тайне. Барон не может допустить, чтобы Император узнал о слабости войск Харконненов.

– Домоправительница из фрименов, – удивилась Джессика, возвращаясь мыслями к Шадут Мейпс. – И у нее будут совсем синие глаза.

– Пусть внешний вид этих людей не обманет тебя, – сказал он, – в них скрыта сила и здоровая жизнестойкость. Я думаю, в этих людях заключено все, что нам нужно.

– Опасная игра, – возразила она.

– Давай не будем повторяться, – ответил герцог. Джессика

выдавила улыбку.

– Приходится, вне сомнения. – Она быстро проделала весь обряд успокоения нервной системы – два глубоких вдоха, потом ритуальные фразы – и наконец сказала: – Я собираюсь распределять комнаты, какие у тебя пожелания?

– Научи меня когда-нибудь этому, – сказал он, – умению забывать любые заботы, обращаясь к повседневным делам. Тоже, должно быть, фокус Бинэ Гессерит.

– Женский фокус, – сказала Джессика.

Он улыбнулся.

– Хорошо, давай о комнатах... Проверь, чтобы рядом с моими спальными помещениями оказался небольшой кабинет. Возни с бумагами здесь будет больше, чем на Каладане. И комната для охраны, конечно. Чтобы охранять кабинет. А о безопасности дома не беспокойся. Люди Хавата проверили все, от подвала до чердаков.

– Не сомневаюсь.

Он глянул на наручные часы.

– Проследи, чтобы все часы в доме были переведены на местное арракинское время. Я выделил техника для этого. Он скоро подойдет. – Герцог отвел прядь волос со лба. – А теперь я должен вернуться на посадочное поле. Второй челнок вот-вот приземлится.

– Разве Хават не сумеет их встретить, мой господин? Ты так устал.

– Наш добрый Сафир занят еще больше, чем я. Ты зна-

ешь, Харконнены буквально наспиговали всю планету прощальными подарками. К тому же я должен попытаться уговорить остаться хоть кого-нибудь из опытных охотников за специей. Ты ведь знаешь, у них есть право выбора при смене файфа... а этого планетолога, которого Император и Ландсраад назначили судьей перемены, не подкупишь. Он разрешает выбор. И более восьмисот пар опытных рабочих рук собираются отъехать с ближайшим челноком, а корабль Гильдии ждет.

– Господин мой... – Джессика в нерешительности умолкла.

– Да?

«Не следует отговаривать его от попыток обезопасить для нас эту планету, – подумала она. – И я не имею права использовать на нем приемы Ордена».

– В какое время ты собираешься обедать?

«Она вовсе не это собиралась сказать, – подумал он. – Ах, моя Джессика, если бы мы вдруг очутились вдвоем где-нибудь вдалеке от этого ужасного места... вдвоем, без тревог и забот!»

– Я пообедаю с офицерами на поле, – сказал он. – Жди меня очень поздно. И... ах да, я пришлю за Полом машину с охраной. Я хочу, чтобы он поприсутствовал на нашем совещании по стратегическим вопросам.

Герцог прочистил горло, словно собираясь еще что-то сказать, потом, не произнеся ни слова, повернулся и зашагал

к выходу, от которого опять доносился стук разгружаемых ящиков. Вновь прогудел его строгий и повелительный голос, таким тоном он всегда приказывал слугам:

– Леди Джессика одна в Большом зале. Немедленно присоединитесь к ней.

Хлопнула входная дверь.

Джессика обернулась, глянула на портрет отца Лето. Он принадлежал кисти знаменитого художника Албе, написавшего старого герцога еще молодым. Он был изображен в костюме матадора – через левую руку переброшен красный плащ с капюшоном. Лицо казалось молодым, едва ли старше лица нынешнего Лето, – те же ястребиные черты, тот же взгляд серых глаз. Стиснув кулаки, она негодуя смотрела на портрет.

– Проклятый! Проклятый! Проклятый! – прошептала она.

– Что угодно приказать, госпожа?

Прозвенел тонкий женский голос.

Джессика резко повернулась, перед ней стояла узловатая женщина в бесформенном, похожем на мешок, коричневом одеянии. Женщина эта была столь же морщиниста и суха, как и все в той толпе, что приветствовала их утром по дороге от посадочного поля. Все местные жители, которых Джессика видела на этой планете, казались иссушенными, как чернослив, и истощенными голодом. Но Лето говорил, что они сильны и жизнестойки. И, конечно, глаза... глубочай-

шая темная синева без белков... таинственные, прячущие все глаза. Джессика заставила себя не вглядываться в лицо.

Женщина отвесила короткий поклон и сказала:

– Меня зовут Шадут Мейпс, благородная. Каковы будут ваши приказы?

– Можешь обращаться ко мне «миледи», – ответила Джессика, – я не благородная по рождению. Я – обязанная, наложница герцога Лето.

Вновь то ли поклон, то ли кивок, и женщина лукавоглянула снизу вверх на Джессику:

– Значит, есть и жена?

– Нет, и не было никогда. Для герцога я единственная подруга и мать его наследника.

Говоря эти слова, Джессика внутренне усмехнулась над гордостью, крившейся за такими речами. «Что там говорил Блаженный Августин? – спросила она себя. – «Ум командует телом, и оно повинует. Ум приказывает себе – и сталкивается с неповиновением». Да... теперь я сталкиваюсь все с большим сопротивлением. Сама бы я спокойно отступила».

Странный крик донесся с дороги около дома. Слова повторялись: «Су-су-суук! Су-су-суук!» Потом: «Икхут-эй!» И снова: «Су-су-суук!»

– Что это? – спросила Джессика. – Я слышала этот крик несколько раз утром, когда мы ехали по улице.

– Просто продавец воды, миледи. Вам они ни к чему. Цистерна в доме вмещает пятьдесят тысяч литров воды, и ее

всегда держат полной. – Она опустила взгляд. – Знаете ли, миледи, в вашем доме можно не надевать конденскостюм и остаться в живых.

Джессика колебалась, не решаясь немедленно повыспросить все нужное у женщины из Вольного народа. Но необходимость приводить дом в порядок была важнее. И все же ей стало несколько не по себе от мысли, что основной мерой благосостояния здесь является вода.

– Муж мой сказал мне, что твой титул – Шадут, – заметила Джессика, – я узнала это слово. Оно очень древнее.

– Значит, вы знаете и древние языки? – спросила Мейпс, с непонятным вниманием дожидаясь ответа.

– Языки – первая ступень в знаниях Бинэ Гессерит, – сказала Джессика. – Мне известны и ботани-джиб, и чакобса, и все охотничьи языки.

Мейпс кивнула:

– Легенда говорит то же самое.

Джессика удивилась сама себе: «Зачем я говорю эту чепуху? Впрочем, Бинэ Гессерит следуют обстоятельствам, и пути наши извилисты».

– Я знаю и Темные Следы, и путь Великой Матери, – сказала Джессика. На лице Мейпс, в ее жестах она читала теперь явные знаки. – Мисенес преджъя, – сказала она на чакобском, – андрал т'ре перал! Трада сик бускакри мисекес перакери.

Мейпс отступила назад, словно собираясь бежать.

– Я знаю многое, – говорила Джессика, – я знаю, что ты рожала детей, что ты теряла любимых, что пряталась в страхе, что вершила насилие и что насилие это не последнее в твоей жизни. Я знаю многое.

Тихим голосом Мейпс сказала:

– Я не хотела обидеть вас, миледи.

– Если заводишь речь о легендах и ждешь ответа, – сказала Джессика, – бойся того, что можешь услышать. Я знаю, что ты явилась сюда, готовая к насилию с оружием на теле.

– Миледи, я...

– Возможно, хотя и едва ли, что ты сумеешь выпустить кровь из моего тела, – проговорила Джессика, – но если тебе это удастся, ты сама навлечешь на себя беды, куда более горькие, чем в любом страшном сне. Ты знаешь, есть вещи страшнее смерти... даже для целого народа.

– Миледи! – умоляющим тоном сказала Мейпс. Она была готова пасть на колени. – Это оружие послано вам в дар, если вы и в самом деле Она.

– Я могу доказать это, пусть и ценой моей жизни, – выговорила Джессика. Она ожидала, внешне расслабившись... это умение делало всех обученных бою сестер Бинэ Гессерит ужасными в поединке.

«А теперь посмотрим, как она поступит», – подумала Джессика.

Мейпс медленно запустила руку за воротник своего одеяния и извлекла темные ножны. Из них выдавалась темная ру-

кояоть с бороздами для пальцев. Она взяла ножны в одну руку, рукояоть в другую, обнажила молочно-белое лезвие, подняла острием вверх. Казалось, лезвие светилось, оно было обоюдоострым, сантиметров двадцать длиною.

– Вы знаете, что это, миледи? – спросила Мейпс.

Это мог быть, поняла Джессика, лишь знаменитый арракийский нож-крис. Ни одного из них никогда не вывозили с планеты, и известны они были только по слухам и туманным намекам.

– Это нож-крис, – сказала она.

– Есть другое слово, которое не называют, – сказала Мейпс. – Вы знаете его? Что оно означает?

И Джессика подумала: «Вопрос не случаен. Эта женщина из Вольного народа осталась, чтобы служить мне... Зачем? Если я отвечу не так, она нападет или же... что? Она хочет знать, известно ли мне это слово. Ее титул, Шадут – слово чакобсы. Нож на этом языке – делатель смерти. Она норовиста, уже теряет терпение. Пора отвечать. Медлить опасно, но опасно дать и неверный ответ».

Джессика сказала:

– Это делатель...

– Эйе-е-е-е-е! – простонала Мейпс. В голосе ее слышались горе и облегчение. Она задрожала всем телом, и нож в ее руке разбрасывал во все стороны отблески.

Джессика напряженно ждала. Она собиралась было сказать, что нож есть делатель смерти, и добавить древнее сло-

во, но все ее знания, весь опыт, позволявший понимать смысл как будто случайного сокращения любого мускула, протестовали против этого.

Ключевым было слово... делатель.

Делатель? *Делатель.*

Но Мейпс все еще держала нож словно бы наготове, и Джессика произнесла:

– Неужели ты думаешь, что я, искушенная в мистериях Великой Матери, не знаю о делателе?

Мейпс опустила нож:

– Миледи, пусть пророчество известно давно, но миг откровения потрясает.

Джессика подумала о пророчествах, о семенах Шари-а и Протект Профетикус, которые столетия назад посеяла здесь сестра из Миссионарии Протективы. Вне сомнения, ее давно уже не было в живых, но цель достигнута – защитные легенды владели душами этих людей, ожидая часа, когда понадобятся Бинэ Гессерит.

И вот этот час настал.

Мейпс вставила лезвие в ножны и сказала:

– Этот клинок нефиксированный, миледи. Держите его на теле. Если вы снимете его на неделю, нож начнет разлагаться. Он ваш, этот зуб Шай-Хулуда. Ваш до конца жизни.

– Ты вложила в ножны клинок, что не вкусил крови, Мейпс!

Судорожно охнув, Мейпс выронила ножны и крис в руку

Джессики и распахнула на груди коричневое одеяние.

– Бери воду моей жизни!.. – закричала она.

Джессика обнажила нож. О, как он блестел! Направив его острие на Мейпс, она увидела, что женщину охватила не паника, не смертельный ужас – нечто большее.

«Острие отравлено?» – подумала Джессика. Подняв кончик ножа, лезвием она осторожно провела над левой грудью Мейпс. Из царапины обильно выступила кровь, сразу же остановившаяся. «Сверхбыстрая коагуляция, – поняла Джессика, – мутация, способствующая сохранению влаги».

Она вложила крис в ножны и сказала:

– Застегнись, Мейпс.

Мейпс, дрожа, повиновалась. Синие глаза без белков смотрели на Джессику.

– Ты наша, – пробормотала она, – ты – та самая.

У входа вновь застучали, разбирая новую партию груза. Мейпс схватила вложенный в ножны клинок и спрятала его в складках одежды Джессики.

– Того, кто увидит этот нож, следует убить... или очистить, – оскалилась она. – И вы знаете это, миледи.

«Да, теперь знаю», – подумала Джессика. Грузчики вышли, не заходя в Большой зал. Мейпс взяла себя в руки и произнесла:

– Тот, кто видел крис, но не прошел очищение, не может оставить Арракис живым. Никогда не забывайте этого, миледи. Вам мы доверяем крис. – Она глубоко вздохнула. – И

пусть свершится должное. События нельзя торопить. – Она глянула на штабеля ящиков и другое добро вокруг них. – У вас хватит работы здесь, пока не настанет наше время.

Джессика заколебалась. «Пусть свершится должное» – это была особая фраза из набора заклинаний Миссионарии Протективы, означающая: «Преподобная Мать грядет, чтобы освободить вас».

«Но я же не Преподобная Мать, – подумала Джессика, и вдруг ее осенило: – Преподобная! Они использовали здесь эту легенду! Значит, Арракис – поистине ужасное место!»

Повседневным тоном Мейпс сказала:

– С чего мне следует начать, миледи?

Инстинкт велел Джессике поддержать этот тон. Она произнесла:

– Вот портрет старого герцога, его надо повесить на стену столовой. Голова быка должна быть закреплена напротив портрета.

Мейпс подошла к голове.

– Таковую голову носил на своих плечах громадный зверь, – сказала она и нагнулась. – Должно быть, сперва придется счистить вот это, не так ли, миледи?

– Нет.

– Но здесь же грязь на рогах.

– Это не грязь, Мейпс, а кровь отца нашего герцога. Эти рога обрызгали прозрачным фиксирующим составом через несколько часов после того, как этот зверь убил старого гер-

цого.

Мейпс выпрямилась:

– Вот как.

– Просто кровь, – сказала Джессика, – засохшая. Пусть кто-нибудь поможет тебе повесить вещи. Эти отвратительные штуки тяжелы.

– Вы думаете, меня беспокоила кровь? – спросила Мейпс. – Я из пустыни и видела достаточно крови.

– Я... заметила это, – согласилась Джессика.

– В том числе и собственной, – добавила Мейпс. – Куда больше, чем от вашего крошечного пореза.

– Было бы лучше, если бы я порезала глубже?

– Ах, нет! Воды тела и так слишком мало, чтобы попусту выпускать ее в воздух. Вы поступили правильно.

Джессика, следя за тоном и словами, подметила глубокий подтекст в выражении «вода тела». Вновь ее охватило уныние при мысли о важности воды на Арракисе.

– Как следует разместить эту прелесть на стенах зала, миледи? – спросила Мейпс.

«Практичная женщина», – подумала Джессика и сказала:

– На твое усмотрение. Большой разницы нет.

– Как вам угодно, миледи. – Мейпс нагнулась, начала снимать остатки упаковки и холста с головы.

– Ты убил старого герцога? Надо же! – нараспев сказала она.

– Прислать грузчика в помощь тебе? – спросила Джесси-

ка.

– Я управляюсь, миледи.

«Да, она управится, – подумала Джессика. – Что в ней заметно, в этой фрименке, так это привычка управляться самостоятельно».

Ощутив на груди холодок криса, Джессика подумала о долгой цепи планов Бинэ Гессерит, звено которой было здесь, перед ней. Эти планы позволили ей избежать смертельной опасности. «События нельзя торопить», – сказала Мейпс. Однако само течение их словно бы затягивало Атрейдесов на Арракис, и это рождало в душе Джессики дурные предчувствия. Все приготовления Миссионарии Протективы, все тщательные проверки этой, слагающейся в дом груды камней, не могли ослабить дурные предчувствия.

– А когда ты повесишь портрет и голову, начни распаковывать ящики, – сказала Джессика. – У входа дежурит человек, отвечающий за груз. У него все ключи, он знает, как разместить вещи. Забери у него ключи и список. Если будут вопросы, ищи меня в южном крыле.

– Как прикажете, миледи.

Джессика отвернулась с мыслью: «Пусть обход Хавата и показал, что резиденция безопасна, – сейчас это не так. Я чувствую это».

Желание немедленно увидеть сына охватило Джессику. Она направилась к сводчатому проходу в обеденный зал и семейные покои. Она шла все быстрее и быстрее, наконец

почти побежала.

Позади нее в зале Мейпс приподняла голову и поглядела в удаляющуюся спину.

– Конечно, та самая, – пробормотала она. – Бедняжка.

*– Юэ! Юэ! Юэ! – повторяем мы. – Тысячи смертей
мало для этого Юэ!*

Принцесса Ирулан. «История Муад'Дибя для детей»

Дверь была распахнута настежь, и Джессика влетела в комнату с желтыми стенами. С левой стороны оказался покрытый черной шкурой небольшой низенький диван, два пустых книжных шкафа. Справа, обрамляя другую дверь, помещались такие же книжные шкафы, стол с Каладана и три кресла. У окон спиной к ней стоял доктор Юэ, внимательно рассматривавший окрестности.

Джессика еще раз неслышно шагнула вперед.

Она заметила, что пиджак Юэ помят, у левого локтя белет пятно, словно он прислонился к мелу... Как будто на скелет из палочек натянули великоватое черное одеяние, так что со спины доктор казался карикатурной фигурной марионеткой в руках кукольника. Только голова с длинными эбеновыми волосами, перехваченными на плече кольцом

школы Сукк, казалась живой и слегка шевелилась вслед каким-то движениям за окном.

Не найдя сына, она снова оглядела комнату. Закрытая дверь справа, она знала, вела в спальню, которая понравилась Полу.

– Добрый вечер, доктор Юэ, – спросила она, – где Пол?

Он словно бы кивнул кому-то за окном и, не поворачивая головы, отсутствующим тоном проронил:

– Ваш сын устал, Джессика. Я послал его в эту комнату отдохнуть.

Тут он вздрогнул и резко обернулся, усы свисали по бокам пурпурных губ:

– Простите меня, миледи! Я оговорился... я... не хотел быть фамильярным...

Она улыбнулась, подала ему правую руку. На мгновение ей показалось, что он рухнет на колени.

– Пожалуйста, Веллингтон.

– Так назвать вас... я...

– Мы знакомы уже шесть лет, – сказала она. – Все эти формальности с глазу на глаз давно можно было отбросить.

Юэ выдавил легкую улыбку с мыслью: «Кажется, сработало. Теперь она все необычное, что сумеет еще заметить во мне, отнесет на счет смущения. Она не станет докапываться до более глубоких причин, если ответ уже известен».

– Боюсь, я замечтался, – сказал он. – Когда я... особо сочувствую вам, извините, в мыслях я называю вас... ну, Джес-

сика.

– Сочувствуешь мне? Почему?

Юэ пожал плечами. Он давно уже заметил, что у Джессики не было дара полного ясновидения, как у его Уанны. И все же, когда это было возможно, он оставался правдив с Джессикой. Так безопасней.

– Ну и дыра, ми... Джессика, – споткнувшись на имени, он продолжил: – Сушая пустыня в сравнении с Каладаном. А люди! Горожанки под покрывалами причитали на нашем пути. И как они глядели на нас!

Она охватила себя руками, ощущая кожей прикосновение ножа-криса с лезвием из зуба песчаного червя, – если в отчетах чего-то не напутали.

– Просто мы чужие для них, незнакомцы с неведомыми обычаями. Они знали лишь Харконненов. – Она глянула мимо него в окно. – Что это ты разглядываешь?

Он вновь обернулся к окну:

– Людей.

Джессика подошла к нему, глянула влево на фасад дома, куда было обращено внимание Юэ. Там в ряд росло двадцать пальм, в песчаной почве под ними не было ни травинки. Сплошной невысокий забор отделял их от дороги, по которой двигались люди в бурнусах. Джессика заметила, что воздух между ней и людьми слегка подрагивал, – значит, большой щит дома включен, – и вновь принялась изучать идущих, недоумевая, чем же они столь привлекали Юэ.

Вдруг она заметила общее во всех этих людях и скорбно приложила руку к щеке. Прохожие глядели на пальмы! Кто с завистью, кто с ненавистью... некоторые даже с надеждой. Но каждый оборачивался к деревьям.

– Знаете, о чем они думают? – спросил Юэ.

– Хочешь сказать, что читаешь мысли? – спросила она.

– Их мысли, – отвечал он. – Они глядят на эти деревья и думают: «Перед нами сотня людей». И ничего другого не приходит им в голову.

Она озадаченно нахмурилась:

– Почему же?

– Это финиковые пальмы. Одна такая пальма потребляет сорок литров воды в день. Человеку нужно здесь всего восемь литров. Двадцать этих пальм равны сотне людей.

– Но некоторые из прохожих глядят на эти пальмы с надеждой.

– Должно быть, надеются, что упадет пара фиников, но сейчас им не сезон.

– Мы слишком скептически смотрим на эту планету, – сказала Джессика, – я чувствую не только угрозу, но и надежду. Специя может озолотить нас. А с тугой мошной мы сделаем из этого мира все, что угодно.

Она мысленно расхохоталась: «Кого я пытаюсь убедить?» Хрупкий смешок вырвался, несмотря на ее самообладание.

– И все купим, кроме безопасности для себя, – сказала она.

Юэ отвернулся от нее, пряча лицо. «Если бы только можно было не любить их, ненавидеть этот Дом», – подумал он. Джессика многим напоминала его Уанну. Но эта мысль сковывала его, не давала уклониться от выбранного пути. Харконнены изобретательны в жестокости.

Уанна могла быть жива. Следовало убедиться в этом.

– Не беспокойся за нас, Веллингтон, – сказала Джессика. – Проблема эта наша, не твоя.

«Она считает, что я беспокоюсь о ней, – подумал он, подавляя усилием воли готовую выкатиться слезу. – Конечно же, беспокоюсь. Но когда все закончится, я должен предстать перед черным бароном и нанести ему удар в тот единственный момент, когда он не будет ничего ожидать, – в миг упоения победой!»

Он вздохнул.

– Я не разбужу Пола, если загляну к нему? – спросила она.

– Едва ли. Я дал ему успокоительное.

– Он хорошо воспринимает суету переезда?

– Разве что несколько переутомился. Он возбужден, но в пятнадцать лет кто не был бы возбужден на его месте? – Он подошел к двери, открыл ее. – Там.

Джессика следом за ним заглянула в затененную комнату.

Пол лежал на узкой кушетке, одна рука была под простыней, другая – закинута за голову. Полосатые жалюзи на окне рядом с кроватью бросали на лицо и одеяло сетку теней.

Джессика глядела на сына, очертания его лица так напо-

минали ее собственные! Но волосы были отцовские – угольно-черные и взъерошенные. Длинные ресницы прикрывали светло-желтые, песчаного цвета глаза. Джессика улыбнулась, страхи ее отступили. Она вдруг задумалась о сочетании их черт во внешности сына: овал лица и глаза ее, но острые черты отца уже проступают в лице сына – обещание грядущей мужественности.

Она подумала о бесконечной цепи случайных встреч, создавшей эти утонченные черты. Ей захотелось встать на колени перед кроватью сына... обнять его... Мешало присутствие Юэ. Она шагнула назад, тихо притворила дверь.

Юэ отошел к окну, не в силах больше выдерживать этого... Как Джессика глядела на сына... «И почему же Уанна так и не подарила мне ребенка? – спросил он себя. – Я – врач, и я знаю, что дело не в физическом недуге. Быть может, были на этот счет какие-то особые соображения у Дочерей Гессера? Или же она не имела на это права? У нее были иные обязанности? И все-таки почему же? Ведь она, вне сомнения, любила меня».

И впервые ему пришла в голову мысль, что и он сам, быть может, является всего лишь крохотной частицей колоссально сложного и запутанного замысла, непосильного для его ума.

Остановившись рядом с ним, Джессика сказала:

– С каким восхитительным самозабвением спят дети!

Он механически ответил:

– Если бы взрослые умели расслабляться, как дети...

– Да.

– И когда же мы теряем эту способность? – пробормотал он.

Джессика глянула на него, уловила странные интонации, но мыслями она была еще с Полом... теперь в его обучении возникнут новые трудности, вся жизнь его полностью переменялась... полностью – не такую жизнь они с герцогом когда-то замыслили для него.

– Да, мы действительно многое теряем, – ответила она.

Джессика поглядела направо, на горбатый холм, где под ветром трепетали запыленными листьями серо-зеленые кусты, постукивая сухими костяшками ветвей. Непривычно темное небо чернело над холмами, в закатных молочно-белых лучах арракийского солнца окрестности серебрились словно крис, спрятанный на ее теле.

– Здесь такое черное небо! – пожаловалась она.

– В том числе из-за недостатка влаги, – ответил он.

– Вода! – резко сказала она. – Здесь, куда ни повернись, везде не хватает воды.

– Вода – драгоценная тайна Арракиса, – ответил он.

– Почему ее здесь так мало? Здесь есть вулканические породы. Мне известно еще с полдюжины возможных источников влаги. Наконец, у планеты есть полярные шапки. Говорят, что в здешних пустынях бурение не удастся; бури и песчаные приливы разрушают оборудование быстрее, чем его

ставят, даже если прежде до него не доберутся черви. Но тайна, Веллингтон, настоящая тайна, заключается в тех скважинах, что бурят здесь в котловинах и впадинах. Ты читал о них?

– Сперва тонкая струйка – потом ничего, – сказал он.

– В этом-то ведь и кроется тайна, Веллингтон. Сперва есть вода, потом она высыхает, и все, больше воды нет. И если пробурить скважину тут же, рядом, результат будет тем же самым: струя высыхает. Интересно, кто-нибудь задумывался над этим?

– Любопытно, – сказал он. – Вы подозреваете какие-нибудь живые объекты? Разве это нельзя было определить по пробам из скважин?

– И что же мы должны там обнаружить? Животные ткани... или растительные, конечно, внеземного происхождения? Кто сумеет признать их? – Она вновь обернулась лицом к склону. – Вода сразу же перестает течь, словно нечто закупоривает скважину. Живое, мне кажется.

– Возможно, причина здесь известна, – возразил он. – Харконнены скрывают почти всю информацию об Арракисе. Быть может, у них соображения, по которым они прячут эти сведения.

– Какие же? – спросила она. – Потом есть ведь и атмосферная влага, ее немного, конечно, но она есть. И она здесь – основной источник воды, получаемой в ветровых ловушках и конденсаторах. Откуда берется эта влага?

– С полярных шапок?

– Холодный воздух несет мало влаги, Веллингтон. Харконнены напустили на Арракисе слишком много тумана, и не только на все, непосредственно связанное с производством специй.

– Действительно, мы словно блуждаем в этом тумане... Харконнены... Быть может, мы... – сказал он и осекся, почувствовав на себе ее внезапно ставший внимательным взгляд. – Что-то не так?

– Ты произносишь эту фамилию, – начала она, – с таким ядом, которого я никогда не слышала даже от герцога, когда ему случается произнести ненавистное имя. Я и не знала, что у тебя есть личные причины для ненависти к ним, Веллингтон.

«Великая Мать! – подумал он. – Я возбудил ее подозрения. Теперь следует употребить все штучки, которым учила меня когда-то Уанна. Но способ только один: говорить по возможности правду».

Он начал:

– Вы не знали, что моя жена, моя Уанна... – Юэ беспомощно пожал плечами, пытаясь справиться с судорогой, стиснувшей горло. – Они... – Слова не шли с уст. Он испугался, плотно зажмурил глаза, чувствуя старую муку в своей душе... и новую. Но тут к его руке легко прикоснулась ладонь.

– Прости, – сказала Джессика. – Я не хотела беречь ста-

рые раны. – И подумала: «Подлые твари! Его жена была из Бинэ Гессерит. Это словно отпечатано на нем. Несомненно, Харконнены убили ее. Еще одна жертва, добавившая друга Атрейдесам».

– Простите, – сказал он. – Я не в силах говорить об этом. – Он открыл глаза, отдаваясь стиснувшему сердце горю. Оно-то, по крайней мере, было истинным.

Джессика внимательно вглядывалась в него. Темные щечины – миндалины глаз, грубая фигура, вислые усы, обрамляющие пурпурные губы и узкий подбородок. Заметила она и морщины на щеках и на лбу, в которых равно проступали и печаль, и возраст. Глубокая симпатия к нему наполнила ее сердце.

– Веллингтон, – сказала она, – мне жаль, что мы привезли тебя в это опасное место.

– Я приехал сюда по своей воле, – ответил он. И это тоже было правдой.

– Но вся планета – харконненский капкан. Ты ведь и сам знаешь это.

– Чтобы одолеть герцога Лето, одного капкана мало, – произнес он. Что тоже было правдой.

– Быть может, я напрасно так боюсь за него, – сказала она, – он ведь блестящий тактик.

– Нас вырвали с корнем, – проговорил он, – потому-то нам и не по себе.

– Кроме того, выкопанное растение легче убить, – ответи-

ла она, – надо просто пересадить его во враждебную почву.

– А почва и в самом деле враждебная?

– Когда здесь узнали, сколько человек привез с собой герцог, начались водяные бунты, – сказала она. – Они прекратились, только когда мы дали понять, что ставим новые ветряные ловушки и конденсаторы, чтобы уменьшить нагрузку на старые.

– Воды здесь хватает, лишь чтобы поддержать жизнь человека, – сказал он. – Все понимают – воды немного, и, если придут пить новые люди, цены подскочат и бедняки умрут. Но герцог справился с ситуацией, и эти бунты не вызвали постоянной враждебности.

– А еще охрана, – сказала она. – Охрана повсюду. Со щитами. Куда ни глянь – их мерцание. На Каладане мы жили иначе.

– Придется привыкать, – сказал он.

Но Джессика твердым взглядом глядела в окно.

– Я предчувствую смерть, – сказала она. – Хават засылал сюда свой авангард, батальон за батальоном. Охрана снаружи – это его люди. Из сокровищницы без нужных обоснований изъяли крупные суммы. Объяснение может быть только одно: подкуп высокопоставленных лиц. – Она покачала головой. – По следам Сафира Хавата следуют смерть и обман.

– Вы несправедливы к нему.

– Несправедлива? Да я же хвалю его! Во лжи и смерти наша единственная надежда. Просто я не могу обманываться

относительно его методов.

– Вам надо бы... больше времени уделять делам, – сказал он. – Не позволяйте себе отвлекаться на подобные скверные...

– Дела! А что, если они-то и занимают большую часть моего времени, Веллингтон? Я секретарь герцога, и каждый день приносит мне новые причины для опасений... он даже и не подозревает, что я понимаю их. – Она стиснула зубы и выдавила: – Иногда я даже задумываюсь, что, когда он выбирал меня, нужнее всего ему была моя подготовка Дочери Гессера.

– Что вы имеете в виду? – Ее циничный тон, горечь в ее голосе, которой он раньше никогда не слышал, заинтересовали его.

– А ты не думаешь, Веллингтон, – спросила она, – что использовать секретаря, который тебя любит, намного практичнее?

– Ну, это недостойная мысль, Джессика.

Упрек этот без размышлений сорвался с его губ. Как именно герцог относился к своей наложнице, сомневаться не приходилось. Надо было только проследить, какими глазами он глядит на нее.

Она вздохнула:

– Ты прав, мысль действительно недостойная.

Джессика вновь обхватила себя руками; вложенный в ножны крис прижался к ее плоти, напомнив о еще не опре-

делившейся судьбе, которую он знаменовал собою.

– Скоро здесь будет большое кровопролитие, – сказала она. – Харконнены не успокоятся, пока или сами не сгинут, или не погибнет мой герцог. Барон не может простить моему Лето родовитости – королевской крови, сколько бы поколений ни отделяло герцога от предка в короне, ведь его-то собственный титул происходит из гроссбуха КАНИКТ. Но причина этой вражды глубже – ведь когда-то именно предок Атрейдесов добился осуждения Харконнена за трусость в битве при Коррине.

– Старая вражда... – прошептал Юэ. И на мгновение острая ненависть пронзила его. Зачем он впутался в паутину этой старой распри? Это она убила его Уанну... или, что еще хуже, обрекла ее на мучения в лапах Харконненов, и ему самому приходится теперь угождать барону. Старая вражда изломала не только его жизнь, она исковеркала жизни Атрейдесов, вечно травила их своим ядом. По иронии судьбы роковой финал этой вендетты должен разыгаться здесь, на Арракисе, единственной планете во всей Вселенной, где добывали меланж, дающий здоровье и жизнь.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Я думаю о том, что теперь один декаграмм специи стоит на свободном рынке шестьсот двадцать тысяч соляриев. Чего только не купишь на такие деньги!

– Неужели и тебя проняла жадность, Веллингтон?

– Это не жадность.

– Что же тогда?

Он пожал плечами:

– Тщета. – Он глянул на нее. – Вы помните вкус специй, когда попробовали ее впервые?

– Похож на корицу.

– И всегда разный, – сказал он. – Специя как жизнь – она обращается к нам новым лицом всякий раз, когда ее принимаешь. Некоторые предполагают, что она производит в организме рефлекторно-вкусовую реакцию. Тело само начинает понимать, что это вещество полезно, и воспринимает вкус как удовольствие... с легкой эйфорией. Как и саму жизнь, так и специю не удалось по-настоящему синтезировать.

– Я думаю, что уйти в изгнание подальше за пределы Империи было бы умнее, – произнесла она.

Юэ понял: она не слушает его, и удивился. Конечно, но почему же тогда она не уговорила герцога на это? Ведь она могла, в конце концов, заставить его сделать что угодно.

Он быстро заговорил. Это была правда, и к тому же слова его позволяли изменить тему разговора:

– Не будет ли с моей стороны слишком смелым, Джессика, если я задам один личный вопрос?

Внезапно смутившись, она прижалась к подоконнику:

– Конечно же, нет. Ты ведь мой друг.

– Почему вы не заставили герцога жениться на вас?

Вздернув голову, она обернулась, сверкнув глазами.

– Заставить его жениться на себе? Но...

– Мне не следовало спрашивать... – замялся он.

– Нет. – Она пожала плечами. – Для этого есть политические причины. Пока мой герцог не женат, любой из Великих Домов может надеяться на альянс. И... – она вздохнула, – убеждать людей, заставляя что-то делать против их воли... потом невольно глядишь на людские поступки с каким-то цинизмом. Он разрушает все, к чему бы ни прикоснулся. Я могла бы заставить его сделать это... но это был бы тогда не его поступок.

– Так, наверное, ответила бы и моя Уанна, – пробормотал он. И в этом тоже была правда. Невольно он прижал ладонь ко рту, чтобы не проговориться. Никогда не был он еще так близок к признанию в своей тайной роли.

Но Джессика заговорила, и момент неуверенности минул:

– К тому же, Веллингтон, в герцоге на самом деле уживаются двое мужчин. Одного я очень люблю... он обаятелен, остроумен, решителен... нежен – такого пожелает любая женщина. Другой же холоден, жесток, придирчив, эгоистичен... подчас леденит, как зимняя выюга. Все это воспитал в нем отец. – Лицо ее исказилось. – Если бы только этот старик умер сразу после рождения моего герцога!

В наступившем молчании было слышно, как дуновение вентилятора шевелило жалюзи. Наконец она глубоко вздохнула и сказала:

– Лето прав, эти комнаты много уютнее, чем в других уголках дома. – Джессика обернулась, обвела комнату взо-

ром. — Если ты извинишь меня, Веллингтон, я хочу посмотреть еще разок на это крыло прежде, чем распределять комнаты.

Он кивнул:

— Конечно, — а потом подумал: «Если бы только у меня была возможность не делать того, что придется!»

Джессика уронила руки, пересекла зал, постояла мгновение в нерешительности, а затем вышла. «Все это время он что-то таил, умалчивал о чем-то, — подумала она. — Вне сомнения, щадил свои чувства. Он хороший человек. — Она снова заколебалась и едва не вернулась к Юэ, чтобы выпытать у него этот секрет. — Но тогда ему станет стыдно... он испугается, когда поймет, что настолько открыт. К собственным друзьям следует относиться с большим доверием».

Многие отметили скорость, с которой Муад'Диб приспособился к нуждам Арракиса. Конечно, Бинэ Гессерит знают причину такой быстроты. А для остальных достаточно знать, что Муад'Диб учился быстро потому, что его с самого детства научили учиться. Первый урок в том-то и состоял, что он может выучиться. Просто удивительно, сколько людей не верят в то, что смогут учиться, но еще

большие считают, что учиться трудно. Муад'Диб знал, что в каждом жизненном опыте кроется свой урок.
Принцесса Ирулан. «Муад'Диб – человек»

Пол прикидывался спящим. Оставить снотворную таблетку доктора Юэ в ладони и изобразить, что проглотил ее, было несложно. Пол подавил смешок. Даже мать поверила, что он спит. Тогда ему захотелось было вскочить и попросить у нее разрешения осмотреть дом, но он понимал, что она станет возражать. Вокруг еще был хаос. Нет. Такой способ лучше.

«Если я выскользну, не спросив разрешения, то не нарушу запрета. И буду оставаться в доме, в безопасности».

Он слышал, как мать и Юэ переговаривались в соседней комнате. Слов он различить не мог... впрочем, речь шла о специ, Харконненах. Голоса то слышались, то затихали.

Внимание Пола привлекла к себе резная панель в изголовье кровати. Под декоративным панно скрывались устройства управления функциями комнаты. На деревянной панели рыба выпрыгивала из коричневых волн: если нажать на глаз рыбы, в комнате включится верхний свет; поворотом одной из волн приводился в движение вентилятор; другая волна меняла температуру. Пол спокойно сел в кровати. Слева у стены высился книжный шкаф. Его можно было сдвинуть вбок, при этом открывалось потайное помещение с полками по одну сторону. Ручка ведущей в зал двери повторяла очертания рукоятки управления орнитоптером.

Комната явно была оборудована так, чтобы заинтересо-

вать его.

И комната, и планета.

Он подумал о том книгофильме, что показал ему Юэ: «Арракис. Пустынная ботаническая испытательная станция Его Императорского Величества». Старый книгофильм, созданный еще до открытия специи. Названия в голове Пола сменяли друг друга, каждому соответствовала картинка, впечатанная мнемоническим пульсом книги: сагуаро, кустарниковая амброзия, финиковая пальма, песчаная вербена, ослинник двулетний, стволистый кактус, ладанник, дымное дерево, креозотовый куст, карликовая лиса, пустынный ястреб, кенгуровая мышь...

Растения и звери из прошлого, когда люди жили на Земле, – многих уже и не найдешь нигде во Вселенной, кроме Арракиса.

И так много еще нужно узнать о специи!

И о песчаных червях.

Дверь соседней комнаты закрылась. Шаги матери удалялись. Доктор Юэ, он знал, вне сомнения найдет какую-нибудь книгу и останется в комнате.

Теперь наступало время отправляться на разведку.

Пол выскользнул из кровати, направился к книжному шкафу, за которым скрывалось помещение. Позади заскрипело, Пол обернулся. Резная панель вдруг откинулась на кровать, где он только что спал. Пол замер, и неподвижность спасла его жизнь.

Из-за панели выскользнул крохотный охотник-искатель длиной сантиметров пять. Пол сразу же узнал его – обычное орудие убийства, с такими отпрыски королевской крови знакомятся в раннем детстве. Верткую полоску металла направляли обычно рука и глаз оператора откуда-нибудь неподалеку. Она впивалась в движущуюся плоть и вдоль нервов прогрызала свой путь к ближайшему жизненно важному органу.

Искатель поднялся вверх, метнулся несколько раз поперек комнаты.

В мозгу Пола вспыхнула информация об этом оружии: его недостаток – узкое поле гравипоплавка и недостаточный угол зрения. В сумрачной комнате, где ничто не могло выдать цель, оператор будет рассчитывать лишь на движение... на легкое шевеление. Его щит на кровати. Из бластера такую штуку сбить просто. Но бластеры дороги, их обслуживание умопомрачительно сложно, и к тому же каждый, кто применяет их, должен считаться с опасностью взрыва, если лазерный луч попадет на включенный щит. Атрейдесы полагались не только на собственные щиты, но и на разум.

И потому Пол застыл в неподвижности статуи, понимая, что избежать смерти можно лишь воспользовавшись разумом.

Охотник-искатель поднялся еще на полметра, заметался по комнате, поблескивая в полосках света из прорезей жалюзи.

«Надо попытаться схватить его, – подумал Пол. – Поддер-

живающее поле делает эту штуку скользкой к хвосту. Надо держать покрепче».

Полоска опустилась на полметра, свернула налево, обогнула кровать. Было слышно ее слабое жужжание.

«Кто же управляет ею? – подумал Пол. – Оператор неподалеку. Я мог бы позвать Юэ, но эта штука поразит его прямо на пороге».

Дверь в зал позади Пола скрипнула. Кто-то постучал. Дверь отворилась.

Охотник-искатель стрелой метнулся мимо его головы на движение.

Резко выбросив правую руку, Пол ухватил смертоносную полосу. Она жужжала и извивалась в его руке, но отчаяние придало ему сил, не разжимая руки, он с размаху ударил носом искателя по металлической пластине на двери. Носовой глазок хрустнул, и полоска обмякла в его руке.

Но на всякий случай он не выпускал ее.

Подняв голову, Пол увидел обращенную к нему синеву глаз Шадут Мейпс.

– Твой отец зовет тебя, – сказала она, – в зале ждут люди, которые тебя проводят.

Пол кивнул, зрением и прочими чувствами словно прощупывая эту странную женщину в попоном на мешок одеяний коричневого цвета.

– Я слыхала о таких, – сказала она. – Эта штука убила бы меня, не так ли?

Он сглотнул, прежде чем сумел ответить:

– Она... искала меня.

– Но летела-то она ко мне?

– Потому что ты шевельнулась, – ответил Пол и подумал:

«Кто она?»

– Значит, ты спас мою жизнь? – произнесла женщина.

– Я спас обе наши жизни.

– Но ты мог бы позволить ей нанести мне удар и спастись? – задумчиво сказала она.

– Кто ты? – спросил он.

– Шадут Мейпс, домоправительница.

– Откуда ты узнала, где найти меня?

– Мне сказала твоя мать. Я встретила ее на лестнице, ведущей из зала в странную комнату, – она показала направо. – Люди твоего отца ждут.

«Люди Хавата, – подумал он. – Надо искать оператора».

– Иди к людям моего отца, – приказал он, – и скажи им, что я только что поймал у себя охотника-искателя... надо обыскать дом и найти оператора. Прикажи им немедленно оцепить дом и окрестности. Они знают, как поступать. Может быть, оператор окажется из наших людей.

И невольно подумал: «А не она ли это?» Но тут же сообразил, что это не так. Искателем управляли, когда она входила.

– Прежде чем я выполню твою просьбу, маленький мужчина, – сказала Мейпс, – придется прояснить наши отношения. Я задолжала тебе воду, а я не люблю оставаться в дол-

гу. Мы, Вольный народ, платим свои долги вовремя, черные они или белые. Нам известно, что среди вас есть предатель. Кто он, мы не знаем, но уверены в его существовании. Может быть, его-то рука и направила этот разрезатель плоти.

Пол молча впитал это слово: *предатель*. И прежде чем он успел ответить, странная женщина повернулась и заспешила к выходу.

Он уже хотел окликнуть ее, но что-то в ней говорило, что этого не следует делать. Она и так сказала все, что знала, а теперь выполняет его же распоряжение. Через минуту дом будет кишеть людьми Хавата.

Он стал обдумывать другие подробности непонятного короткого разговора: странная комната. Он поглядел налево, куда она указала. «Мы, Вольный народ». Значит, она из них, фрименов. Он принялся мнемонически впечатывать ее обличье в свою память: темное, морщинистое, как вяленый чернослив, лицо, полностью синие глаза без белков. Снизу подставил табличку – «Шадут Мейпс».

Не выпуская разбитый искатель, Пол вернулся назад в комнату, левой рукой подобрал с кровати пояс щита и застегнул его, выбегая из комнаты. В зале он повернул налево.

Она говорила, что мать его где-то там, внизу... У лестницы в странную комнату.

Что поддерживало леди Джессику во время испытаний? Поразмыслите над одной притчей Бинэ Гессерит, и вы, быть может, поймете: «Любая дорога, если дойти до ее конца, ведет прямо в никуда. Если держите путь на гору, поднимитесь чуть-чуть по склону, чтобы убедиться, что это действительно гора. С вершины вы этого не увидите».

Принцесса Ирулан. «Семья Муад'Диб»

В торце южного крыла Джессика наткнулась на спиральную лестницу, ведущую вверх к овальной двери. Она глянула назад в зал, потом перевела взгляд обратно на дверь.

«Овал? – удивилась она. – Что за странная форма для двери в доме!»

Сквозь окна под спиральной лестницей было видно, что громадное белое солнце Арракиса клонилось к закату. Зал пронзали длинные тени. Она вновь поглядела на лестницу. В жестком боковом свете стали заметны комочки сухой земли на металле ступеней.

Взявшись за поручень, Джессика начала подниматься. Металл охлаждал ладонь. Она остановилась у двери, заметила, что на ней нет рукоятки, а там, где ей следовало быть, в гладкой поверхности двери находилась неглубокая вмятина.

«Может быть, дакти-локер», – подумала она. Ключом к

такому замку служит ладонь хозяина со всеми ее бугорками и линиями на коже. На дакти-локер действительно было похоже, а способам открывать подобные замки ее учили еще в школе.

Джессика оглянулась, проверяя, не видит ли ее кто-нибудь, приложила ладонь к углублению, вновь обернулась, слышав шаги Мейпс у подножия лестницы.

– В Большой зал пришли люди, они говорят, что их послал герцог за юным господином, – сказала Мейпс. – Они предъявили герцогскую печать, стража признала их. – И глянула на дверь, потом снова на Джессику.

«А она осторожна, эта Мейпс, – подумала Джессика. – Неплохо».

– Он в пятой по коридору комнате отсюда, в малой спальне, – сказала Джессика. – Если не сможешь разбудить его, позови доктора Юэ. Он в соседней комнате. Быть может, потребуется инъекция, чтобы он полностью проснулся.

И снова Мейпс бросила пронизывающий взгляд на овальную дверь, и Джессике почудилось осуждение в ее зоре. Но прежде чем Джессика успела спросить о двери и о том, что она скрывает, Мейпс повернулась и торопливо зашагала по залу.

«Хават проверял это место, – подумала Джессика. – Здесь не может быть никакой опасности».

Она толкнула дверь, та распахнулась в небольшую комнату, напротив располагалась другая дверь. На ней была руко-

ять в виде штурвала.

«Воздушный шлюз!» – подумала Джессика. Она глянула вниз, заметила, что дверной клин упал на пол небольшой комнаты. На нем была личная отметка Хавата. «Дверь оставили открытой и подперли клином, – подумала она. – Должно быть, кто-то случайно выбил его потом, не подумав, что внешняя дверь закроется на дакти-локер».

Она переступила через высокий порог в небольшую комнату.

«Зачем в доме воздушный шлюз?» – спросила она себя и решила, что за дверью окажется что-нибудь экзотическое, нуждающееся в особом климате.

В особом климате!

На Арракисе это имело смысл, ведь здесь приходилось поливать даже растения, вывезенные из самых сухих мест всех известных людям планет.

Дверь сзади шевельнулась, едва не захлопнулась. Джессика поймала ее и надежно подперла оставленной Хаватом палочкой. И вновь она внимательно глянула на штурвал перед собою, заметила теперь на металле над рукояткой полустертую гравированную надпись. Узнав слова галака, она прочитала:

«О человек! Перед тобой дивная кроха

Божьего творения...

замри перед ней и безмолвствуй... учись любить

во Всевышнем друга».

Всем своим весом Джессика навалилась на колесо. Оно повернулось влево, и внутренняя дверь распахнулась. Легкий сквознячок перышком тронул ее щеки, шевельнул волосы. Она почувствовала, что повеяло влагой, пахнуло цветами, запахи стали богаче. Распахнув дверь настежь, она уставилась на обильные заросли, позолоченные желтым солнечным светом.

«Почему здесь желтое солнце? – подумала она. – Ах да, фильтрстекло...» Джессика перешагнула порог, и дверь захлопнулась.

– Оранжерея, – вздохнула она. Вокруг в горшках стояли растения и невысокие деревья. Джессика узнала мимозу, цветущую айву, сондаги, пленисценту с зелеными лепестками, акарсо с белыми и зелеными полосами... розы...

Даже розы.

Она нагнулась, чтобы вдохнуть аромат громадного розового бутона, и, распрямившись, оглядела комнату.

Неподалеку что-то булькало. Она раздвинула нависающий полог листьев, заглянула в середину комнаты. Там оказался небольшой фонтан, в металлической чаше ритмично плескалась вода.

Джессика мгновенно собралась и принялась методично осматривать комнату. Она оказалась квадратной, со стороной метров в десять. По ее положению и по мелким деталям конструкции стен она догадалась, что оранжерею пристрои-

ли к уже завершённому дому.

Она остановилась с южной стороны комнаты перед панорамным окном из фильтрстекла и оглянулась. Вся комната была заставлена экзотическими растениями влажных планет. В зелени что-то зашуршало. Она насторожилась, а потом заметила узкое тельце полированного сервока, часовой механизм и рукав. Трубка поднялась и брызнула мелкой водяной пылью, увлажнившей ее щеки. А когда поливка закончилась, она поглядела, что же там поливали, оказалось – терновник.

В этой комнате влага ощущалась повсюду, и это на планете, где вода была драгоценным соком жизни! Здесь же ее расходовали столь расточительно, что Джессика даже возмущалась, не подобрав имени подобному безобразию.

За фильтрстеклом желтело спустившееся солнце. Оно уже почти касалось зубастого горизонта – громадного хребта, именовавшегося здесь Барьером.

«Фильтрстекло, – подумала она, – превращает ослепительно-белое солнце в куда более знакомое и ручное. Кто же соорудил подобную комнату? Лето? На него это похоже, – он любит удивить меня царским жестом, но едва ли у него хватило времени еще и на это. Он был слишком занят и куда более серьезными делами».

Она припомнила место в отчете... Там говорилось, что во многих домах Арракина на дверях и окнах установлены герметичные уплотнения, позволяющие сохранить влагу, не

выпускать ее из дома. Лето говорил ей, что в этом доме намеренно пренебрегают такими предосторожностями – это признак благосостояния и могущества: двери и окна его закрываются лишь от вездесущей пыли.

Но сам факт существования этой комнаты значил куда больше, чем отсутствие гермоуплотнений на дверях. Она прикинула: такая роскошь здесь, на Арракисе, обходилась в тысячу жизней по понятиям этой планеты... а может, и больше.

Не отводя глаз от середины комнаты, Джессика двинулась вдоль окна. У фонтана блеснула металлическая поверхность, что-то вроде стола, на ней блокнот и стиль, частично прикрытые веером листа. Она подошла к столу, увидела на нем листки, оставленные людьми Хавата, и вгляделась в написанное на верхнем листе:

«Леди Джессике.

Да принесет это место вам столько же радости, сколько и мне. Пусть эта комната напомнит вам урок, полученный нами от общих учителей: «Близость желаемого ведет к пресыщению». На этой тропе и ожидает опасность.

С наилучшими пожеланиями,

Марго, леди Фенринг».

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето называл бывшего представителя Императора здесь графом Фенрингом. Теперь следовало обдумать скрытый смысл всех намеков. Ясно,

что писавшая была из Бинэ Гессерит. Мимоходом грустная мысль кольнула Джессику: граф-то женился на своей леди.

Не оставляя более времени на жалость к себе, Джессика нагнулась к столу в поисках тайного послания. Его следовало найти. В записке была кодовая фраза, которой всякая из Дочерей Гессера, если на то не было запрещения школы, обязана была предупредить сестру об угрозе. «На этой тропе и ожидается опасность».

Джессика провела пальцами по тыльной стороне записки, искала на ее поверхности точки кода, ощупала блокнот с торцов. Она положила его на стол, почувствовав необходимость поторопиться.

Но Хават уже побывал здесь и, вне сомнения, сдвинул блокнот. Она глянула на лист растения, нависший над блокнотом. Это же лист! Она провела пальцем по нему снизу вдоль края стебля. Здесь! Пальцы ее нащупали мелкие точки. Она сразу начала читать:

«Твой сын и герцог в серьезной опасности. Спальня меблирована так, чтобы привлечь внимание твоего мальчика. Х. начинил ее смертоносными ловушками, которые можно найти, а одну из них замаскировал так, что ее почти наверняка не заметят».

Джессика подавила желание немедленно ринуться к Полу. Пальцы ее нащупывали новые точки.

«Природа опасности мне неизвестна, знаю лишь, что она как-то связана с кроватью. Против герцога намечено исполь-

зовать измену доверенного компаньона или лейтенанта. Х. планирует отдать тебя в качестве подарка одному из подчиненных. Насколько я знаю, оранжерея безопасна. Прости, что сказать больше нечего. Мои источники информации ограничены; граф не брал от барона денег. В спешке, МФ».

Джессика отбросила лист, метнулась назад. В этот момент дверь шлюзовой камеры распахнулась. Зажав что-то в руке, в нее влетел Пол и захлопнул за собой дверь. Он увидел мать и, раздвигая листья, направился к ней. Заметив фонтан, не разжимая кулака, он сунул руку под падающую струю воды.

– Пол! – она схватила его за плечо, глядя на руку. – Что это?

Он ответил с чуть деланным спокойствием:

– Искатель-охотник. Поймал его в своей комнате и раздал нос, но я хочу все-таки удостовериться. Вода замкнет все контуры.

– Окуни поглубже! – приказала она. Он повиновался.

Она продолжила:

– А теперь разожми пальцы. Пусть эта штука останется в воде.

Он вынул руку, отряхнул с нее капли, поглядел на неподвижную полоску металла, застывшую на дне чаши фонтана. Отломав черенок листа, Джессика тронула им смертельно опасную полоску.

Она осталась недвижимой.

Джессика уронила черенок в воду. Поглядела на Пола.

Глаза его внимательно изучали комнату, углубленность и сосредоточенность свидетельствовали: он усвоил путь БГ.

– Тот, кто хочет, может спрятать здесь все, что угодно, – сказал он.

– У меня есть основания считать эту комнату безопасной, – ответила она.

– Мою комнату тоже считали безопасной, Хават сказал...

– Это же искатель-охотник, – напомнила она ему. – Значит, в доме скрывается управляющий им оператор. Радиус управляющего луча искателя невелик. Он мог проникнуть сюда и после проверки.

Она сразу же подумала о письме на листе: «...предатель – доверенный компаньон или лейтенант». Но Хават не может быть изменником. Это невероятно.

– Люди Хавата сейчас обыскивают дом, – сказал он, – а этот искатель чуть не сразил старуху, пришедшую меня будить.

– Шадут Мейпс, – произнесла Джессика, припомнив встречу на лестнице. – Отец вызывал тебя...

– Теперь это может подождать, – сказал Пол, – почему ты считаешь эту комнату безопасной?

Она показала на записку и объяснила.

Он слегка расслабился.

Но внутри Джессика вся словно сжалась в комок, внутренний голос твердил: «Искатель-охотник! Милостивая Мать!» Лишь предельным усилием всей тренированной воли она

удержала тело от подступившей истерической дрожи.

Пол проговорил деловым тоном:

– Конечно, дело рук Харконненов. Диверсантов придется уничтожить.

В дверь воздушного шлюза постучали условным стуком подразделений Хавата.

– Войдите, – разрешил Пол.

Дверь распахнулась, и высокий мужчина в форме Атрей-десов со знаком Хавата на фуражке пригнулся и переступил через порог.

– Вы здесь, сэр, – произнес он, – домоправительница сказала, что вы должны быть тут. – Он оглядел комнату. – В подвале мы обнаружили груды камней, в ней был упрятан человек с пультом управления искателем.

– Я хотела бы принять участие в допросе, – проговорила Джессика.

– Извините, миледи. Пришлось помять его при поимке. Он умер.

– Определили, кто он?

– Явных улики, миледи, мы пока не обнаружили.

– А он не из местных жителей, не из Арракина? – произнес Пол.

Джессика кивнула, об этом следовало спросить.

– Похож на туземца, – ответил мужчина, – камнями его заложили, видимо, больше месяца назад и оставили дожидаться нашего прибытия. Когда мы обследовали это место

вчера, камни и цемент были невредимы, клянусь своей репутацией.

– Никто не сомневается в вашей компетентности, – сказала Джессика.

– Теперь в ней сомневаюсь я сам, миледи. Нам следовало бы прошупать все внизу акустическими зондами.

– Думаю, что этим-то сейчас и занимаются ваши люди, – сказал Пол.

– Да, сэр.

– Передайте отцу, что мы опоздаем.

– Немедленно, сэр. – Он глянул на Джессику. – Хават приказывал в подобных обстоятельствах отправлять юного господина с охраной в безопасное место. – Глаза его вновь бежали комнату. – Здесь безопасно?

– У меня есть причины не сомневаться в этом, – ответила она. – Эту комнату проверял Хават, а потом я сама.

– Тогда, миледи, я поставлю стражу снаружи, пока мы не осмотрим весь дом заново. – Он поклонился, глядя на Пола, прикоснулся к фуражке, попятился и притворил за собой дверь.

Пол прервал наступившее молчание:

– Не лучше ли нам самим чуть позже обойти весь дом? Наши глаза не упустят тех знаков, которые не заметят они.

– Я не успела осмотреть лишь это крыло, – ответила она, – отложила это напоследок, потому что...

– Потому, что Хават лично обследовал его... – перебил

он.

Она вопросительно глянула на него.

– Ты сомневаешься в Хавате? – спросила она.

– Нет, просто он стареет... и слишком много работает. Нам следовало бы освободить его от некоторых обязанностей.

– Позор только подстегнет его, – сказала она, – теперь в это крыло не забежать и заплутавшему насекомому. Хавату будет стыдно, что...

– Надо принять собственные меры, – ответил Пол.

– Хават с честью служил трем поколениям Атрейдесов, – возразила она. – Он заслуживает всяческого уважения и доверия... во много раз большего, чем мы способны ему оказать...

Пол произнес:

– Ты не замечала, когда отцу не по нраву какой-нибудь твой поступок, он произносит два слова – Бинэ Гессерит – так, словно это ругательство?

– И что же во мне раздражает твоего отца?

– Это бывает, когда ты с ним споришь.

– Но ты же не отец, Пол!

«Она станет волноваться, – подумал Пол, – но я обязан передать ей слова Мейпс о предателе в наших рядах».

– Ты о чем-то умалчиваешь, – сказала Джессика. – Пол, на тебя это не похоже.

Он пожал плечами и пересказал весь разговор с Мейпс.

А Джессика думала о тайном послании, выколоте точками на листе. Внезапно решившись, она показала лист и рассказала все Полу.

– Следует немедленно объявить все отцу, – проговорил он. – Я передам ему кодированное сообщение.

– Нет, – ответила она, – подожди, пока ты не останешься с ним наедине. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше.

– Значит, по-твоему, доверять нельзя никому?

– Есть ведь и такая возможность, – произнесла она. – Письмо специально подготовили, чтобы оно попало к нам на глаза. Та, что передала его, могла искренне верить в свои слова, но может быть, вся цель и заключается именно в том, чтобы отвлечь нас подозрением.

Лицо Пола оставалось невозмутимым.

– Чтобы посеять взаимные подозрения и недоверие в наших рядах и этим ослабить нас, – произнес он.

– Ты должен рассказать все отцу с глазу на глаз и напомнить ему и об этой стороне дела, – сказала она.

– Понимаю.

Она повернулась к высокому обзорному окну из фильтр-стекла и поглядела на юго-восток: там в утесы опускался позолоченный шар – солнце Арракиса.

Пол обернулся следом за нею:

– Я все же не думаю, что это Хават, скорее всего, предатель – Юэ.

– Он не лейтенант, не компаньон, – ответила она. – И я могу заверить тебя, что Харконненов он ненавидит лютой ненавистью.

Пол перевел глаза на скалы и подумал: «Это и не Гарни... и не Дункан. Кто-нибудь из сублейтенантов? Невозможно. Все они происходят из семей, бывших верными нам многие поколения... и у всех на то были причины».

Джессика потерла лоб, почувствовав усталость. Кругом одни опасности! Она перевела изучающий взгляд на золотистый от фильтрстекла ландшафт. За землями герцогского дворца простирался склад специй, окруженный высоким забором, – ряды подземных колодцев-резервуаров, а вокруг них – сторожевые башенки-треноги, напоминавшие озадаченных пауков.

К скалам Барьера уходило по крайней мере двадцать подземных хранилищ, и все они ничем не отличались друг от друга.

Солнце за фильтрстеклом медленно опустилось за линию горизонта. Блеснули первые звезды. Одна яркая звезда висела совсем низко и все моргала четко и точно: блинк-блинк-блинк-блинк-блинк.

Пол шевельнулся в полумраке.

Но Джессика не отрывала глаз от этой одиночной яркой звезды, вдруг осознав, что та висит слишком низко, ниже вершин утесов.

– Кто-то сигналиит!

Она попыталась прочесть сообщение, но код был ей неизвестен.

На равнине ниже утесов загорелись и прочие огоньки – желтые точки в синей мгле. И только один огонь слева становился вся ярче и вдруг начал мигать, отвечая сигналу с утесов... очень быстрые вспышки следовали друг за другом.

Внезапно он погас.

Искусственная звезда на утесе тоже сразу же погасла.

Сигналят... ох, не случайны эти предчувствия...

«Зачем кому-то светом переговариваться через котловину? – спросила она себя. – Разве нельзя связаться через коммуникационную сеть?»

Ответ был очевиден: любые переговоры через сеть будут подслушаны агентами герцога Лето. И световые сигналы означали одно: переговаривались враги, агенты Харконенов.

А потом в дверь за спиной постучали, и голос того же офицера Хавата произнес: «Все спокойно, сэр... миледи. Юному господину пора к отцу».

Говорят, что герцог Лето сам слепо шагнул навстречу опасности Арракиса и сам, забыв об

осторожности, ступил в ловушку. А не правильнее ли будет предположить, что он настолько долго жил среди окружавших его грозных опасностей, что не заметил стремительный рост их числа? Можно предположить и то, что он сознательно пожертвовал собой ради будущего счастья сына. Достоверно нам известно лишь то, что герцог не был простаком.

Принцесса Ирулан. «Семья Муад'Диб»

Герцог Лето Атрейдес оперся на парапет навигационной башни посадочного поля вблизи Арракиса. Первая луна овальной серебряной монеткой уже повисла невысоко над южным горизонтом. Сухая глазурь иззубренных утесов Барьера поблескивала под нею в пыльной дымке. Налево, в тумане, светились огни Арракина – желтые... белые... голубые.

Лето подумал о своих объявлениях, развешанных во всех людных местах этой планеты, – каждое с его подписью: «Наш высочайший Падишах-Император повелел мне принять правление этой планетой и прекратить все раздоры».

От ритуальности самой процедуры ему стало особенно одиноко. Кого могут обмануть пустые формальности? Конечно, уж не Вольный народ. И не Малые Дома, контролирующие внутренний рынок Арракиса... все они почти до единого – люди, преданные Харконненам.

Они попытались взять жизнь моего сына!

С яростью было трудно совладать.

Он видел огоньки: какой-то наземный транспортер катил

к посадочному полю из Арракина. Он надеялся, что это – бронемашина с охраной и что на ней привезли Пола. Задержка раздражала, пусть даже она, как сообщил лейтенант Хавата, вызвана осторожностью.

Они попытались взять жизнь моего сына!

Герцог потряс головой, чтобы отогнать гнев, и глянул обратно на поле, по периметру которого монолитными башнями высились пять его собственных фрегатов.

Лучше промедлить из осторожности, чем...

«Этот лейтенант хорошо справляется с делами, – напомнил он себе. – Намечен к повышению, полностью предан».

Наш высочайший Падииах-Император...

Если бы только жители этого захолустного городишка могли увидеть записку, адресованную Императором своему благородному герцогу, прочесть ее презрительные завуалированные выпады против мужчин и женщин в конденско-стюмах: «...чего же еще ожидать от варваров, мечтающих всем сердцем лишь об одном – жить вне жесткой безопасности кастовой системы фюфрелак?».

В этот момент герцогу казалось, что и сам он всю жизнь мечтал только о том, чтобы уничтожить все классовые различия, их гибельный опостылевший порядок. Из окутавшего поле облака пыли он глянул вверх на неподвижные звезды и задумался: «Вокруг одного из этих маленьких огоньков вращается Каладан... Но мне не дано еще раз увидеть родной дом». Тоска по Каладану пронзила его грудь. Ему казалось,

что родилась она не в душе его, но что Каладан вдруг сам потянулся к нему. Даже в мыслях не мог он назвать выжженную пустыню Арракиса своим домом, когда думал о будущем.

«Следует скрывать свои чувства, — думал он. — Ради мальчика. Его дом будет здесь. Сам я могу считать Арракис адом, куда меня ввергли перед кончиной, но он должен отыскать здесь источник вдохновения. Непременно».

Волна жалости к самому себе, впрочем, немедленно с презрением подавленная, охватила его, почему-то ему вдруг припомнилась пара строчек из стихотворения, которое часто повторял Гарни Холлик:

Грудь мою наполняет аромат времени,
А ветер уносит песок вдаль...

«Ну, ветер не унесет здесь песок от Гарни», — подумал герцог. За посеребренными луной скалами тянулись бесконечные пустыни — голые скалы, дюны, пыльные сухие пустоши, иногда даже не нанесенные на карты. По окраинам их — а возможно, и внутри — прятались поселения фрименов. Если кто-нибудь мог еще обеспечить будущее Дома Атрейдесов, то только они — Вольный народ.

Разве что Харконнены ухитрились уже отравить даже людей пустыни своими ядовитыми кознями.

Они попытались взять жизнь моего сына!

Скрежет металла сотряс башню, дрогнул и парапет под ру-

ками. Перед ним упали боевые ставни, закрывая обзор.

«Челнок идет на посадку, – подумал он. – Пора спускаться к людям и браться за работу». Он обернулся, направился к лестнице, спустился в большой зал для пассажиров, пытаясь по дороге изобразить на лице спокойствие и приготовиться к встрече с людьми.

Они попытались взять жизнь моего сына...

Люди с поля уже вваливались внутрь, когда он наконец добрался до комнаты с желтым потолком. Все тащили сумки через плечо, орали и балагурили, как студенты, возвращающиеся с каникул.

– Эй! Чувствуешь, что-то ходить жестковато?

– Это называется гравитацией, старина.

– Сколько «же» в этом местечке? Как-то тяжело!

– Ноль девять по справочнику.

Словесная перепалка охватила всю комнату.

– А ты хорошо разглядел сверху эту дыру? Где же здесь наша добыча?

– Харконнены забрали! Лично я – в душ, а потом сразу в постельку.

– Разве ты не слыхал, дурень? Забудь про душ, набери-ка песка и три свою паршивую задницу.

– Эй! Заткнитесь! Герцог!

Герцог вступил с лестницы во внезапно притихшую комнату.

Гарни Холлик вышел навстречу ему из толпы. На одном

плече – сумка, в другой руке – гриф девятиструнного бализета. Его длинные пальцы и инструмент всегда наготове – на тот случай, если герцог вдруг пожелает услышать пленительное пение бализета.

Герцог глядел на Холлика, не скрывая восхищения грузным уродцем, этим талантливым дикарем. Человек этот жил вне системы фэфрелах, хотя повиновался каждому ее предписанию. Светлые волосы Холлика прикрывали залысины на лбу. Рот сложился в приятную усмешку. Кривой шрам на щеке, казалось, ожил и зазмеился по собственной воле. Браво и с готовностью он подошел к герцогу и поклонился.

– Гарни, – сказал герцог.

– Милорд, – он махнул бализетом в сторону остальных, – это последняя группа. Я предпочел бы, конечно, явиться с первой волной, но...

– Ну, Харконненов тебе хватит, – произнес герцог. – Отойдем в сторону, Гарни, надо поговорить.

– Повинуюсь, милорд.

Они отошли к нише рядом с торгующим водой автоматом, люди в комнате беспокойно зашевелились. Не выпуская из рук бализет, Холлик бросил сумку в угол.

– Сколько человек ты можешь выделить Хавату? – спросил герцог.

– У Сафира неприятности, сир?

– Он потерял двоих, но его авангард полностью раскрыл тактическую сеть Харконненов. Надо поторопиться, чтобы

обезопасить себя, получить необходимую передышку. Он примет столько людей, сколько ты сможешь ему дать... мужчин, которые не боятся поработать ножами.

– Я могу выделить три отборные сотни, – ответил Холлик. – Куда их прислать?

– К главным воротам. Там их ждет человек Хавата.

– Их следует отправить немедленно, сир?

– Сейчас же. Есть еще одно дело. Комендант посадочного поля под каким-нибудь предлогом задержит челнок до рассвета. Доставивший нас сюда лайнер Гильдии отправляется дальше. И челнок должен переправить на грузовой корабль партию специй.

– Нашей специй, милорд?

– Нашей. Заодно на челноке покинут планету охотники за специей, верные старому режиму. Они решили уехать при смене фэйфа, и судья перемены не возражает. Это ценные работники, Гарни, их приблизительно восемь сотен. Прежде чем челнок улетит, ты должен, по возможности, уговорить их остаться!

– Какими методами убеждать, сир?

– Я хочу их сознательного содействия, Гарни. У них опыт и мастерство, которых нет у нас. Они уезжают, а это значит, что эти люди не из войск Харконненов. Хават считает, что между ними порядочно дряни, но ведь ему мерещатся ассасины в каждой тени.

– Сафиру случалось в свое время обнаруживать тени, так

и кишащие ими.

– Случалось и пропускать их. Но я думаю, что пристраивать агентов и в отъезжающую группу слишком уж изобретательно для Харконненов.

– Безусловно, сир. Где эти люди?

– Внизу, в зале ожидания. Думаю, тебе стоит спуститься к ним, сыграть для начала пару мелодий, чтобы умягчить души. А потом хорошенько нажми на них, можешь предлагать остающимся руководящие должности, заработок – на двадцать процентов больше, чем при Харконненах.

– Не мало ли, сир? Насколько я знаю, в этом Харконнены не скупилась. А для мужчин с подъемными в кармане и жаждой странствий в крови... ну, сир, двадцати процентов может оказаться мало.

Лето нетерпеливо проговорил:

– Можешь поступать в некоторых случаях по собственному разумению. Только помни, что моя казна не бездонна. Старайся, где возможно, ограничиться двадцатью процентами. В особенности нам нужны водители добывающих комбайнов, дюннеры, метеосканеры – вообще люди с опытом работы в открытых песках.

– Понимаю, сир. *«Ведь он идет для грабежа; устремив лице свое вперед, он забирает пленников, как песок».*

– Приятно слышать, – отвечал герцог. – Передай своих людей лейтенанту. Коротко проинструктируй его о водной дисциплине и уложи людей спать в бараках у посадочного

поля. Персонал поля укажет. И не забудь выделить людей для Хавата.

– Три мои лучшие сотни, сир, – он подобрал космическую сумку, – где мне найти вас, чтобы доложить о выполнении?

– Я занял здесь наверху комнату совета. Там у нас штаб. Я хочу установить новый порядок движения на планете; впереди обязательно должна находиться бронегруппа.

Холлик замер, не завершив движения, и обернулся, чтобы заглянуть Лето в глаза.

– Уже дошло и до этого, сир? Но ведь здесь же судья перемены?

– Теперь, кроме тайных, я жду явных битв, – ответил герцог. – Без кровопролития нам здесь не укрепиться.

– *«...и вода, взятая из реки, делается кровью на суше»*, – вновь процитировал Холлик.

Герцог вздохнул:

– Поскорее возвращайся, Гарни.

– Великолепно, милорд, – шрам дернулся в улыбке. – *«Как дикий осел в пустыне, выхожу на дело свое»*.

Он повернулся, возвратился на середину комнаты, постоял немного, отдавая приказы, и заспешил куда-то, раздвигая толпу.

Глядя на его удаляющуюся спину, Лето покачал головой. Холлик... просто удивительно... в голове вечно песни, цитаты, цветистые фразы... а сердце – сердце ассасина, когда приходит пора расплачиваться с Харконненами.

Потом Лето, не торопясь, наискосок направился через комнату к лифту, небрежным движением руки отвечая на приветствия. Заметив офицера из корпуса пропаганды, остановил его, чтобы отдать распоряжение, которое следовало немедленно распространить по каналам связи. Все, кто брал с собой своих женщин, должны узнать, где их найти и что они в безопасности. Остальных следовало оповестить о том, что женщин хватает и на этой планете.

Герцог похлопал пропагандиста по руке – это значило, что сообщение относится к числу самых важных и его следует передать немедленно, – и направился далее. Он благосклонно кивал своим людям, улыбался, даже обменялся любезностями с одним из субалтернов.

«Командир должен всегда казаться уверенным, – подумал он. – А вся эта правда – она только для твоих плеч... раз уж тебя угораздило взять на себя ответственность, никогда не показывай ее тяжести».

Войдя в кабинку лифта, герцог облегченно вздохнул. Перед ним были не лица – дверь.

Они попытались взять жизнь моего сына.

На арке посадочного поля в Арракине грубым,

словно бы тупым инструментом выбита надпись, Муад'Диб часто повторял ее. Она попалась ему на глаза в ту самую первую ночь на Арракисе, когда его эскортировали на первое общее заседание штаба отца. В словах подписи была просьба, обращенная к покидающим Арракис, и мрачной тяжестью легла она на душу мальчика, только что избежавшего смерти. Она гласила: «Вы, знающие, как мы страдаем здесь, помяните нас в своих молитвах».

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Диб»

– Вся теория войны основана на расчете и риске, – проговорил герцог, – но если дело доходит до того, что приходится рисковать собственной семьей, элемент расчета поглощается... другими соображениями.

Он чувствовал, что в гневе вот-вот потеряет самообладание, а потому встал и прошелся вдоль длинного стола и обратно.

Вдвоем с Полом они находились в отведенном для совещаний и скудно обставленном зале космопорта: длинный стол окружали старомодные трехногие стулья, проектор и карта на стене располагались у одного из торцов помещения. Пол сидел у стола рядом с картой. Он только что рассказал отцу обо всей истории с искателем-охотником, передал и сообщение об угрозе предательства.

Герцог остановился перед Полом чуть поодаль и стукнул кулаком по столу:

– А Хават утверждал, что дом безопасен!

Пол нерешительно промолвил:

– Я тоже сперва было рассердился. И обвинил Хавата. Но опасность исходила не из дома. Все было задумано просто, умно и весьма практично. И попытка удалась бы, если бы не та подготовка, которую я получал и от тебя, и от многих, в том числе и от Хавата.

– Ты защищаешь его? – спросил герцог недовольным тоном.

– Да.

– Он стареет. Вот так. И он мог бы...

– Он умудрен опытом, – возразил Пол, – какие еще ошибки Хавата ты можешь припомнить?

– Это я должен защищать его, – ответил герцог, – а не ты.

Пол улыбнулся.

Лето сел во главе стола и положил руку на ладонь сына.

– Ты... повзрослел за эти дни, сын. – Он отнял руку. – Это меня радует. – И улыбнулся в ответ сыну. – Хават сам накажет себя: нам даже вместе не удастся наказать его в той же мере.

Пол глянул в ночную тьму за потемневшим окном у карты. Свет из комнаты отражался снаружи на перилах балкона. Там шевельнулась фигура – он различил форму Атрейдесов на часовом. Пол перевел взгляд на белую стену за спиной отца, потом на блестящую поверхность стола, на которой лежали его сжатые кулаки.

Дверь напротив герцога с шумом распахнулась. Вошел

Сафир Хават, казавшийся куда более старым и морщинистым, чем обычно. Пройдя вдоль стола, он замер навывтяжку перед Лето.

– Милорд, – начал он, глядя в точку, расположенную где-то над головой Лето. – Я только что узнал, как подвел вас. Я обязан просить отст...

– Садись и не валяй дурака, – сказал герцог. Он махнул в сторону кресла перед Полом. – Если ты и допустил ошибку, то лишь переоценив Харконненов. Плоские умы – плоские замыслы. Мы не рассчитывали на простоту. А мой сын весьма усердно объяснял мне, что сумел выжить лишь благодаря твоим урокам. Уж в этом промаха не было. Садись, говорю!

Хават сел в кресло:

– Но...

– Я не желаю более слышать об этом, – сказал герцог. – Инцидент исчерпан. У нас есть куда более насущные дела. Где остальные?

– Я просил их подождать снаружи, пока...

– Позови их.

Хават заглянул Лето в глаза:

– Сир, но...

– Я знаю, кто мне истинный друг, Сафир, – сказал герцог. – Гарни, зови людей.

Хават судорожно сглотнул.

Холлик впустил в комнату офицеров, они входили друг за другом: серьезные мрачноватые штабисты, исполненные

усердия помощники их и специалисты. Люди рассказывались, в комнате застучали стулья. У стола слабо запахло рэ-чемом – легким стимулятором.

– Для желающих есть кофе, – сказал герцог. Он глянул на своих людей – неплохие ребята, в такого рода войне работать эффективнее трудно. Он подождал, пока из соседней комнаты внесли и подали кофе. На некоторых лицах была заметна усталость.

Наконец, с привычной маской спокойствия и уверенности на лице, он встал и, постучав костяшками пальцев по столу, потребовал внимания.

– Итак, джентльмены, – начал он, – похоже, наша цивилизация столь глубоко усвоила привычку к противоборству, что мы не можем даже выполнить простой приказ Императора, не передравшись по старинке.

Вокруг стола сухо засмеялись, и Пол почувствовал, что отец его сказал именно то, что следовало сказать, и именно тем тоном, которым можно было бы приободрить этих людей. Даже тень усталости, проскользнувшая в этих словах, была на своем месте.

– Мне кажется, в первую очередь нам следует знать, может ли Сафир что-нибудь добавить к своему сообщению о Вольном народе, – сказал Герцог. – Сафир?

Хават глянул вверх:

– После доклада мне пришлось заниматься в основном кое-какими экономическими проблемами, сир, но я могу

сказать, что все больше и больше вижу теперь во фрименах союзников, которых нам так не хватает. Они пока выжидают, чтобы понять, можно ли нам доверять, но против нас они зла не таят. От них мы получили подарки – сделанные в ситчах конденскостюмы, карты некоторых участков вокруг укреплений, которые оставили Харконнены... – Он взглянул на стол. – Полученные от них разведывательные данные оказались абсолютно достоверными и помогли нам во взаимоотношениях с судьей перемены. Прислали и еще кое-какие безделицы: драгоценности для леди Джессики, специю, бальзам, сладости, лекарства. Мои люди сейчас обрабатывают подарки. Пока никаких фокусов не обнаружено.

– Тебе нравятся эти люди, Сафир? – спросил человек, сидевший в дальнем конце стола.

Хават повернулся лицом к спросившему:

– Дункан Айдахо утверждает, что ими можно восхищаться.

Пол перевел взгляд на отца, потом на Хавата и отважился спросить:

– Нет ли новой информации о полной численности Вольного народа?

Хават глянул на Пола:

– По пищевым отбросам и прочим свидетельствам Айдахо заключил, что пещерный комплекс, в котором он побывал, укрывает до десяти тысяч человек. Их предводитель сказал, что правит ситчем в две тысячи очагов. Есть причины пред-

полагать, что таких сообществ у них много. Похоже, все подчиняются человеку по имени Лайет.

– Это что-то новое.

– Здесь я пока могу ошибаться, сир. Кое-что указывает на то, что этот Лайет может оказаться и туземным божеством.

Другой человек, сидевший поодаль, тоже прочистил горло и спросил:

– Они точно имеют дела с контрабандистами?

– Караван контрабандистов с приличным грузом специи выступил из ситча в присутствии Айдахо. У них были выючные животные, в караване говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

– Мне кажется, – сказал герцог, – что контрабандисты удвоили свою активность во время смуты. Это следует тщательно обдумать. Не следует придавать большого значения фрегатам, без лицензии взлетающим с нашей планеты в космос, – это происходит повсюду. Но когда они полностью избегают нашего наблюдения – это нехорошо.

– У вас уже есть свои соображения, сир? – спросил Хават. Герцог поглядел на Холлика:

– Гарни, я хочу, чтобы ты возглавил делегацию, – посольство, если хочешь, – к этим романтикам от бизнеса. Сообщи им, что, пока они будут платить мне герцогскую долю, я буду смотреть сквозь пальцы на их операции. По оценке Хавата, подкупы и боевики, обеспечивающие их деятельность, пока обходились им раза в четыре дороже.

– Что, если об этом проводит Император? – спросил Холлик. – Он весьма ревниво относится к своим выгодам от КАНИКТ, милорд.

Лето улыбнулся:

– Всю герцогскую долю мы открыто поместим в банк на имя Шаддама IV и законно вычтем ее из затрат на вспомогательные войска. И пусть Харконнены оспорят это! Заодно мы разорим и горсточку местных жителей, жиревших под рукой Харконненов. Никаких взяток отныне!

Ухмылка искривила лицо Холлика:

– Ах-х, милорд, превосходный удар ниже пояса! Хотелось бы видеть лицо барона, когда он узнает об этом.

Герцог обернулся к Хавату:

– Сафир, ты скупил все счетные книги, которые тебе предлагали?

– Да, милорд. Сейчас их изучают в мельчайших подробностях. Я проглядел их и могу выдать результаты в первом приближении.

– Слушаю.

– За каждые триста тридцать стандартных дней Харконнены выручали отсюда десять миллиардов соляриев.

Глухой удивленный вздох obeжал стол. Даже младшие помощники, уже начинавшие скучать, выпрямились и обменялись удивленными взглядами.

Холлик пробормотал:

– «...ибо они питаются богатством моря и сокровищами,

сокрытыми в песке».

– Джентльмены, вам теперь ясно, – сказал Лето, – что не следует наивно предполагать, будто Харконнены спокойно упаковались и отбыли отсюда просто потому, что так приказал Император.

Выражая согласие, все закивали головами и забормотали.

– Все вокруг придется завоевывать острием меча, – сказал Лето. Он обернулся к Хавату: – Хорошо бы услышать про оборудование. Сколько песчаных краулеров, уборочных машин, комбайнов-фабрик и вспомогательного оборудования они оставили нам?

– Полностью все количество, положенное по императорскому инвентаризационному списку, оглашенному судьей перемены, милорд, – ответил Хават. Следуя движению руки, помощник передал ему папку с бумагами, открытую в нужном месте. – Не упомянуто судьей было лишь то, что в рабочем состоянии находится менее половины краулеров, что лишь треть из них имеет каргоны для доставки к месторождениям специи в пески... и что все, оставленное нам Харконненами, вот-вот развалится на части. Хорошо, если нам удастся привести в действие хотя бы половину оборудования и если за шесть месяцев хотя бы четверть его останется в рабочем состоянии.

– Другого мы и не ожидали, – сказал Лето. – Итак, сколько именно единиц основного оборудования?

Хават заглянул в папку:

– Через несколько дней можно будет выставить около девятисот тридцати комбайнов-фабрик. И около шести тысяч двухсот пятидесяти орнитоптеров для разведки, посыльной службы и метеосканирования... Каргонов – немногим менее тысячи.

Холлик спросил:

– А не лучше ли возобновить переговоры с Гильдией и добиться разрешения вывести на орбиту фрегат в качестве метеорологического спутника?

Герцог глянул на Хавата:

– Ничего нового по этому вопросу, а, Сафир?

– Следует попытаться действовать иным путем, – сказал Хават. – Агент Гильдии даже не начинал переговоров. Он просто дал понять, как ментат ментату, что цена нам не по карману и останется таковой, на какой срок мы ни хотели бы заключить контракт. И прежде чем вновь начинать переговоры, следует выяснить причины этого.

Один из адъютантов Холлика пошевелился в кресле и буркнул:

– Разве это справедливо?

– Справедливо? – посмотрел на него герцог. – Кто просит справедливости? Мы сами должны установить ее. И мы добьемся справедливости на Арракисе... или умрем. Быть может, вы жалеете о том, что связали свою судьбу с нашей, сэр?

Человек не мигая глядел на герцога:

– Нет, сир, вы хотите подчинить себе богатейший источ-

ник дохода во всей Вселенной... Мне не остается ничего иного, как следовать за вами. Простите мне эту вспышку. Но... – Он повел плечами. – Иногда все мы чувствуем горечь.

– Горечь, я понимаю, – согласился герцог, – но давайте не взывать более к справедливости, пока у нас еще есть руки и воля их использовать. У кого еще скопилась горечь? Если она есть, дайте ей волю сейчас, на совете друзей, где каждый может высказать, что у него на сердце.

Холлик шевельнулся и сказал:

– Меня смущает, сир, что среди нас нет волонтеров из других Великих Домов. Они лишь направляют послания Лето Справедливому и клянутся в вечной дружбе, ведь это им ничего не стоит.

– Они еще просто не поняли, кто победит в этой схватке, – ответил герцог. – Большинство Домов обрюзгли и не решаются на риск. Их нельзя винить в этом, их можно лишь презирать. – Он поглядел на Хавата. – Мы говорили об оборудовании. Ты не можешь показать примеры и познакомить людей с машинами?

Хават кивнул, помахал подчиненному у солидо-проектора.

На поверхности стола в ближней к герцогу половине появилась солидо – трехмерная проекция. Кое-кто в дальней части стола поднялся, чтобы лучше разглядеть ее.

Не спуская глаз с машины, Пол наклонился вперед.

Судя по крохотным фигуркам людей рядом с ней, эта штука была около ста двадцати метров длиной и сорока метров шириной. И в общем напоминала жука, поставленного на широкие гусеницы.

– Уборочная фабрика, – начал Хават. – Для этого снимка мы выбрали комбайн получше. Одна из трех драг, которые были введены в строй первой группой экологов Империи, и она еще на ходу... но как это возможно и почему – я не знаю.

– Если это та, которую они зовут «Старой Марией», – она из музея, – сказал помощник. – Я думаю, Харконнены держали ее как наказание, угрозу для работников. Веди себя хорошо, или сошлем на «Старую Марию».

Вокруг стола засмеялись.

Пол не отвлекался на смех. Внимание его было отдано солидопроекции и вопросу, который вертелся у него в голове. Указав на изображение на столе, он спросил:

– Сафир, неужели есть такие черви, которые способны проглотить эту машину?

За столом воцарилось молчание. Герцог выругался про себя, но подумал: «Он прав, они должны все хорошенько представить».

– В глубокой пустыне есть черви, которые могут проглотить машину одним глотком, – сказал Хават, – а поближе к Барьеру, где в основном добывается специя, хватает таких, которые могут сперва раздавить ее, а потом на досуге сожрать.

– А разве нельзя применить щиты? – спросил Пол.

– По свидетельству Айдахо, – сказал Хават, – использовать щиты в пустыне опасно. Даже индивидуальный щит моментально созовет всех червей в округе за несколько десятков километров. Излучение щитов приводит червей в смертельную ярость. Так нам объяснили фримены, и причин сомневаться в их правдивости у нас нет. Во всем ситче Айдахо не заметил ни одного щита.

– В самом деле? – переспросил Пол.

– Если бы ими пользовались несколько тысяч человек, все щиты не спрятали бы, – ответил Хават. – Передвижения Айдахо по ситчу не ограничивали. И он не видел ни щитов, ни признаков их использования.

– Да, загадка, – протянул герцог.

– А вот Харконнены здесь использовали уйму щитов, – сказал Хават, – ремонтные мастерские есть в каждом гарнизонном городке, и документация свидетельствует о крупных расходах на починку и запчасти.

– А способа обнуления щитов Вольный народ не создал? – спросил Пол.

– Непохоже, – ответил Хават. – Теоретически это, правда, возможно... Статический контрзаряд величиной с большой город должен бы дать нужный эффект, но пока никто не пробовал проверить опытным путем.

– И мы бы уже услышали об этом, – сказал Холлик. – Контрабандисты отлично знакомы с фрименами и немедленно

обзавелись бы подобным устройством, если бы оно существовало. А уж им-то просто некому помешать увезти любой прибор с планеты.

– Не люблю, когда столь важные вопросы остаются без ответа, – сказал Лето. – Сафир, я хочу, чтобы ты уделил внимание в первую очередь разрешению этого вопроса.

– Мы уже работаем, милорд. – Он откашлялся. – Ах да, Айдахо сказал и еще кое-что. Он говорил, что насчет отношения фрименов к щитам невозможно ошибиться: те их просто-напросто забавляют.

Хмурясь, герцог напомнил:

– Речь сейчас идет о добывающем оборудовании.

Солидоизображение комбайна-фабрики сменилось изображением крылатой машины, рядом с которой человеческие фигуры казались гномами.

– Это каргон, – пояснил Хават, – очень большой топтер, единственная обязанность которого – доставлять фабрику в богатые специей пески и забирать ее оттуда, когда появляется червь. А они приходят всегда. Вкратце процесс сбора специи выглядит так: ныряешь в пески и выныриваешь, ухватив побольше.

– Великолепно соответствует морали Харконненов, – сказал герцог.

Резкий общий смешок был, пожалуй, слишком громок.

В фокусе проектора каргон сменился орнитоптером.

– Эти топтеры мало чем отличаются от обычных. Основ-

ные конструктивные изменения позволяют увеличить радиус действия. Усилена защита от песка и пыли самых важных частей конструкции. Щитом снабжен разве что один из тридцати... быть может, это делается для увеличения дальности.

– Не нравится мне это отсутствие щитов, – проворчал герцог и подумал: «Не в этом ли секрет Харконненов? Нам не спастись и на щитоносном фрегате, если все обернется против нас». Чтобы отогнать эти мысли, он потрянул головой и сказал: – Ближе к делу. Какой доход можно ожидать?

Хават перевернул две страницы в записной книжке.

– Оценив стоимость ремонта и количество функционирующего оборудования, мы определили эксплуатационные расходы. Естественно, для страховки мы приняли минимальный уровень. – Он зажмурил глаза и в полутрансе ментата произнес: – При Харконненах на обслуживание и заработную плату шло не более четырнадцати процентов дохода. Хорошо, если нам для начала удастся ограничиться тридцатью процентами. С учетом повторных инвестиций и их роста, а также доли КАНИКТ и военных расходов, наша прибыль составит шесть-семь процентов, пока мы не сумеем заменить изношенное оборудование. Тогда прибыль возрастет, и ее можно будет поддерживать на уровне двенадцати-четырнадцати процентов. – Он открыл глаза. – Если только мой господин не желает обратиться к методам Харконненов.

– Нам нужна прочная и постоянная планетарная база, – сказал герцог, – а для этого следует обеспечить счастье боль-

шой доли населения, в особенности Вольного народа.

– В первую очередь Вольного народа, – согласился Хават.

– Наша власть на Каладане основывалась на морских и воздушных силах. Здесь нам придется создавать, так сказать, пустынные силы. Возможно, воздушные войдут в их состав, но не исключено, что этого не случится. Я хочу, чтобы вы обратили внимание на отсутствие щитов на их топтерах. – Он покачал головой. – Харконнены надеялись, что мы используем на планете в основном их людей. На это трудно решиться. В каждой новой группе окажутся их агенты.

– Тогда придется примириться с куда меньшими доходами и уменьшением сбора, – сказал Хават. – В первые два сезона величина его составит не более трети от средней величины при Харконненах.

– Вот-вот, – сказал герцог. – Именно этого мы и ожидали. Придется поторопиться с Вольным народом. До первого слушания в КАНИКТ я хочу иметь пять полных батальонов из одних фрименов.

– Времени, сир, на это немного, – сказал Хават.

– У нас вообще мало времени, как ты знаешь. Барон при первой же возможности вернется сюда, прихватив переодетых в свою форму сардаукаров. Сколько войска они могут использовать?

– По всей видимости, четыре-пять батальонов. Едва ли больше при ценах, которые теперь заламывает Гильдия.

– Тогда пять батальонов фрименов с учетом наших соб-

ственных сил должно хватить. Если удастся предъявить Совету Ландсраада горсточку пленных сардаукаров, победа останется за нами, насколько бы ни уменьшилась прибыль.

– Постараемся, сир.

Пол поглядел на отца, потом на Хавата, вдруг подумав о том, как стар ментат, ведь старик служил трем поколениям Атрейдесов... Карие глаза нездорово поблескивали, щеки растрескались и побагровели под дыханием бурь многих миров... согбенные плечи, на тонких губах клюквенное пятно сока сафо.

«Сколько же зависит от этого старика!» – подумал Пол.

– В данный момент мы ведем войну ассасинов, – сказал герцог, – она еще не развернулась вовсю. Сафир, в каком состоянии сейчас военная машина барона?

– Мы выявили двести восемьдесят пять ключевых людей Харконнена, осталось не более трех ячеек организации численностью около ста человек.

– Эти креатуры барона, что вы устранили, – спросил герцог, – они – обеспеченные люди?

– Все с положением, милорд, в классе предпринимателей.

– Я хочу, чтобы ты подделал сертификаты альянса с подписями каждого из них, – сказал герцог. – Представьте копии судье перемены. Мы объявим официально, что они остались здесь по фальшивым контрактам. Конфискуйте все их добро, отберите все, выгоните из дома их семьи, разденьте их до нитки. Но чтобы Корона при этом получила свои законные

десять процентов. Все должно быть абсолютно легально.

Сафир улыбнулся, за карминовыми, запятнанными семутой губами мелькнули красные зубы:

– Такой ход достоин вашего деда, милорд. К моему стыду, я его не предусмотрел.

Холлик удивленно нахмурился, лицо Пола выражало глубокую печаль и несогласие. Остальные улыбались и кивали.

«Чему они радуются? – думал Пол. – Это заставит остальных сопротивляться отчаяннее, ведь они ничего не выгадают от капитуляции».

Он знал, что по Конвенции в канли нет ограничений, но такой ход мог погубить их, поманив перед этим победой.

– *«Я стал пришельцем в чужой земле»*, – процитировал Холлик.

Пол поглядел на него, узнав слова из О. К. Библии, и удивленно подумал: «Неужели и Гарни недоволен губительным замыслом?»

Герцог поглядел во тьму за окнами, перевел взгляд на Холлика:

– Гарни, скольких дюннеров ты убедил остаться с нами?

– Всего двести восемьдесят шесть человек, сир. По-моему, придется довольствоваться этим и еще считать, что нам повезло. У всех нужные специальности.

– И только? – герцог закусил губу. – Ну что же, передайте...

Шум у двери помешал ему. Дункан Айдахо протолкался

сквозь группу охранников, поспешно вдоль всего стола подошел к герцогу и склонился над его ухом.

Герцог махнул ему:

– Говори громко, Дункан. Сам же видишь, что это стратегический штаб.

Пол внимательно разглядывал Айдахо. Кошачьи движения, быстрота реакции делали его учителя фехтования непревзойденным мастером боя. Загорелое круглое лицо Айдахо было обращено к Полу, но в глубоко сидящих глазах не было и намека на то, что учитель разглядел мальчика. Впрочем, глазам Пола было заметно волнение, скрываемое под маской спокойствия.

Глянув вдоль стола, Айдахо произнес:

– Только что мы перехватили группу наемников Харконнена, переодетых Вольным народом. От фрименов прислали гонца предупредить нас. Атакуя, мы обнаружили, что Харконнены перехватили этого гонца по пути обратно и тяжело ранили. Мы везли его сюда в госпиталь, но он умер. Я видел, насколько он был плох, и остановился по возможности помочь ему. Тогда он попытался выбросить что-то. – Айдахо посмотрел на Лето. – Нож, милорд, да такой, какого мы еще не видели!

– Нож-крис? – переспросил кто-то.

– Вне сомнения, – ответил Айдахо, – молочно-белый и словно светится. – Он засунул руку в тунику и извлек оттуда ножны с торчащей из них черной гребенчатой рукоятью.

– Оставь это лезвие в ножнах! – прогремел пронзительный голос от двери в торце комнаты, все в удивлении поднялись.

Высокая фигура в длинном одеянии выросла в проеме двери за скрещенными мечами охраны. Светло-коричневое одеяние с головы до ног охватывало вошедшего, лишь под капюшоном, над черным лицевым платком, блестели глаза – синие, без белков.

– Пусть войдет, – шепнул Айдахо.

– Пропустите этого человека, – приказал герцог.

Стражи заколебались и нерешительно опустили мечи.

Мужчина широкими шагами подошел к герцогу и остановился.

– Это Стилгар – вождь ситча, где я гостил, предводитель тех, кто предупредил нас о переодетой харконненской шайке.

– Приветствую вас, сэр, – обратился к нему Лето. – Почему же мы не можем обнажить этот клинок?

Поглядев на Айдахо, Стилгар проговорил:

– Ты знаешь, что у нас есть свои правила чести и чистоты. Тебе я мог позволить увидеть лезвие человека, который стал тебе другом. – Он оглядел всех остальных. – Но я не знаю прочих. Их взгляд может осквернить достойное оружие.

– Я герцог Лето, – произнес герцог. – Можно ли взглянуть на этот нож?

– У тебя есть возможность заработать право на это, – сказал Стилгар. Заглушая недовольный ропот вокруг стола, он

поднял вверх тонкую руку с выступающими венами. – Напоминаю вам: это клинок вашего друга.

В наступившем молчании Пол поглядел на этого человека, явно источавшего ауру силы. Таков был один из вождей Вольного народа.

Человек, сидевший в центре стола напротив Пола, пробормотал:

– Кто он, чтобы указывать, что нам можно видеть на Арракисе, а что нет?

– Говорят, что герцог Лето правит, считаясь с чувствами подданных, – начал вождь, – поэтому скажу. Среди нас принято считать, что на человека, видевшего чужой крис, падает определенная ответственность. – Он мрачно глянул на Айдахо. – Ножи наши. Они никогда не покинут Арракис без нашего согласия.

Холлик и еще несколько человек, сердито озираясь, стали подниматься. Холлик начал:

– Это герцог решает...

– Одну минуту, будьте добры, – произнес герцог, сам спокойный тон его разрядил ситуацию. – Конфликта нельзя допускать. – Он обратился к вождю фрименов: – Сэр, я чту и уважаю личное достоинство всякого, кто уважает мое собственное достоинство. Я весьма обязан вам. И я всегда плачу свои долги. Если ваш обычай требует, чтобы нож оставался в ножнах, пусть так и будет... я приказываю. Если есть еще какой-нибудь способ почтить память того, кто умер за нас,

назовите – и будет исполнено.

Фримен поглядел на герцога, медленно потянул в сторону лицевой платок, открывая узкий нос и пухлые губы, утонувшие в черной глянцевой бороде. Он медленно нагнулся над полированным столом и плюнул на него.

Вокруг стола стали подниматься, но властный голос Айдахо скомандовал:

– Ни с места!

В наступившей напряженной тишине Айдахо произнес:

– Мы благодарим тебя, Стилгар, за дар – за воду твоего тела. Мы принимаем ее с тем же чувством, с каким она была дана. – И Айдахо тоже плюнул на стол перед герцогом.

А герцогу тихо шепнул:

– Помните, сир, как драгоценна вода на этой планете. Плевок здесь знак уважения.

Лето осел обратно в кресло, заметил скорбную усмешку на губах сына, ощущая, как успокаиваются вокруг люди, как напряженность уступает место пониманию.

Фримен поглядел на Айдахо и сказал:

– Дункан Айдахо, в моем ситче ты был измерен, и мера твоя – высока. Крепка ли твоя обязанность твоему герцогу?

– Он предлагает мне перейти к нему, сир, – сказал Дункан.

– Быть может, его удовлетворит двойное подданство? – спросил Лето.

– Вы хотите этого, сир?

– Я хочу, чтобы ты сам решил этот вопрос, – ответил Лето,

и в его голосе мелькнуло нетерпение.

Айдахо поглядел на фримена:

– Ты согласен на такое условие, Стилгар? Иногда мне придется возвращаться назад, на службу к моему герцогу.

– Ты хороший боец, ты сделал все возможное для нашего друга, – ответил Стилгар. Он поглядел на Лето. – Да будет так: сей муж Айдахо оставляет себе крис в знак своей службы нам. Ему, конечно, придется очиститься, но это не сложно. Пусть он будет солдатом Атрейдесов и человеком из Вольного народа. Такое возможно – и Лайет служит двум господам сразу.

– Ну, Дункан? – спросил Лето.

– Понимаю, сир, – сказал Айдахо.

– Значит, решено, – произнес Лето.

– Дункан Айдахо, вода твоего тела принадлежит теперь нам, – сказал Стилгар, – а тело нашего друга остается герцогу. Его вода теперь связывает нас.

Лето вздохнул и глянул на Хавата, заметив выражение глаз старого ментата. Хават удовлетворенно кивнул.

– Я буду ждать внизу, – сказал Стилгар, – пока Айдахо прощается с друзьями. Нашего покойного друга звали Турок. Вспомните его, когда наступит время его духу освободиться. Вы все друзья Турока.

Стилгар было обернулся.

– А ты не удержишься здесь? – спросил Лето.

Фримен повернулся обратно, привычным жестом при-

крыл лицо платком, поправил что-то под одеянием. Прежде чем вуаль скользнула на место, Пол успел заметить у подбородка нечто похожее на тонкую трубку.

– Для этого есть причины?

– Мы воздадим тебе честь, – сказал герцог.

– Честь требует, чтобы я побыстрее оказался вдали отсюда, – ответил фримен. Он еще раз глянул на Айдахо, обернулся и широкими шагами прошел мимо стражи у дверей.

– Если и остальные таковы, мы и Вольный народ будем хорошо служить друг другу.

Айдахо сухо проговорил:

– Сир, они все такие.

– Ты понимаешь, что следует делать, Дункан?

– Я теперь – ваш Посол к Вольному народу, сир?

– Дункан, от тебя много зависит. Нам нужно успеть набрать, по крайней мере, пять батальонов этих людей, пока сардаукары еще не свалились нам на головы.

– Это будет нелегким делом, сир. Вольный народ весьма независим. – Поколебавшись, Айдахо добавил: – Сир, вот еще что. Один из тех наемников, которых нам удалось захватить в плен, пытался снять это лезвие с нашего мертвого друга – фримена. Он говорит, что Харконнены предлагали награду в миллион соляриев любому, кто принесет целый крис.

Подбородок Лето дернулся – движение выдало явное удивление.

– Зачем же им так понадобились эти ножи?

– Их вырезают из зуба песчаного червя, они неотъемлемый знак принадлежности к Вольному народу. С таким ножом человек с полностью синими глазами может попасть в любой ситч. Мне мешало отсутствие такого ножа. Но об этом знали заранее. Сам я не похож на людей из Вольного народа, но...

– Питер де Врие, – сказал герцог.

– Человек дьявольской хитрости, милорд, – заметил Хават.

Айдахо спрятал нож вместе с ножнами под рубаху.

– Береги нож, – сказал герцог.

– Понимаю, милорд. – Он похлопал по висевшему на поясе передатчику. – Сообщу о себе при первой возможности. У Сафира есть код и мои позывные. Используйте боевой язык. – Он отсалютовал, обернулся и поспешил следом за вождем ситча.

Шаги его гулко отдавались по коридору. Лето и Хаватглянули друг на друга с пониманием. Оба улыбались.

– Следует еще много сделать, сир, – сказал Холлик.

– А я отрываю вас от работы, – заметил Лето.

– У меня есть еще сообщение об аванбазах, – сказал Хават, – доложить в другой раз, сир?

– Оно долгое?

– Не слишком. Среди фрименов говорят, что во времена Пустынной ботанической испытательной станции здесь,

на Арракисе, было построено более двух сотен этих аванбаз. Предположительно, все они были покинуты, но есть сообщения, что сперва их герметически закупорили.

– Со всем оборудованием? – спросил герцог.

– Так сообщал Дункан.

– И где же эти базы? – поинтересовался Холлик.

– Ответ на этот вопрос неизменно один, – ответил Хават, – Лайет знает.

– Бог знает, – пробормотал Лето.

– Возможно, все не так плохо, сир, – возразил Хават. – Вы слышали, как Стилгар употребил это имя? Словно бы говорил о реально существующем человеке.

– «Служит двум господам сразу», – проговорил Холлик, – как будто цитата из какой-то священной книги.

– Подумай и, без сомнения, вспомнишь.

Холлик усмехнулся.

– А этот судья перемены, – сказал Лето, – императорский эколог Кайнс... ему-то положено знать об этих базах?

– Сир, – предупредил Хават, – Кайнс служит Империи.

– Ну, до Императора далеко, – сказал Лето. – Мне нужны эти базы. Они должны быть набиты всякими материалами, которые мы могли бы использовать для починки рабочего оборудования.

– Сир! – начал было Хават. – Эти базы по закону принадлежат файфу его величества.

– Известно, что здесь дикие ветры и непогода могут про-

сто уничтожить что угодно, – сказал герцог. – Этим предложением легко воспользоваться. Мы всегда можем сослаться на погоду. Свяжись с этим Кайнсом и, по крайней мере, установи, существуют ли аванбазы.

– Занимать их опасно, – сказал Хават. – Дункан ведь уверял, что эти базы, даже сама мысль об их существовании, имеют глубокое значение для фрименов. Мы оттолкнем их, заняв эти базы.

Пол глянул на лица вокруг: все собравшиеся члены штаба сосредоточенно внимали каждому слову – мнение герцога их явно встревожило.

– Послушай его, отец, – тихо сказал Пол. – Он говорит правду.

– Сир, – обратился к нему Хават. – Эти базы могли бы полностью обеспечить нам ремонт оборудования... и все же они вне пределов нашей досягаемости... по стратегическим соображениям. Делать подобные жесты, не имея точной информации, опрометчиво. Кайнс облечен судебной властью Империи. Этого не следует забывать. А фримены прислушиваются к его мнению.

– Тогда это следует делать осторожно, – сказал герцог, – пока я лишь хочу знать, существуют ли эти базы.

– Как вам угодно, сир. – Холлик сел, опустив глаза.

– Ну ладно, – сказал герцог. – Мы хорошо знаем, какая нас ждет работа. Мы многому научились. У нас есть и некоторый опыт. Мы знаем, что сулит нам успех, понимаем его

альтернативу, у всех есть задания... – Он глянул на Холлика. – Гарни, разберись с контрабандистами.

– *«Изыду я к возмутившимся, что обитают в пустынях»*, – нараспев проговорил Холлик.

– Ну, хоть бы раз поймать этого парня нагишом – без цитаты!

Вокруг стола, натужно, как показалось Полу, захихикали. Герцог обернулся к Хавату:

– Организуй на этом этаже еще один командный пост разведки и связи, Сафир. Когда все будет готово, я хотел бы увидеть тебя.

Хават приподнялся, огляделся, словно пытаясь отыскать поддержку у сидящих. За ним потянулись к выходу остальные. Люди торопились, стучали стульями, в смятении сбивались в группы.

«Все закончилось полной сумятицей», – подумал Пол, глядя в спины уходящим. Раньше заседания штаба всегда проходили и заканчивались в куда более решительном тоне. Нынешнее совещание не закончили, оно завершилось словно само по себе, как бы скончалось от собственных противоречий, чтобы не перейти в общий спор.

Впервые Пол позволил себе подумать о возможности поражения... не из страха, нет... и не опасаясь пророчества Преподобной Матери – просто оценив самостоятельно ситуацию.

«Отец блефует, – подумал он. – Наши дела складываются

не лучшим образом».

И Хават... Пол припомнил поведение старого ментата на заседании... еле заметные колебания, явные признаки беспокойства.

Что-то глубоко встревожило Хавата.

– Лучше оставайся-ка здесь до утра, сын, – сказал герцог. – Рассвет уже скоро. Я извещу мать. – Он медленно и скованно поднялся на ноги. – Можешь составить в ряд несколько стульев и вздремнуть.

– Я не слишком устал, сир.

– Ну, как хочешь.

Герцог заложил руки за спину и принялся расхаживать вдоль стола.

«Как пойманный зверь», – подумал Пол.

– Ты собираешься вместе с Хаватом обдумывать вопрос о предателе? – спросил Пол.

Встав против сына лицом к темным окнам, герцог проговорил:

– Мы столько раз уже обсуждали это.

– Старуха говорила весьма уверенно, – сказал Пол, – да и та записка, которую получила мать...

– Мы предприняли ряд предосторожностей, – сказал герцог, окинув комнату диким затравленным взглядом. – Оставайся здесь, я хочу поговорить с Сафиром о командных пунктах. – Он повернулся и вышел из комнаты, коротко кивнув страже.

Пол все глядел на место, где только что стоял отец. Оно было пустым... оно было пустым даже тогда, когда герцог еще стоял там. Ему припомнились слова старухи: «...но для отца – ничего».

В тот самый первый день, когда Муад'Диб ехал со своей семьей по улицам Арракина, многие у дороги припоминали пророчества и легенды и осмеливались прокричать: «Махди!» То было не утверждение – вопрос, – тогда они могли только надеяться, что он-то и есть обещанный Лисан аль-Гаиб, Голос Извне. Внимание их было обращено и на мать: все слышали, что она из Бинэ Гессерит, а значит, и сама подобна Лисан аль-Гаибу.

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Диб»

Сафир Хават в одиночестве ожидал герцога в угловом помещении, куда его проводил часовой. В соседней комнате шумели: связисты устанавливали свое оборудование, налаживали его, но здесь было относительно тихо. Пока Хават поднимался из-за заваленного бумагами стола, герцог успел оглядеться. В комнате с зелеными стенами кроме стола было три гравикресла с поспешно споротым вензелем барона, оставившим темное пятно на выгоревшей ткани.

– Кресла проверены и вполне безопасны, – сказал Хават. – А где Пол, сир?

– Я оставил его в конференц-зале. Надеюсь, что он все-таки отдохнет, если я не буду мешать.

Хават кивнул, подошел к двери в смежную комнату и закрыл ее, заглушив треск разрядов и пощелкивание электронных устройств.

– Сафир, – сказал герцог, – меня интересуют запасы специи, собранные Императором и Харконненами.

– Милорд?

Герцог поджал губы:

– Как известно, склады можно разрушить.

Он поднял руку, не давая Хавату возразить:

– Не стоит трогать Императора. Втайне он будет доволен, если у Харконненов возникнут затруднения. Кстати, разве может барон объявить, что погибли запасы, которых, как он уверял, у него не существует?

Хават покачал головой:

– У нас не хватает людей, сир.

– Возьми кое-кого у Айдахо. Быть может, и кто-нибудь из Вольного народа захочет развлечься космическим путешествием. Рейд на Гайеди Прим... Такая диверсия, Сафир, дает ряд тактических преимуществ.

– Как вам будет угодно, милорд.

Хават отвернулся, герцог заметил, что старик взволнован, и подумал: «Быть может, он все еще считает, что я не дове-

ряю ему. Он должен знать, что я уже и так осведомлен о предателе. Лучше... да, лучше развеять его страхи немедленно».

– Сафир, – сказал он, – ты относишься к числу тех немногих, кому я могу полностью доверять. Есть еще одно дело, которое следует обсудить. Ты и сам знаешь, сколько усилий мы оба с тобой прилагаем, чтобы избежать проникновения предателей в войска... Но у меня два новых сообщения.

Хават обернулся и поглядел на него. Лето повторил все, что слышал от Пола.

Но старый ментат не углубился, как следовало ожидать, в расчеты, а только еще более разволновался.

Лето внимательно глядел на него и наконец сказал:

– Ты о чем-то умалчиваешь, старина. Я заметил это уже на заседании штаба – ты волновался. Так что же ты не решился выложить перед всем штабом?

Запятнанные сафо губы Хавата сжались в узкую прямую линию, лишь крошечные морщинки разбегались от них. Почти не шевеля этими губами, он произнес:

– Милорд, я не знаю даже, как и приступить...

– Сафир, мы с тобой получили не по одному шраму друг за друга, – проговорил герцог. – Сам знаешь, что ты можешь говорить мне все.

Хават, не открывая рта, подумал: «Потому-то я и люблю его. Он – человек чести и заслуживает полной преданности, в том числе и моей. Почему именно мне приходится делать

ему больно?»

– Ну? – требовательно произнес Лето. Хават пожал плечами:

– К нам попал клочок записки. Мы отобрали его у курьера барона. Записка предназначалась для агента по имени Парди. У нас есть все основания считать, что Парди возглавлял здесь подполье, оставленное Харконненами. А содержание записки... может иметь или громадные последствия, или никаких... Как сложится...

– И что же было в столь важном послании?

– Это просто обрывок записки, милорд. Часть микрофибра с обычной разрушающей капсулой. Мы успели остановить действие кислоты, когда часть записки еще осталась целой. Но текст ее весьма располагает к размышлениям.

– Да?

Хават тронул губу:

– Она гласит: «...ее никогда не заподозрит, а когда удар нанесет ему любимая рука, одного сознания этого будет достаточно для его гибели». Записка была запечатана подлинной печатью барона, я установил это.

– Предмет твоих подозрений очевиден, – проговорил герцог вдруг ставшим ледяным голосом.

– Я бы скорее дал отрубить себе руки, чем согласился бы причинить боль другим, – сказал Хават, – что если...

– Леди Джессика, – сказал Лето, чувствуя, как гнев душит его. – А из этого Парди извлечь какие-нибудь факты вы не

смогли?

— К сожалению, когда мы перехватили курьера, Парди уже не было в живых, а курьер, естественно, даже понятия не имел о том, что в письме.

— Конечно.

Лето покачал головой: «Что за скверная история! Она не предательница. Нет! Этого не может быть... Я знаю свою женщину».

— Милорд, если...

— Нет! — отрубил герцог. — Ты ошибаешься, и...

— Но мы не можем так просто пренебречь этой запиской, милорд...

— Мы вместе уже шестнадцать лет! И за это время у нее было столько возможностей для... Кстати, ты сам тогда проверял и ее, и школу.

Хават с горечью проговорил:

— Теперь известно, что мои глаза не все видят.

— Говорю тебе, это невозможно. Ведь Харконнены хотят уничтожить сам род Атрейдесов... значит, и Пола. Уже пытались. Разве станет женщина злоумышлять против собственного сына?

— Быть может, она злоумышляет не против сына. И вчерашнее покушение всего лишь ловкий обман...

— Такой обман невозможен.

— Сир, считается, что ей неизвестно собственное происхождение... но что, если на самом деле она его знает? Может

быть, она сирота и в этом виноваты Атрейдесы?

– Отомстить мне она могла бы давным-давно. Подсыпать яду в питье, или воткнуть в бок стилет. У кого еще было для этого больше возможностей?

– Но Харконнены хотят погубить вас, милорд, – не просто убить. В канли это разные вещи. Такая месть будет шедевром рядом с прочими.

Плечи герцога поникли. Он закрыл глаза, лицо сразу стало усталым и старым. «Не может быть, – подумал он. – Эта женщина открыла мне все свое сердце».

– Как можно вернее погубить меня, если не посеять в моей душе подозрения к любимой? – спросил он.

– Это объяснение я учел, – сказал Хават. – И все же...

Герцог открыл глаза, поглядел на Хавата и подумал: «Пусть подозревает. Подозревать не мое – его дело. И если будет казаться, что я поверил этой лжи, быть может, выдаст себя кто-то другой».

– Что ты предлагаешь? – прошептал герцог.

– Пока неусыпный надзор, милорд. За ней следует наблюдать постоянно. Я пригляжу, чтобы все было незаметно. Для такого дела идеально подходит Айдахо. В его группе есть молодой человек – мы обучаем его, – который может оказаться идеальным послом к Вольному народу. У него дар дипломата.

– Не следует ставить под угрозу наши связи с фрименами.

– Конечно же, нет, сир.

– А как насчет Пола?

– Быть может, разбудить доктора Юэ?

Лето повернулся спиной к Хавату:

– Оставляю это на твое усмотрение.

– Посмотрю по обстановке, милорд.

«По крайней мере, на него можно рассчитывать», – подумал Лето и произнес:

– Пойду пройдуся. Если я потребуюсь, ищите меня внутри периметра. Охрана может...

– Милорд, пока вы не вышли, я хочу передать вам некую видеоленту. На ней результаты анализа религии Вольного народа в первом приближении. Я исполнил – вы не забыли? – вашу просьбу.

Герцог остановился и проговорил, не поворачивая головы:

– Подождать эта лента не может?

– Безусловно, милорд. Вы спросили тогда, что там кричат. Это было слово «Махди». Им они называли молодого господина. Когда они...

– Называли Пола?

– Да, милорд. Здесь бытует легенда, точнее, пророчество, что однажды они обретут вождя, сына Дочери Гессера, который поведет их к истинной свободе. Обычная легенда о Мессии.

– И они думают, что Пол и есть... этот...

– Всего лишь надеются, милорд. – Хават протянул ему

капсулу с видеолентой.

Герцог взял ее и сунул в карман.

– Прогляжу попозже.

– Как вам угодно, милорд.

Герцог глубоко вздохнул и вышел из комнаты. В зале он повернул направо. И пошел, заложив руки за спину, не слишком обращая внимание на окружающее. Он шел коридорами, поднимался и опускался по лестницам, выходил на балконы... повсюду были люди, молча приветствовавшие его.

Наконец он добрался до конференц-зала. Было темно, и Пол уже спал на столе, прикрытый плащом часового, с воинским ранцем под головой вместо подушки. Герцог прошел по комнате и вышел на нависающий над летным полем балкон. Часовой в углу балкона, заведя в неясном свете посадочных огней герцога, вытянулся.

– Вольно, – пробормотал герцог и оперся о прохладный поручень балкона.

Впадину в пустыне охватила предутренняя тишина. Он глянул вверх. На темно-синей шали неба поблескивали золотые цехины звезд. Склонившись к югу, вторая ночная луна просвечивала сквозь тонкую туманную дымку – ехидный недоверчивый диск, заливающий Лето своим циничным светом.

Пока он глядел, луна спустилась за Барьер, посеребрив голые скалы. И во внезапно сгустившейся тьме его пробрал

озноб. Тело затрясла дрожь.

«Я терплю эти козни барона. Харконнены гонят меня, травят, и эта стычка с бароном – последняя! Вечные козни этого Дома, – думал он. – И кто эти людишки? Дерьмо с умишком палача. Все до единого! Здесь я стою! – И печаль коснулась его. – Придется править и оком, и когтем, как ястреб правит птицами». Непроизвольно его рука потянулась к вышитому гербу. На востоке медленно загоралась заря. Сперва небо посерело, звезды незаметно растаяли в перламутровом свете, наконец колокол зари зазвенел над зубчатым горизонтом.

Невиданная красота рассвета захватила его. «Все-таки есть что-то общее в зорях на разных мирах», – подумал он.

Он не мог даже представить себе ничего прекраснее зубчатого багрового горизонта, пурпурных и охряных утесов вокруг. У края посадочного поля, где слабые капли росы вливали жизнь в торопливые растения Арракиса, он заметил большие клумбы красных цветков, а между ними четкую фиолетовую линию... словно отпечатки чьих-то гигантских шагов.

– Прекрасное утро, сир, – произнес часовой.

– Да, ты прав.

Герцог кивнул, размышляя: «Может быть, мы приживемся. Эта планета еще станет хорошим домом для моего сына...»

А потом он заметил людей, скользнувших в цветочные поля со странными косами – устройствами для собирания ро-

сы. Вода на этой планете была так дорога, что здесь туземцы не пренебрегали даже каплей росы.

«... Впрочем, она может оказаться и ужасным местом».

Возможно, самый ужасный момент в жизни – когда ребенок впервые осознает, что его отец тоже человек, сотканный из простой человеческой плоти.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»

Герцог произнес:

– Пол, я собираюсь сделать мерзость... Я не хочу этого, но обстоятельства заставляют.

Он стоял возле портативного ядоискателя, доставленного в конференц-зал перед завтраком. Руки-сенсоры устройства застыли над столом, напоминая Полу лапки какого-то странного дохлого жука.

Герцог стоял, обратившись к выходящим на посадочное поле окнам, в утреннем небе клубились облака пыли.

Перед Полом был портативный проектор с коротким фильм-очерком о религиозных обрядах Вольного народа. Составил его кто-то из экспертов Хавата, и Пол невольно смущался, читая печатные комментарии штабиста, относящиеся к нему лично.

«Махди».

«Лисан аль-Гаиб».

Закрыв глаза, он припомнил крики толпы. «Так, значит, вот на что они надеются! – подумал он. – А как называла меня та старуха – Преподобная Мать? Квизац Хадерач». Вызванное воспоминаниями предчувствие ужасной судьбы копошилось в сознании, а странный мир вокруг казался знакомым, но почему – он не мог понять.

– Мерзость, – повторил герцог.

– Что вы хотите сказать, сир?

Лето обернулся и поглядел на сына:

– Харконнены пытаются одурачить меня, они думают, что я поверю в предательство твоей матери. Откуда же им знать, что я скорее перестану верить самому себе?

– Не понимаю, сир.

Лето вновь заглянул в окно, утреннее белое солнце успело уже подняться достаточно высоко. Молочный свет лился на пылевые облака, клубящиеся над глухими каньонами Барьера.

Медленно и тихо, чтобы сдержать гнев, герцог рассказал Полу о таинственной записке.

– С равным основанием ты мог бы не доверять и мне, – сказал Пол.

– Но им должно казаться, что замысел удался, – сказал герцог, – они должны поверить, что я именно такой дурак, каким они хотят меня видеть. Все должно быть убедительно.

Нужно, чтобы даже твоя мать не заметила этой хитрости.

– Но почему?

– Твоя мать может выдать себя поступком. О, она способна на благороднейшие жесты... но сейчас решается слишком многое. Я надеюсь, это предатель выдаст себя. Посторонним должно казаться, что я совсем перестал ей доверять. Придется ей претерпеть эту боль, чтобы не пришла бóльшая.

– Почему же тогда ты, отец, рассказываешь это мне? А если проговорюсь я?

– За тобой не будут следить, это бессмысленно, – сказал герцог. – И я уверен, ты будешь молчать. Ты должен. – Он отошел к окну и проговорил, не поворачивая головы: – Вот что, если со мной что-нибудь случится, ты расскажешь ей правду, что я не сомневался в ней... ни на миг. Я хочу, чтобы она тогда все узнала.

Ощувив дыхание смерти в словах отца, Пол быстро проговорил:

– Что может с тобой случиться? Ведь...

– Помолчи-ка, сын.

Герцог стоял к сыну спиной, и Пол заметил усталость во всем его облике: в наклоне головы, в постановке плеч, в замедленных движениях.

– Ты просто устал, отец.

– Да, я устал, – согласился герцог. – Я морально устал. Должно быть, меня наконец поразила меланхолическая дегенерация Великих Домов. А когда-то в нашем роду были

крепкие люди.

Внезапно рассердившись, Пол воскликнул:

– Да не в упадке наш Дом!

– Разве нет? – Герцог обернулся, глянул на сына. Под глазами его чернели круги, рот кривился в циничной усмешке. – Я должен был жениться на твоей матери, сделать ее своей герцогиней. Пусть... Но сам знаешь, отсутствие жены давало мне возможность породниться с другими Домами и заключить союз. – Он передернул плечами. – Поэтому я...

– Мать объясняла мне.

– Ничто не обеспечивает вождю преданность подданных больше, чем хвастовство, – сказал герцог, – а потому я и бравую.

– Ты хороший вождь, – запротестовал Пол. – Ты умеешь править. Люди с охотой следуют за тобой и с любовью...

– Мои пропагандисты одни из лучших, – согласился герцог и вновь глянул на котловину. – Арракис предлагает нашему Дому больше возможностей, чем считает сам Император. Но все же я иногда думаю, что лучше для нас было бы бежать, стать ренегатами. Иногда мне хочется затеряться среди людей, скрыться из вида...

– Отец!

– Да, я устал, – сказал герцог. – Кстати, ты знаешь, мы начали использовать отходы производства специи в качестве сырья, и наша собственная фабрика уже производит пленку...

– Сир?

– Пленки для видеолент должно быть в избытке, – сказал герцог. – Как же иначе мы сумеем наводнить города и деревни информацией? Люди должны узнать, как прекрасно я ими правлю. А как они это узнают, если мы не расскажем им об этом сами?

– Тебе надо отдохнуть, – сказал Пол.

И вновь герцог обернулся к сыну:

– У Арракиса есть еще одно достоинство, о котором я почти позабыл. Специя здесь содержится почти по всем. Ты дышишь ею, ешь ее, она почти во всех продуктах. Известно, что она создает некоторую невосприимчивость к кое-каким ядам из «Справочника ассасина». А необходимость следить за использованием каждой капли воды заставляет строжайшим образом контролировать всю пищевую промышленность: культуру дрожжей, гидропонику, хемавиты – словом, все. Большую часть нашего населения нельзя отравить ядом, значит, такой путь нападения бесполезен. Арракис делает нас этичными и моральными.

Пол попытался заговорить, но герцог отрезал:

– Сын, я должен был сказать это кому-нибудь.

Он вздохнул и посмотрел на сушь за окном. Цветы и те исчезли, то ли затоптанные сборщиками росы, то ли спаленные лучами утреннего солнца.

– На Каладане мы правили, опираясь на силу, – на море и в воздухе, – проговорил герцог. – Здесь же мы должны до-

биваться господства в пустыне. Она – твое наследство, Пол. Что ты будешь делать, если со мной что-нибудь случится? Твой Дом не должен уйти в изгой – он не должен стать партизанским, гонимым, преследуемым.

Пол напрасно подбирал слова, силясь что-нибудь произнести. Он еще никогда не видел отца в таком настроении.

– Чтобы удержать Арракис, – сказал герцог, – мне придется принимать решения, после которых, быть может, я и сам перестану себя уважать. – Он указал на окно, где черно-зеленое знамя Атрейдесов вяло свисало с флагштока на краю посадочного поля. – С этим честным стягом люди, быть может, свяжут много всякого зла.

Пол сглотнул пересохшим горлом. В словах отца слышались надлом, покорность судьбе, оставившие пустоту в груди мальчика.

Герцог извлек из кармана тонизирующие таблетки и не запивая проглотил одну из них.

– Сила и страх – вот орудия власти. Надо бы углубить побыстрее твои познания в партизанской войне. Этот ролик – там еще тебя называют «Махди», «Лисан аль-Гаиб» – словно последнее прибежище. Ты должен его использовать.

Пол поглядел на отца, таблетка уже сделала свое: плечи его распрямились, но страх и неуверенность, вызванные этим разговором, не исчезали из памяти мальчика.

– Где там застрял этот эколог? – пробормотал герцог. – Я же велел Сафиру доставить его сюда пораньше.

Однажды отец мой, Падишах-Император, взял меня за руку, и наукой, усвоенной от матери, я почувствовала, что он взволнован. Он увел меня в зал портретов, к проекции герцога Лето Атрейдеса. Я отметила сильное сходство отца и человека с портрета: сухие, благородные лица с резкими чертами, на которых особенно выделялись холодные глаза. «Принцесса-дочь, – обратился ко мне отец, – если бы только ты была старше, когда этот мужчина выбирал женщину!» В то время отцу был семьдесят один год, хотя выглядел он не старше человека на портрете, а мне было четырнадцать. Но, помню, в этот момент я поняла, что отец втайне хотел, чтобы герцог был его сыном, и мне стало жаль, что политические разногласия делали их врагами.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Первая же встреча с людьми, которых было ему приказано предать, потрясла доктора Кайнса. Он-то гордился, считая себя ученым, для которого легенды – лишь ключ, намек на какие-то культурные подосновы. Но мальчик словно вышел из древнего пророчества, глаза его и впрямь пронзали, и весь он был, как и следует, исполнен сдержанной прямооты.

Естественно, пророчество допускало некоторую неопределенность: из него не было ясно, приведет ли Мать Богиня Мессию с собой или произведет его уже на планете. И все же предсказание странно соответствовало обоим новоприбывшим.

Они встретились утром, ближе к полудню, на краю посадочного поля Арракина, рядом с административным зданием. Неподалеку грузно сел пузатый орнитооптер, мягко жужжа на холостом ходу, как сонное насекомое. Около него стоял часовой Атрейдесов с обнаженным мечом, вокруг него маревом дрожало облачко щита.

Заметив его, Кайнс насмешливо подумал: «Ну, Арракис приготовил для них неплохой сюрприз!»

Планетолог поднял руку, жестом приказав отстать своей охране из Вольного народа, и проследовал ко входу в это сооружение – темной дыре в облицованной пластиком скале. «Каменный монолит так и прет из земли, – подумал он. – Но в нем совсем не так удобно, как в пещерах моего народа».

Какое-то шевеление в темноте входа привлекло его внимание. Он остановился, воспользовавшись моментом, чтобы поправить одеяние и конденскостюм на левом плече.

Входные двери широко распахнулись. Из них торопливо выступила охрана в форме Атрейдесов, все с тяжелым вооружением: мечи, щиты, станнеры, стреляющие «медленными» ампулами. Сзади шел высокий мужчина, темноволосый и смуглый, с ястребиным лицом. На нем был плащ-джубба

с нашивкой Атрейдесов на груди, и сидел он так, что было ясно: этот человек надевал джуббу впервые. Плащ то и дело лип к конденскостюму, обвивал ноги и мешал свободному, размашистому шагу.

Рядом с мужчиной шел юноша, тоже темноволосый, но с более округлым лицом. Он был маловат для своих – Кайнс знал это – пятнадцати лет. Но в юном теле угадывался дух повелителя, уверенного в себе, словно глазам его было открыто многое, что сокрыто от прочих. И плащ на нем был такой же, как у отца, однако шел он столь непринужденно, что казалось, мальчик вырос в подобной одежде.

«Махди будет видеть сокрытое от глаз людских», – гласило пророчество.

Кайнс тряхнул головой, напомнив себе: «Они всего лишь люди».

Рядом с ними шел третий, как и они, одетый для пустыни. Кайнс сразу признал его – Гарни Холлик. Кайнс глубоко вздохнул, чтобы подавить в себе раздражение... Холлик осмелился учить его в присутствии герцога и его наследника.

«Герцога вы можете называть «милорд» или «сир». Правильно говорить и «благороднорожденный», но это обращение более формально. К сыну можно обращаться «молодой господин» или «милорд». Герцог – человек свободных взглядов, но не выносит фамильярности».

Не сводя глаз с приближающейся группы, Кайнс подумал: «Скоро они узнают, кто истинный хозяин Арракиса. А

сейчас... Или они снова прикажут своему ментату полночи допрашивать меня? Или же они считают, что я должен сопровождать их в инспекционном полете по месторождениям специй?»

Смысл вопросов Хавата не ускользнул от Кайнса. Им нужны были базы Империи. А о базах они узнали, конечно, от Айдахо.

«Придется приказать Стилгару отослать голову Айдахо этому герцогу».

Герцог со спутниками были уже лишь в нескольких шагах, под их сапогами поскрипывал песок.

Кайнс склонил голову:

– Милорд герцог.

Подходя к этой одинокой фигуре у орнитоптера, Лето разглядывал стоящего – высокий, худой, в свободном балахоне, конденскостюме и низких сапогах. Капюшон его был откинут назад, лицевой клапан сдвинут в сторону, открыв длинные волосы песочного цвета, редкую бороду. В глазах под густыми бровями светилась та же синева в синеве. Они были обведены кругами пыли.

– Вы здешний эколог?

– Мы предпочитаем здесь старый титул, милорд, – сказал Кайнс, – планетолог.

– Как угодно, – ответил герцог. Он поглядел вниз на Пола. – Сын, это судья перемены, разрешитель споров, поставленный здесь, чтобы все было выполнено правильно во вре-

мя перехода к нам власти над файфом. – Он глянул на Кайнса. – А это мой сын.

– Милорд, – сказал Кайнс.

– Вы из Вольного народа? – спросил Пол. Кайнс улыбнулся:

– Я здесь свой и в ситче, и в деревне, молодой господин, но я слуга его величества – планетолог Империи.

Пол кивнул, удивленный силой, исходящей от этого человека. Холлик показал Кайнса Полу еще из окна верхнего этажа административного здания: «Вон тот, посреди группы фрименов... тот, что сейчас идет к орнитоптеру».

Пол быстро поглядел на Кайнса в бинокль: прямой твердый рот, высокий лоб. Холлик шепнул ему на ухо:

– Станный человек. Говорит, как чеканит: все четко, никаких рваных краев, как обрезал.

А герцог из-за спины проговорил:

– Типичный ученый.

Теперь, оказавшись лишь в нескольких футах от него, Пол чувствовал в Кайнсе силу, личность... словно бы королевскую кровь, привыкшую к повиновению.

– Я понимаю, что мы должны поблагодарить вас за конденскостюмы и эти плащи, – сказал герцог.

– Надеюсь, что они будут сидеть хорошо, милорд, – ответил Кайнс. – Их делали мастера из Вольного народа, по возможности, в соответствии с размерами, которые дал мне этот ваш Холлик.

– Я удивился, когда вы сказали, что не можете взять нас в пустыню без этих одеяний, – сказал герцог. – Мы можем запасти много воды. Долго быть там мы не собираемся, к тому же нас будет прикрывать с воздуха эскорт – вон он над головой. Едва ли нас собьют.

Кайнс поглядел на него, на налитую водой плоть, и проговорил:

– На Арракисе нельзя заранее быть уверенным в чем-нибудь. Можно говорить только о вероятностях.

Холлик дернулся:

– К герцогу следует обращаться только «милорд» или «сир»!

Лето условленным жестом руки приказал ему прекратить:

– Мы вступили на новый путь. Следует учитывать это.

– Как прикажете, сир.

– Мы обязаны вам, доктор Кайнс, – сказал Лето. – И эти костюмы, и заботу о нас... я не забуду.

Внезапно, повинуясь порыву, Пол произнес цитату из Оранжевой Католической Библии:

– *«Дар благословляет дающего».*

В утреннем воздухе слова прозвенели, пожалуй, громковато. Эскорт из фрименов, остававшийся на корточках в тени у дома, повскакивал, не скрывая возбуждения. Один из них громко выкрикнул:

– Лисан аль-Гаиб!

Кайнс обернулся, резким движением руки отослал свою

свиту назад. Бормоча что-то, они отступили подальше к зданию.

– Очень интересно, – проговорил Лето.

Жестко глянув на герцога и Пола, Кайнс произнес:

– Туземцы пустыни весьма суеверны. Не обращайтесь на них внимания. Они не причинят вреда. – А сам припомнил строки пророчества: «И они приветствуют вас святыми словами, а дары ваши будут благословением».

В представлении Лето – в основном по краткому словесному портрету, с оговорками и подозрением составленному Хаватом, – вдруг выкристаллизовался облик Кайнса: это был человек из Вольного народа. Кайнс явился сюда со своими людьми, что, быть может, значило лишь то, что Вольный народ прощупывает новое право свободно перемещаться по городу. И все же эскорт казался почетной свитой. По виду Кайнс был горд, он привык к свободе, речи его и поступки ограничивало только собственное разумение. Так что слова Пола оказались точны и уместны.

Кайнс был туземцем.

– Не пора ли отправляться, сир? – спросил Холлик.

Герцог кивнул:

– Я полечу на собственном топтере. Кайнс может сесть спереди проводником. Ты и Пол займете место сзади.

– Минутку, будьте добры, – сказал Кайнс, – с вашего разрешения, сир, я должен проверить, правильно ли вы одеты.

Герцог хотел возразить, но Кайнс проговорил:

– Своя плоть мне дорога не менее, чем вам ваша... милорд. Я прекрасно знаю, кому перережут глотку, если что-нибудь случится с вами, пока вы оба находитесь на моем попечении.

Герцог, нахмурясь, подумал: «Какой деликатный момент! Если я откажусь, он может обидеться. А если этот человек впоследствии не будет иметь для меня цены? И все же... чтобы он встал рядом без щита между нами, прикоснулся ко мне, когда я так мало знаю о нем?..»

Сомнения вихрем промчались в его голове, по пятам преследуемые решением.

– Мы в ваших руках, – сказал он и распахнул одеяние, Холлик рядом качнулся на пятках, но застыл на месте. – И если вы будете столь добры, – продолжил герцог, – хотелось бы получить описание этого костюма от привычного к нему человека.

– Безусловно, – произнес Кайнс. Он ощупал под плащом Лето плечевые гермозастежки, давая по ходу дела пояснения. – Этот многослойный костюм – высокоэффективный фильтр и система теплообмена. – Он подрегулировал застежки. – Контактующий с кожей слой порист. Пот проходит сквозь него и охлаждает тело, обеспечивая нормальный процесс испарения. Следующие два слоя... – Кайнс затянул ремешок на груди потуже, – ...содержат теплообменные волокна и солепоглотители. Соли используются заново.

Герцог удивленно всплеснул руками и произнес:

– Весьма интересно.

– Вдохните поглубже, – сказал Кайнс. Герцог повиновался.

Кайнс ощупал гермозастежки у него подмышками, подтянул одну.

– Телодвижения, особенно дыхание, – сказал он, – и осмотический процесс обеспечивают нагнетающую силу. – Он слегка ослабил нагрудный ремешок. – Восстановленная вода поступает в специальные карманы, откуда вы потребляете ее через трубку у шеи.

Герцог наклонил голову и посмотрел на конец трубки.

– Удобно и эффективно, – объявил он. – Умно спроектировано.

Кайнс нагнулся, чтобы осмотреть гермозастежки на ногах.

– Моча и кал обрабатываются в карманах на ягодицах, – сказал он. Поднимаясь, пощупал воротник, поднял клапан. – В открытой пустыне этот фильтр прикрывает лицо. Носо-фильтры вставляются в ноздри, их заглушки способствуют плотной подгонке. Вдыхайте через фильтр на рту, выдыхайте через носовую трубку. В хорошем, исправном костюме, изготовленном фрименами, вы теряете не более наперстка жидкости в день, даже если вам предстоит провести его в Великом Эрге.

– Наперсток в день, – повторил герцог.

Нажав пальцем на лобовую накладку костюма, Кайнс сказал:

– Она может натирать. Если будет раздражать, пожалуйста, скажите мне – я подтяну ее чуть повыше.

– Благодарю, – отозвался герцог.

Он пошевелил плечами, когда Кайнс отошел на шаг. Костюм теперь казался удобным и не мешал движениям.

Кайнс повернулся к Полу:

– Что же, парень, теперь глянем и на тебя.

«Хороший человек, придется, правда, научить его правильно обращаться», – подумал герцог.

Пока Кайнс обследовал костюм, Пол стоял не шевелясь. Этот скрипящий гладкий костюм он натягивал на себя со странным чувством. Его сознание говорило, что никогда не приходилось ему до сих пор надевать конденскостюм, и все-таки каждое новое прикосновение адгезионных лент под руководством неопытного Гарни казалось инстинктивным, естественным. Затягивая потуже грудь, чтобы добиться максимального нагнетающего эффекта от дыхательных движений, он знал, что делает и почему. Туго затянув ткань на шее и накладку на лбу, он понимал, что нужно это, чтобы избежать появления водянистых мозолей.

Кайнс выпрямился, озадаченно шагнул назад.

– Ты уже носил конденскостюм? – спросил он.

– Нет, я надеваю его впервые.

– Значит, кто-то отрегулировал его?

– Нет.

– Твои пустынные сапоги опущены на лодыжках. Кто ска-

зал тебе так сделать?

– Просто... по-моему, так правильно.

– Действительно, так правильно.

Кайнс тронул щеку, припоминая легенду: «Он будет вести пути ваши, словно рожденный на них».

– Мы теряем время, – сказал герцог, показав на ожидающий топтер, и направился к нему первым, ответив кивком на приветствие часового. Опустившись на место пилота, он застегнул ремни безопасности, проверил панель управления и приборы. Аппарат покачивался, пока остальные забирались внутрь.

Кайнс пристегнулся, оглядел комфортабельную кабину, мягкие подушки, серо-зеленую обшивку, поблескивающие приборы. Прохладный и чистый воздух омыл его легкие, едва двери захлопнулись и ожили кондиционеры.

«Слишком уж мягко здесь», – подумал он.

– Все в порядке, сир, – доложил Холлик.

Лето подал мощность на крылья, посмотрел, как они поднимаются и опускаются, – раз, другой. И вот топтер был уже метрах в десяти над землей – перья на крыльях плотно сложены, задние реактивные двигатели со свистом разгоняют машину по крутой дуге.

– К югу-востоку за Барьер, – сказал Кайнс. – Я сказал руководителю пустынных работ сосредоточить оборудование там.

– Хорошо.

Герцог развернулся к воздушному эскорту, аппараты окружили орнитоптер, защищая его. Они направились на юго-восток.

— Конструкция и технология изготовления свидетельствуют о высоком уровне знаний.

— Когда-нибудь я покажу вам фабрику одного из ситчей, — проговорил Кайнс.

— Это будет интересно, — сказал герцог. — Я знаю, такие костюмы изготавливаются еще и в некоторых гарнизонных городках.

— Грубые подделки, — сказал Кайнс, — любой из жителей Дюны, если он только ценит свою шкуру, носит костюм пустынной работы.

— И потеря воды в таком костюме не более наперстка в день?

— Если костюм надет правильно — шапочка сидит плотно и все прочие гермоуплотнения в порядке — основным источником потерь воды останутся ладони, — объяснил Кайнс. — Можно носить и перчатки, если вы не собираетесь делать что-нибудь особенное. Фримены в пустыне чаще натирают руки соком креозотового кустарника. Он уменьшает потливость.

Герцог глянул налево, на изломанный горный ландшафт под собою, на разрывы ущелий, желто-коричневые полосы, пересеченные черными линиями трещин. Словно кто-то уронил все это с большой высоты, да так и оставил обломки

на месте.

Они пересекли неглубокий бассейн, четкая линия очерчивала песчаный язык, впадавший в него из каньона в северной части. Песок тянул свои пальцы в котловину – сухая песчаная дельта на темной скале.

Кайнс откинулся назад, думая о пропитанной водой плоти под этими костюмами. Поверх балахонов они надели пояса щитов, на поясах – капсульные станнеры, на шеях – монетки передатчиков срочного оповещения. И у герцога, и у сына в наручных ножнах виднелись ножи. Ножны были заношены. Вид этих людей удивил Кайнса странной смесью мягкости и мощи. Они совсем не походили на Харконненов.

– В вашем донесении, когда настанет пора уведомить Императора о смене правительства на планете, вы сообщите, что мы соблюдали правила? – спросил Лето. Он глянул на Кайнса, потом снова вперед, на приборную панель.

– Харконнены ушли, вы пришли, – ответил Кайнс.

– И все в порядке? – спросил Лето.

Челюсти Кайнса напряглись:

– Как планетолог и судья перемены я непосредственно подчиняюсь Империи... милорд.

Герцог мрачно улыбнулся:

– Но мы оба представляем себе действительное положение дел.

– Я напоминаю вам, что его величество поддерживает мою работу.

– В самом деле? И в чем же она заключается?

В наступившем молчании Полу подумалось: «Он слишком поспешно навалился на этого Кайнса». Пол глянул на Холлика, но менестрель-воин смотрел вниз, на пустынный ландшафт.

– Вы, конечно, имеете в виду мои функции планетолога? – жестко проговорил Кайнс.

– Естественно.

– В основном это биология и ботаника сухих земель и кое-какие геологические работы – бурение коры, эксперименты. Возможности одной планеты трудно исчерпать.

– Вы проводите исследования специй?

Кайнс повернулся, Пол обратил внимание на суровую линию щеки.

– Любопытный вопрос, милорд.

– Имейте в виду, Кайнс, теперь это мой файф. И мои методы иные, чем у Дома Харконненов. Пока я знаю результаты ваших исследований, я спокоен. – Он посмотрел на планетолога. – Харконнены не поощряли работ в этой области, не так ли?

Кайнс глянул назад, не отвечая.

– Можете говорить открыто, – сказал герцог, – не опасаясь за свою жизнь.

– Императорский суд отсюда действительно далеко, – пробормотал Кайнс, думая: «Чего добивается от меня этот мягкий, налитый водой пришелец? Неужели он считает меня ду-

раком, способным записаться к нему на службу».

Не отрывая глаз от курса, герцог сухо усмехнулся:

– Слышу кислую нотку в вашем голосе, сэр. Мол, явились на планету с толпой ручных убийц, не так ли? Да еще хотят, чтобы все тут же признали, что они не Харконнены.

– Читал я вашу пропаганду, которой вы затопили деревни и ситчи, – ответил Кайнс. – Любите доброго герцога! Ваш корпус про...

– Эй, там! – рявкнул Холлик. Оторвавшись от окна, он наклонился вперед.

Пол положил ладонь на руку Холлика.

– Гарни, – сказал герцог и обернулся, – этот человек слишком долго прожил под пятой Харконненов.

Холлик осел назад:

– Эйя!

– Ваш Хават человек умелый, – сказал Кайнс, – но цель его достаточно ясна.

– Значит, вы откроете нам эти базы.

Кайнс резко ответил:

– Они – собственность Его Императорского Величества.

– Но их же не используют!

– Их *можно* будет использовать.

– Разве его величество соперничает со мной?

Кайнс твердо глянул на герцога:

– Арракис мог бы стать раем, если его правители умили бы прыть в погоне за специей.

«На мой вопрос он не ответил», – подумал герцог и спросил:

– Неужели планета может стать раем за так, бесплатно?

– Зачем деньги, – отвечал Кайнс, – если на них нельзя купить необходимого?

«Именно», – подумал герцог и произнес:

– Обсудим это потом. Как раз сейчас мы, похоже, вылетаем за пределы Барьера? Лететь тем же самым курсом?

– Тем же самым, – пробормотал Кайнс.

Пол выглянул из окна. Каменные развалины под ними стали уступать место мягким складкам, резким обрывом переходившим в каменную равнину. За обрывом до горизонта громоздились полумесяцы дюн, и то тут, то там на песке виднелся темный мазок, неровное пятно, а может быть, это проступали скалы. В нагретом воздухе Пол не мог точно разглядеть.

– Есть внизу какие-нибудь растения? – спросил он.

– Немного, – отвечал Кайнс. – Зона жизни этих широт в основном образована теми, кого мы зовем «малые похитители влаги». Они нападают друг на друга, отнимая выступившие капли росы. Некоторые участки пустыни просто кишат жизнью. И все они научились выживать в этих условиях. Если вы затеряетесь где-то внизу, придется или приспособиться к этой жизни, или умереть.

– Значит, придется... красть воду друг у друга? – поинтересовался Пол. Мысль эта взбесила мальчика, и тон выдал

его возмущение.

– Бывает и так, – отвечал Кайнс, – но я хотел сказать несколько иное. Видите ли, моя планета требует особого отношения к влаге. Ее приходится все время искать. Нельзя потерять ничего, в чем есть хоть немного воды.

«...*моя планета!*» – подумал герцог.

– Возьмите градусы на два к югу, милорд, – сказал Кайнс, – с запада надвигается песчаный ветер.

Герцог кивнул. Он уже заметил вздыбившееся светло-коричневое облако пыли. Лето чуть накренил топтер, замечая на крыльях догонявшего эскорта молочно-оранжевые блики рассеянного пылью солнечного света.

– Обойдем бурю по краю, – сказал Кайнс.

– Этот песок, должно быть, и впрямь опасен, если влететь прямо в облако, – заметил Пол. – Неужели он может разьесть даже самый прочный металл?

– На такой высоте это не песок, а пыль, – ответил Кайнс, – опасны отсутствие видимости, воздушные ямы, засорения воздухозаборников.

– А мы сегодня увидим настоящий добывающий комбайн? – спросил Пол.

– Весьма вероятно, – отвечал Кайнс.

Пол откинулся назад, вопросов он более не задавал, пытаясь в состоянии свехвосприятия, как учила его мать, зарегистрировать личность планетолога. Кайнс был записан теперь в его памяти: тон голоса, черты лица, каждый жест.

Небольшой бугорок на левом рукаве балахона – там нож в ручных ножнах. Грудь тоже странно вздымалась. Говорили, что в пустыне на поясе носят необходимые вещи. Судя по всему, под балахоном скрывалась всякая всячина, но никак уж не силовой щит. На шее одеяние Кайнса было сколото медной булавкой с гравированным зверьком наподобие зайца. Другая булавка со схожим изображением свисала с уголка капюшона, отброшенного за плечи.

Холлик повертелся в своем кресле рядом с Полом, потянулся назад и извлек оттуда свой бализет. Пока Холлик настраивал инструмент, Кайнс оглядывался по сторонам, а потом все свое внимание уделил курсу.

– Что бы вы хотели услышать, юный господин? – спросил Холлик.

– Выбирай сам, Гарни, – ответил Пол.

Холлик приложил ухо к деке, тронул струну и мягко пропел:

Наши отцы ели манну в пустыне,
Где земля опаляет, где смерчи проходят.
Боже, выведи нас из ужасной земли!
Спаси нас... ах, спаси нас —
Выведи из сухой и безводной земли.

Кайнс глянул на герцога и сказал:

– Вы путешествуете с небольшим отрядом охраны, милорд. Все ли из них одарены таким количеством талантов?

– Гарни? – усмехнулся герцог. – О, Гарни у нас – один. Я ценю его глаза. Они не упускают ничего.

Планетолог нахмурился.

Не пропустив даже ноты мелодии, разговор прервал Холлик:

Ведь я как филин в пустыне – оу!

Ай-я! Как филин в пусты-не!

Герцог потянулся вниз, взял микрофон с приборной доски, нажатием большого пальца включил его и произнес:

– Лидер эскорта Гемма. Летающий объект на девять часов в секторе Б, определите.

– Птица, – сказал Кайнс и добавил: – У вас острые глаза.

Громкоговоритель на панели затрещал, потом выговорил: «Эскорт Гемма. Объект обследован с максимальным увеличением – это большая птица».

Глянув в указанном направлении, Пол заметил вдали крошечное пятнышко, шевелящуюся точку, и подумал: «Насколько же насторожен отец! Все чувства в полной готовности».

– А я и не знал, что столь крупные птицы могут так далеко залетать в пустыню, – сказал герцог.

– Должно быть, орел, – ответил Кайнс, – земные существа приспособились и к этим местам.

Орнитоптер летел над голой каменистой равниной. Глядя

вниз с высоты в две тысячи метров, Пол заметил на неровной земле тени их топтера и эскорта. Земля внизу казалась плоской, но изломанная тень свидетельствовала об обратном.

– А кто-нибудь выходил живым из пустыни? – спросил герцог.

Музыка Холлика притихла. Он наклонился вперед, желая расслышать ответ.

– Не из глубокой пустыни, – ответил Кайнс. – Несколько человек вышли из второй зоны. Они выжили потому, что шли каменистыми местами, где мало червей.

Интонации в голосе Кайнса привлекли внимание Пола. Он весь собрался, как его и обучали.

– Ах-х, черви, – сказал герцог. – Хорошо бы поглядеть хотя бы на одного!

– Это может случиться уже сегодня, – проговорил Кайнс. – Где специя, там и черви.

– Всегда? – спросил Холлик.

– Всегда.

– А черви и специя как-нибудь связаны? – спросил герцог.

Кайнс обернулся, и Пол увидел, как шевельнулись его сухие губы:

– Они защищают пески со специей. У каждого червя есть своя территория. Что касается специи... кто знает? Те экземпляры червей, которые мы обследовали, заставляют предположить, что в их органах происходят сложные химические реакции. В их трахеях мы находим следы соляной кислоты,

а в других частях тела – и более сложные кислоты. Я подарю вам свою монографию об этом.

– Значит, щит бесполезен? – спросил герцог.

– Щит! – Кайнс пренебрежительно усмехнулся. – Да только включите силовой щит неподалеку от червя – и ваша судьба решена! Черви немедленно забывают про все границы участков и бросаются туда, откуда исходит силовое поле. Никто из включивших в пустыне щит не выжил после подобной атаки.

– Как же тогда происходит ловля червей?

– Убить червя целиком можно только одним способом – высоковольтным разрядом по каждому сегменту, – ответил Кайнс. – Их можно оглушить и разорвать на части взрывчаткой – но каждый сегмент будет жить собственной жизнью. Кроме атомного взрыва, я не знаю другого способа уничтожить крупного червя целиком. Они невероятно живучи.

– Значит, их никогда не пытались перебить? – спросил Пол.

– Слишком дорого, – согласился Кайнс. – Слишком большие площади.

Пол откинулся на сиденье. Его чувство правды и чуткое восприятие оттенков интонаций говорили, что Кайнс лжет, отговаривается полуправдой. Он подумал: «Если специя и черви как-то связаны, покончить с червями – значит покончить и со специей».

– Скоро никому больше не придется выходить пешком из

пустыни, – произнес герцог. – Вот передатчик на груди. Нажми кнопку – и спасатели уже в пути. Скоро такие будут у каждого из наших работников. Мы организуем специальные спасательные отряды.

– Весьма похвальное намерение, – отозвался Кайнс.

– Но тон ваш выдает несогласие, – возразил герцог.

– Несогласие? Почему же? Я не против, но помехи, спровоцированные песчаными бурями, заглушают любой сигнал. Передатчики закорачивает. Знаете ли, это уже пробовали, но Арракис строг к приборам. К тому же, когда червь вышел на охоту, много времени не остается. Чаще всего не больше пятнадцати или двадцати минут.

– И что же вы посоветуете? – спросил герцог.

– Вам нужен мой совет?

– Да, совет планетолога.

– И вы последуете ему?

– Если он будет разумным.

– Очень хорошо, милорд. Никогда не путешествуйте в одиночку.

– А если отряд разметала буря и ты вынужден идти на посадку? – спросил Холлик. – Что-нибудь сделать можно?

– Что-нибудь можно сделать всегда, – ответил Кайнс.

– А что сделаете вы? – спросил Пол.

Кайнс сурово глянул на мальчика, вновь перевел взгляд на герцога:

– Я проверю, цел ли конденкостюм. Там, где червь не

достанет, например в скалах, я бы остался у орнитоопера. В открытых песках нужно немедленно отойти от машины, подальше и побыстрее. Достаточно километра, а затем я бы укрылся под балахоном. Червю достанется аппарат, но он, может быть, минует меня.

– А потом? – спросил Холлик.

– Надо подождать, пока червь не уберется восвояси. – Кайнс пожал плечами.

– И это все? – спросил Пол.

– Когда червь удалится, можно попробовать уйти из этого места, – продолжил Кайнс. – Идти надо тихо, избегать барабанных песков и приливных котловин – прямо к ближайшим скалам. Их много. Так что можно и добраться.

– Барабанные пески, что это? – переспросил Холлик.

– Определенное состояние песка при уплотнении, – ответил Кайнс. – Легкий шажок по ним отзывается барабанным боем. Черви никогда не пропускают такого.

– А приливные котловины? – продолжил герцог.

– Углубления в почвах пустыни, столетиями заполняемые пылью. Некоторые настолько велики, что в них есть и течения, и приливы. Они поглотят любого, кто по неосторожности ступит в них.

Холлик откинулся назад и провел рукой по струнам. Наконец он запел:

Дикие твари рыщут доньне,

Ожидая заблудшего,
Ох-х-х, не искушай же демона пустыни
Во избежание ху-у-удшего.
Всюду угрозы...

Он резко оборвал песню, наклонился вперед:

– Впереди пылевое облако, сир.

– Вижу, Гарни.

– Его мы и ищем.

Пол перегнулся, чтобы заглянуть вперед, и заметил километрах в тридцати перед ними желтое облако пыли на поверхности пустыни.

– Одна из ваших фабрик-краулеров, – сказал Кайнс. – Она на поверхности, – значит, под ней специя. Облако – это выброшенный песок, когда специя уже отсортирована. Такое облако не спутаешь с другим.

– Над ней летательные аппараты, – сказал герцог.

– Вижу двух... трех... четырех споттеров, – проговорил Кайнс. – Они ждут появления следа червя.

– Следа? – переспросил герцог.

– Песчаной волны, движущейся к краулеру. На поверхность выбрасывают и сейсмозонды. Иногда черви передвигаются так глубоко, что не видно никакого следа. – Кайнс оглядел небо. – Вблизи должен быть и каргон, только я его что-то не вижу.

– А червь приходит всегда? – спросил Холлик.

– Всегда.

Нагнувшись вперед, Пол тронул Кайнса за плечо:

– А какой величины участок у червя?

Кайнс нахмурился. Дитя это задавало взрослые вопросы.

– В зависимости от размера.

– А какие вариации? – поинтересовался герцог.

– Большой охраняет три-четыре сотни квадратных километров, маленькие же... – Он умолк. Герцог внезапно включил тормозные двигатели.

Аппарат дернулся, хвостовые двигатели с шипением отключились. Теперь машина функционировала уже полностью как орнитоптер, крылья которого размеренно и плавно вздымались и опадали. Не отпуская управления, герцог указал левой рукой на восток от комбайна.

– Это и есть след?

Чтобы разглядеть, Кайнс перегнулся через герцога.

Пол и Холлик, прижавшись к окну, глядели в ту же сторону. Пол успел заметить, что застигнутый врасплох маневром эскорт вырвался было вперед, но теперь уже медленно разворачивался. Комбайн-фабрика была все еще впереди, километрах в трех.

Там, куда указывал герцог, полумесяцы дюн простирались до горизонта. Эту рябь пересекала прямая линия, начинавшаяся движущейся горой песка. Полу это напомнило след, на мгновение оставленный на воде крупной рыбиной, плывущей у поверхности.

– Червь, – проговорил Кайнс. – Большой. – Он нагнулся,

схватил микрофон с панели, переключился на новую частоту. Глянув на карту с сеткой координат, прикрепленную над головой, он быстро произнес в микрофон: – Вызываю краулер в Дельта Аякс Девять. Предупреждение – след. Краулер в Дельта Девять. Предупреждение – след. Сообщите прием.

Громкоговоритель на панели сперва затрещал, потом из него донеслось:

– Кто вызывает Дельта Аякс Девять? Прием.

– Что-то они и не думают волноваться, – заметил Холлик.

Кайнс говорил в микрофон:

– Полет вне расписания, – пролетаю в трех километрах к северо-востоку от вас. След червя на пересечении с курсом, ожидаемое время контакта с вами – через двадцать шесть минут.

В громкоговорителе загремел другой голос:

– Группа наблюдения. След подтверждаю. Остановитесь для фиксации контакта. – После паузы голос произнес: – Контакт – минус двадцать шесть минут. Оценка точная. Кто летит вне расписания? Прием.

Холлик, забросив свою музыку, просунул голову вперед между герцогом и Кайнсом:

– Это обычная рабочая частота?

– Да. Зачем тебе знать?

– Кто слушает?

– Рабочие экипажи в округе, меньше интерференция.

Громкоговоритель вновь затрещал и произнес:

– Говорит Дельта Аякс Девять. Кому начислять премию за обнаружение? Прием.

Холлик глянул на герцога.

Кайнс сказал:

– Существует премия в зависимости от добычи в этом месте тому, кто первый заметил червя. Они хотят знать...

– Скажите им, кто первым заметил червя, – сказал Холлик.

Герцог кивнул.

Немного поколебавшись, Кайнс взял микрофон:

– Премия за обнаружение – герцогу Лето Атрейдесу. Герцогу Лето Атрейдесу. Прием.

Внезапный треск статических помех исказил и лишил выражения ответ:

– Слышим и благодарим.

– А теперь скажите, пусть они разделят эту премию между собой, – приказал Холлик. – Скажите им, что такова воля герцога.

Кайнс глубоко вдохнул и произнес в микрофон:

– Герцог желает, чтобы вы разделили премию между экипажем. Слышите? Прием.

– Прием подтверждаем и благодарим, – раздалось в громкоговорителе.

Герцог произнес:

– Я забыл вовремя упомянуть, что у Гарни редкий дар налаживать контакты с общественностью.

Кайнс, озадаченно нахмурившись, глядел на Холлика.

– Так люди узнают, что герцог заботится об их безопасности, – сказал Холлик. – Пойдут разговоры. И частота рабочая – едва ли нас подслушали агенты Харконненов. – Он глянул на эскорт прикрытия. – Но они все равно не осмелятся: на такую группу рискованно нападать.

Герцог развернул аппарат к пылевому облаку над фабрикой:

– Что будет теперь?

– Где-то поблизости болтается каргон, – произнес Кайнс. – Теперь он опустится и подцепит краулер.

– А если каргон разбился? – спросил Холлик.

– Значит, пропало все оборудование, – отвечал Кайнс, – держитесь поближе к фабрике, милорд, – это интересно.

Герцог нахмурился и, едва они попали в турбулентный вихрь над краулером, занялся рукоятками управления.

Пол поглядел вниз: пластмассово-металлическое чудище под ними все еще извергало песок. Оно было похоже на синне-коричневого жука, опиравшегося на множество широких гусениц-ножек. Огромный раструб впереди был направлен прямо в темное пятно на песке.

– Судя по цвету – богатый пласт, – сказал Кайнс. – Все работают до последней минуты.

Герцог добавил мощности на крылья, изогнув их так, чтобы было удобно планировать над краулером. Оглядевшись, убедился в готовности эскорта, закружившегося в вышине.

Пол смотрел то на желтое облако, валившее из выхлопов краулера, то в пустыню, на приближающийся след.

– Почему мы не слышим, как они вызывают каргон? – забеспокоился Холлик.

– Обычно летная группа ведет переговоры на другой частоте, – произнес Кайнс.

– А почему бы не использовать по два каргона на каждую фабрику? – спросил герцог. – Внизу же двадцать шесть человек, не говоря уже о ценном оборудовании.

Кайнс начал:

– Чувствуется, что вам не хватает оп...

В тот же момент его перебил сердитый голос:

– Эй, наверху, кто видит крыло? Оно не отвечает.

Громкоговоритель забормотал, прозвучал громкий сигнал, шум смолк, и первый голос произнес:

– Доложите по номерам! Прием.

– Старший группы наблюдения. В последний раз видел крыло довольно высоко на северо-западе. Сейчас не вижу. Прием.

– Первый споттер – крыло не вижу. Прием.

– Второй споттер – крыло не вижу. Прием.

– Третий споттер – крыло не вижу. Прием.

И все умолкло.

Герцог посмотрел вниз. Над краулером промелькнула тень его собственного аппарата.

– У них только четыре споттера, не так ли?

– Верно, – подтвердил Холлик.

– В нашем распоряжении еще пять больших аппаратов, по трое можем посадить. Они – по двое в каждый споттер.

Пол подсчитал в уме и сказал:

– Для троих не хватит места.

– Так почему же нельзя использовать по два каргона к каждому краулеру? – рявкнул герцог.

– У вас не хватит оборудования, – возразил Кайнс.

– Тем больше оснований беречь то, что есть.

– Куда же мог пропасть этот каргон? – спросил Холлик.

– Его могли вынудить приземлиться где-нибудь в отдалении, – сказал Кайнс.

Герцог схватил микрофон и некоторое время размышлял, положив большой палец на выключатель.

– Как же можно упустить каргон из виду?

– Все внимание наблюдателей в споттерах обычно обращено на землю, все ищут след червя.

Герцог щелкнул переключателем и произнес в микрофон:

– Говорит ваш герцог. Мы опускаемся, чтобы снять экипаж Дельта Аякс Девять. Споттерам приказано помогать. Приземление по бокам. Споттеры – с востока, эскорт – с запада. Прием.

Протянув руку вниз, он переключился на собственную командную частоту, повторил приказ эскрту и передал микрофон обратно Кайнсу.

Тот вновь переключился на рабочую частоту, из громко-

говорителя вырвался голос:

– ...почти полные баки специи! Почти полные баки! Нельзя же оставлять их поганому червю. Прием.

– К чертям специю! – проревел герцог, выхватил микрофон вновь и сказал: – Специи всегда можно добыть сколько угодно. В топтерах не хватает места для троих. Тяните соломинки или решайте как-нибудь иначе. Приказываю покинуть краулер!

Он хватил микрофоном по руке Кайнса, пробормотав «извините», когда тот потряс ушибленным пальцем.

– Сколько времени в запасе? – спросил Пол.

– Девять минут, – ответил Кайнс.

Герцог сказал:

– Этот аппарат помощнее остальных, если стартовать на двигателях с крылом в три четверти, можно втиснуть сюда еще одного человека.

– Песок мягок, – напомнил Кайнс.

– С перегрузкой в четыре человека при реактивном старте можно и поломать крылья, – добавил Холлик.

– Не на этом аппарате, – сказал герцог.

Он направил топтер по плавной дуге вниз, к краулеру. Крылья, изогнувшись, остановили этот нырок метрах в двадцати над землей. Топтер плавно скользнул вниз.

Краулер теперь безмолвствовал, песок уже не валил из труб. Внутри него что-то глухо гроыхало. Когда герцог открыл дверь, грохот усилился.

Сразу же в ноздри ударил запах корицы, тяжелый и едкий. Хлопая крыльями, с другой стороны краулера приземлились аппараты группы наблюдения. Собственный эскорт герцога уже выстроился в цепочку.

Поглядев на фабрику, Пол теперь понял, какими крохотными оказались все топтеры рядом с краулером, – словно комары рядом с бронированным жуком.

– Гарни и Пол, выбросьте заднее сиденье, – приказал герцог. Он вручную отрегулировал крылья так, чтобы они выступали на три четверти, установил правильный угол, проверил управление реактивными двигателями. – Какого черта они копаются в этой машине?

– Надеются, что каргон еще подоспеет, – пояснил Кайнс. – У них есть несколько минут.

Он глянул на восток.

Все посмотрели в ту сторону, след червя еще не показался, но людей уже охватило явное беспокойство.

Герцог взял микрофон, включил командную частоту и сказал:

– Двоим выбросить генераторы щита. По порядку... Можно будет взять еще одного человека. Мы не оставим чудовищу ни одного человека. – Вновь перейдя на рабочие частоты, он крикнул: – Эй там, на Дельта Аякс Девять! Живо! Все наружу! Это приказ вашего герцога! И галопом! Или я разрежу эту жестянку лазером!

В передней части фабрики хлопнул люк, другой звякнул

сзади. Оступаясь и спотыкаясь, на песок из люков посыпались люди. Последним оказался высокий мужчина в замасленном балахоне. Он прыгнул на гусеницу, потом на песок.

Герцог повесил микрофон на панель, шагнул из кабины на ступеньку у кресла и закричал:

– По двое к каждому споттеру!

Человек в замасленной робе стал попарно отсчитывать своих работников, направляя их на другую сторону.

– Четверых сюда! – заорал герцог. – И четверых вон в тот аппарат! – Он ткнул пальцем в топтер эскорта, стоявший рядом с его собственным. Охрана как раз выбрасывала оттуда генератор. – И еще четверых туда, – он показал на другой топтер эскорта, из которого генератор силового поля уже выбросили. – И по трое в остальные! Да живее же, пескоходы!

Высокий мужчина закончил отсчитывать свой экипаж, по песку следом за ним, спотыкаясь, бежали еще трое.

– Я слышу червя, но еще не вижу, – заметил Кайнс.

Тут услышали и все остальные – легкое шелестящее скрипение, приближающееся издали.

– Чертовски корявый способ взлета, – выругался герцог.

Орнитоптер захлопал крыльями по песку. Герцог вдруг вспомнил джунгли родной планеты, открывшуюся глазу поляну и птиц-могильщиков, взмывающих с трупа дикого быка.

Собиратели специи добрались до топтера, стали карабкаться в кабину за герцогом. Холлик, подавая руку, помогал

им.

– Живее внутрь, парни, – крикнул он. – Торопитесь!

Затиснутый в угол пропотевшими мужчинами, Пол чувствовал исходящий от них страх. И заметил, что у двоих дюннеров конденскостюмы плохо застегнуты на шее. Он аккуратно занес информацию в память – на будущее. Следует посоветовать отцу строже относиться к дисциплине в обращении с конденскостюмами. Люди расхолаживаются, если не следить за такими вещами.

Последний, задыхаясь, ввалился внутрь и выговорил:

– Червь! Почти рядом! Взлет!

Герцог, хмурясь, скользнул в кресло и проговорил:

– Но у нас же есть еще около трех минут по первоначальной оценке, не так ли, Кайнс? – Он хлопнул дверью, проверил ее.

– Почти столько, милорд, – отвечал Кайнс и подумал: «Холодная голова у этого герцога».

– Все на местах, сир, – сказал Холлик.

Герцог кивнул, проследил за взлетом последнего из аппаратов эскорта. Включил зажигание, поглядел на приборы и инструменты и, наконец, запустил двигатель.

Стартовое ускорение глубоко вдавило герцога и Кайнса в сиденья, сбilo в кучу людей сзади. Кайнс следил, как герцог управляется с рукоятками – легко и уверенно. Топтер был уже в воздухе, и герцог наблюдал за приборами, время от времени поглядывая влево и вправо на крылья.

– Тяжело идет, сир, – выговорил Холлик.

– В пределах допустимого для этого аппарата, – ответил герцог. – А ты ведь не думал, что я и впрямь рискну взлететь с таким грузом, а, Гарни?

Холлик ухмыльнулся и произнес:

– Ни на секунду не сомневался.

Герцог заложил вираж над краулером. Втиснутый в уголок у окна, Пол поглядывал вниз на неподвижную машину. След червя вдруг остановился метрах в четырехстах от краулера. И тотчас песок вокруг фабрики словно забурился.

– Теперь червь под краулером, – сказал Кайнс. – А сейчас вы увидите то, что удавалось наблюдать немногим.

Вокруг фабрики вдруг закрубились облачко пыли. Громадная машина начала крениться вправо. Огромная воронка закружилась в песке, словно в воде, все быстрее и быстрее. Теперь песок и пыль поднялись в воздух уже на несколько сотен метров.

И тогда они увидели!

В песке вдруг разверзлась дыра. На белых спицах по краям ее поблескивал солнечный свет. Диаметр дыры, как показалось Полу, был раза в два больше длины краулера. Вместе со слоем песка и пыли машина рухнула в чудовищную пасть. Дыра в песке затянулась.

– Боже, что за чудовище! – пробормотал один из дюннеров рядом с Полом.

– Сожрал всю нашу специю! – добавил другой.

– Кое-кто за это заплатит, – сказал герцог. – Я обещаю...

Во внешне спокойном тоне Пол чувствовал гнев отца. И понял, что разделяет это чувство. Такая растрата – настоящее преступление!

В наступившем молчании они слышали голос Кайнса.

– Благословен делатель и его воды, – бормотал Кайнс. – Благословен приход и уход его. Да очистится мир явлением его. Да хранит он свой мир и свой народ.

– Что это ты говоришь? – удивился герцог.

Кайнс не ответил.

Пол поглядел на окружающих его людей. Они со страхом смотрели на затылок Кайнса. Один из них прошептал:

– Лайет.

Кайнс, хмурясь, обернулся. Говоривший осел назад в смятении.

Другой из спасенных сухо закашлялся и, задыхаясь, выдал:

– Проклятая адская дыра!

Высокий человек с Дюны, последним забравшийся в топтер, проговорил:

– Тихо, Косс, ты только растравишь кашель. – Он пошевелился, расталкивая своих людей, пока не смог увидеть затылок герцога: – Это вы герцог Лето? Так? – спросил он. – И вам наша благодарность за спасение. Мы уже готовились окончить свои дни здесь, если бы не вы.

– Тихо, парень, не мешай герцогу пилотировать, – про-

бормотал Холлик.

Пол глянул на Холлика. Он и сам успел заметить жесткие складки в уголках отцовского рта. Когда герцог бывал разъярен, не следовало шуметь.

Едва начав выводить топтер из широкого виража, Лето удивленно замер, заметив внизу движение. Червь убрался в свои глубины, и теперь у впадины в песке, там, где был краулер, оказались две фигуры, направляющиеся на север.

– Кто это? – рявкнул герцог.

– Так... Двое приятелей попросили нас подвезти их, сир, – пробормотал высокий.

– Почему о них молчали?

– Они сами решили воспользоваться этим путем, сир, – проговорил высокий.

– Милорд, – сказал Кайнс, – все эти люди знают, что в стране червей человеку мало чем можно помочь.

– Надо послать аппарат с базы, – отрезал герцог.

– Как вам угодно, милорд, – ответил Кайнс. – Только, скорей всего, когда он сюда долетит, спасать будет некого.

– И все же пошлем аппарат, – уверенно сказал герцог.

– Они же были совсем рядом, когда появился червь, – удивился Пол. – Как же они спаслись?

– Стенки полости обрушились, и можно ошибиться в расстоянии, – сказал Кайнс.

– Мы тратим топливо, сир, – напомнил Холлик.

– Да, Гарни.

Герцог направил свой аппарат к Барьеру. Паривший наверху кругами эскорт направился следом, пристроившись по бокам и сверху.

Пол думал о том, что говорили высокий и Кайнс. В их словах он ощущал и полуправду, и явную ложь. Люди внизу уверенно и расчетливо скользили по песку, зная, что не приманят червя из глубины.

«Фримены! – подумал Пол. – Кто еще может чувствовать себя на песке так уверенно? Кого еще начальник работ мог спокойно оставить в пустыне, зная, что они не пропадут? Они умеют жить здесь! Они даже могут перехитрить червя!»

– Что делали фримены на краулере? – спросил Пол.

Кайнс резко обернулся.

Высокий таращил глаза – синева в синеве – на Пола.

– Это что за парнишка? – спросил он.

Заслонив Пола собой, Холлик произнес:

– Это Пол Атрейдес, наследник герцога.

– Почему он уверен, что на нашей громыхалке были фримены? – спросил тот.

– Они соответствуют описанию, – ответил Пол.

Кайнс фыркнул:

– Как можно узнать сверху, фримены они или нет? – Он поглядел на высокого. – Ты! Отвечай. Кто они?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.